

12+

**№2 (40) 2026 г.
ISSN: 2713-1408**

**СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
«НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XXI ВЕКА»**

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

«**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XXI ВЕКА**» – сетевое издание.

Регистрационный номер: **ЭЛ №ФС77-76705**

Зарегистрировавший орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN: **2713-1408**

Сетевое издание выпускается с 2019 года.

Дата выпуска №2 (40) – 28.04.2026 г.

Материалы сетевого издания постатейно размещаются в наукометрической базе НЭБ eLibrary согласно лицензионному договору №469-11/2019 от 21.11.2019.

Редакция сетевого издания «**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XXI ВЕКА**»

Электронная почта: vostretsow@yandex.ru

Сайт: <http://scientific-research.ru>

Контактный телефон: 8-917-36-96-471

Главный редактор – Вострецов Александр Ильич

Учредитель и издатель сетевого издания: Индивидуальный предприниматель Вострецов Александр Ильич

Адрес издательства: 452684 Республика Башкортостан г. Нефтекамск ул. 8 Марта д. 2Б

Тираж и распространение: с использованием сети интернет.

Периодичность: 6 раз в год (1 раз в 2 месяца).

Максимальный объем сетевого издания: 100 Мб / один номер.

Территория распространения: на всей территории Российской Федерации и за ее пределами.

Тематика сетевого издания: научно-образовательные статьи в рамках следующих тематических отраслей: физика и математика, химия, биология, техника, сельское хозяйство, история и археология, экономика, философия, филология, юриспруденция, педагогика, медицина, искусствоведение, психология, социология, политология, культурология, науки о Земле.

Авторские права: все права на любые материалы, опубликованные на сайте, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах. Использование любых материалов, размещенных на сайте, допускается только с разрешения правообладателя и ссылкой на сайт <http://scientific-research.ru>. При частичной перепечатке текстовых материалов в интернете с разрешения издательства гиперссылка на <http://scientific-research.ru> обязательна.

Публикуемые статьи рецензируются и проверяются системой АНТИПЛАГИАТ на наличие заимствований и цитирований. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. Ответственность за достоверность изложенной в статьях информации несут авторы.

© Авторы статей, 2026

© Редакция сетевого издания «**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XXI ВЕКА**», 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. ВОСТРЕЦОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ – главный редактор, учредитель сетевого издания.

2. АХМЕТОВА ТАТЬЯНА АЛИМЖАНОВНА

ученая степень, звание, должность, основное место работы: кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой казахского языка, Северо-Казахстанский государственный университет имени академика М. Козыбаева, Институт языка и литературы.

город, страна: Петропавловск, Казахстан

3. КАДОЧНИКОВА ВАЛЕРИЯ ПЕТРОВНА

ученая степень, звание, должность, основное место работы: кандидат экономических наук, координатор проекта АНО «Синяя птица».

город, страна: Краснодар, Российская Федерация

4. НАЗАРЕНКО НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

ученая степень, звание, должность, основное место работы: кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и административного права Ростовского государственного экономического университета, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Всероссийского государственного университета юстиции (Ростовский филиал).

город, страна: Ростов-на-Дону, Российская Федерация

5. НАЛЬГИЕВА ХАНИФА ЛЯЧИЕВНА

ученая степень, звание, должность, основное место работы: кандидат социологических наук, доцент, Ингушский государственный университет, Чеченский государственный педагогический университет.

город, страна: Магас и Грозный, Российская Федерация

6. ЧИКОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

ученая степень, звание, должность, основное место работы: кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, ведущий научный сотрудник, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ.

город, страна: Орск, Российская Федерация

7. ШЕВЧУК ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

ученая степень, звание, должность, основное место работы: кандидат технических наук, доцент, директор департамента образования Сибирского государственного университета геосистем и технологий.

город, страна: Новосибирск, Российская Федерация

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

- М.Д. Иванова** Формирование корпуса данных для задачи извлечения профессий из русскоязычных текстов 7
- Д.Д. Маханьков, А.Н. Морозова, В.М. Алефиренко** Выбор медиаконвертеров для телекоммуникационных систем с помощью комплексных показателей качества 11
- А.А. Назаренко** Архитектура после умного города: почему проекты Smart City терпят неудачу и что приходит им на смену 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- М.В. Гурьева** Вопросы политики и экономики СССР в период хрущевской «оттепели» (1953-1964 гг.) 24

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- А.М. Ажлуни, А.Н. Петрова, М.Э. Велиев** Перспективы введения цифрового рубля и особенности проекта федерального бюджета России на 2026 г. и на плановый период 2027-2028 гг. 32
- М.В. Бочкарев, В.В. Волошин, Н.В. Шевченко** Инновационная экономика в ЖКХ и городском хозяйстве 39
- Т.А. Гусева, М.Ю. Ледовская, М.Э. Велиев** Финансовая система Российской Федерации 43
- Н.Г. Макаренко, Р.А. Наш** Возможности и ограничения создания территорий опережающего развития 50

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- К.М. Белеуханова, М.С. Нургазина, Б.А. Жоргатаева** Духовно-нравственное развитие будущего врача в условиях современных социокультурных трансформаций 54
- Ван Кэ** От делимитации к приграничной торговле: Русско-Китайский перевод и текстообразование Нерчинского договора и Кяхтинского трактата 58
- А.И. Олина** От любви к убийству: трансформация женского образа в повести «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова 65
- Е.М. Полуяхтова, Л.П. Шавкунова** Понятия категорий пространства и времени в паремиях (на примере русского, немецкого и английского языков) 69
- У.В. Румянцева, Д.А. Сорокова, А.В. Чернобровкина** Сравнение стратегий вежливости в русской и американской лингвокультурах на материале диалогов с ИИ 73

<i>А.Л. Савченко</i> Структурно-семантические особенности неологизмов категории «Lifestyles»	77
<i>Д.А. Сорокова, У.В. Румянцева, А.В. Чернобровкина</i> Особенности обучения будущему времени в английском и французском языках с использованием инструмента искусственного интеллекта Perplexity	82
<i>Хань Бинцян</i> Мост в Российско-Китайских отношениях: вклад Галины Вениаминовны Куликовой в синологические исследования	87
<i>А.В. Чернобровкина, У.В. Румянцева, Д.А. Сорокова</i> Генерация сценариев эмоциональной сдержанности и открытости в ChatGPT для обучения межкультурной коммуникации	92

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>С.А. Велич, А.И. Гоман</i> Уголовно-правовая ответственность за экологические преступления в Республике Беларусь	96
<i>Я.С. Кравчук, К.А. Киевицкая</i> Право негативного природопользования в системе экологического права Республики Беларусь	101
<i>Ю.И. Михайлов</i> Значение государственного суверенитета в современном мироустройстве	105
<i>И.В. Пальцева, В.А. Шатова</i> Мировое соглашение в арбитражном процессе как направление развития процессуальной формы	109
<i>В.А. Шатова</i> Приватизация земельных участков гражданами и юридическими лицами	115
<i>Е.В. Ярмошук</i> Роль экологического права в обеспечении устойчивого развития Республики Беларусь	122

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>З.В. Глебова, В.В. Попова</i> Особенности изучения заимствованных слов на основе публицистических текстов в школьном курсе русского языка	125
<i>С.Н. Ержанова, Н.А. Садвакасова</i> Применение метода поведенческих цепочек в прикладном анализе поведения при обучении социально-бытовым навыкам детей дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра	129
<i>Н.Н. Меркушина, С.Н. Веденькина, Я.Ю. Родина</i> Взаимосвязь педагогов и родителей в воспитании патриотизма в детском саду	133
<i>А.Е. Никитина</i> Развитие самостоятельности и инициативности у детей старшего дошкольного возраста в процессе реализации детских проектов	137
<i>В.С. Самойлова</i> Социальное конструирование реальности как инструмент психосоциальной поддержки детей дошкольного возраста: концепция, методика и опыт применения	140
<i>Е.Д. Сидоренко</i> Физическая культура как проводник формирования пластичности тела школьника	146

Т.А. Стребкова Разработка ESP-курса для студентов теплоэнергетики на основе анализа потребностей и корпусных данных 150

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Т.А. Шитая, Т.В. Тищенко Актуальные вопросы изучения музыкального фольклора в образовательном процессе колледжа культуры и искусств 154

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.Б. Артюшенко Психологические характеристики устойчивости брака 160

Т.М. Зайко, Л.А. Иванидзе, С.С. Коноплева Некоторые аспекты предупреждения конфликтов: типология, методы 164

И.В. Казакова Особенности психологических ресурсов и мотивационных тенденций студентов вуза с ограниченными возможностями здоровья 168

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Р.А. Курбанова, К.Р. Сунгатуллина, Н.А. Шибанова Ценность родного языка: поколенческий аспект 174

ПОЛИТОЛОГИЯ

И.А. Винокурова Цифровизация регионального управления как инструмент политической модернизации 178

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Э.А. Ширинли Влияние пробиотиков и пребиотиков на пищеварительную систему животных 186

УДК 004.912, 004.622

*М.Д. Иванова,
магистрант 2 курса напр. «Прикладная
математика и информатика»,
науч. рук.: А.Н. Курбацкий,
д.т.н., профессор,
ФПМИ БГУ,
г. Минск, Республика Беларусь*

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ДАННЫХ ДЛЯ ЗАДАЧИ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИЙ ИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности формирования корпуса данных для задачи распознавания именованных сущностей категории «Профессия» в русскоязычных текстах. Описываются источники данных, этапы предобработки, подход к разметке данных с использованием схемы ВЮ, а также применение активного обучения. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при работе с русским языком, и влиянию качества корпуса на эффективность моделей.

Ключевые слова: обработка естественного языка, распознавание именованных сущностей, корпус данных, аннотация, активное обучение, профессии.

Введение.

В условиях цифровизации значительная часть коммуникации осуществляется в текстовом формате. Это включает коммуникацию посредством разнообразных онлайн-чатов, форумов, социальных платформ и других способов обмена информацией через Интернет. Подобные источники содержат ценные сведения о потребностях пользователей, в том числе о спросе на специалистов различных профессий. В частности, в локальных чатах (например, чатах домов, районов или небольших сообществ) пользователи часто обращаются с запросами о поиске специалистов: «нужен электрик», «посоветуйте хорошего врача» и т.д.

Автоматическое извлечение таких упоминаний профессий позволяет формировать представление о потребности в кадровых ресурсах в конкретных регионах. Решение данной задачи возможно с использованием методов обработки естественного языка, в частности распознавания именованных сущностей (NER).

Ключевым фактором успешности NER-систем является качество обучающего корпуса. Недостаточно репрезентативные или некорректно размеченные данные приводят к снижению точности моделей, особенно в

условиях анализа неформальных текстов. В связи с этим особое значение приобретает процесс подготовки корпуса данных, включающий выбор источников, предобработку и аннотирование.

Формирование корпуса данных.

В рамках исследования был сформирован специализированный корпус русскоязычных текстов, ориентированный на задачу извлечения профессий и географических указаний. Корпус включает два типа сущностей: Profession и Location.

Для обеспечения как разнообразия, так и приближённости к реальным условиям использования, корпус был сформирован на основе двух типов данных: синтетических и реальных.

Синтетическая часть корпуса создавалась искусственно и позволяла контролировать разнообразие языковых конструкций. Были сгенерированы тексты с различными вариантами употребления профессий, включая разные грамматические формы и контексты. Это позволило избежать перекаса в сторону ограниченного набора шаблонов.

Реальная часть корпуса была сформирована на основе открытых источников. Основными из них стали:

- тексты вакансий;
- резюме;
- сообщения из онлайн-чатов.

Тексты вакансий характеризуются высокой плотностью профессиональной лексики и относительно формализованной структурой. В то же время сообщения из онлайн-чатов представляют собой менее формализованные тексты, содержащие разговорную лексику, сокращения и ошибки. Именно такие данные представляют наибольший интерес, поскольку отражают реальные сценарии использования системы.

Итоговый корпус включает 395 документов, разделённых на обучающую и тестовую выборки (316 и 79 документов соответственно). Всего корпус содержит более 4 тыс. предложений и около 78 тыс. токенов. Общее число размеченных сущностей составляет около 800.

Такое распределение обеспечивает достаточное разнообразие данных при сохранении их практической значимости.

Предобработка данных.

Перед аннотированием и использованием в моделях текстовые данные проходили этап предобработки. Основной задачей данного этапа являлось снижение уровня шума и приведение текста к унифицированному виду.

Процесс предобработки включал следующие этапы:

- токенизацию текста;
- нормализацию (приведение к нижнему регистру, удаление лишних пробелов и т.д.);
- удаление шумовых элементов (HTML-тегов, ссылок, специальных символов).

Подобная предобработка позволяет повысить однородность данных и снизить влияние случайных факторов на обучение моделей.

Разметка данных и схема ВЮ.

Ключевым этапом подготовки корпуса является аннотирование. В рамках данной работы использовалась схема ВЮ, широко применяемая в задачах разметки последовательностей.

Согласно данной схеме, каждому токenu присваивается один из следующих тегов:

- В – начало сущности;
- I – продолжение сущности;
- О – отсутствие сущности [1].

Например, в выражении «менеджер по продажам» разметка будет иметь следующий вид: В-Profession I-Profession I-Profession.

Использование схемы ВЮ позволяет корректно выделять как однословные, так и многословные сущности, что особенно важно для русского языка.

Применение активного обучения.

Для оптимизации процесса разметки использовался подход активного обучения. Основная идея заключается в том, что модель самостоятельно выбирает наиболее информативные примеры для аннотирования.

Процесс активного обучения включал следующие этапы:

1. Ручное формирование небольшого начального размеченного корпуса данных.
2. Обучение базовой модели на размеченных данных.
3. Применение модели к неразмеченным данным.
4. Отбор моделью наиболее информативных текстов.
5. Ручная аннотация выбранных моделью текстов.
6. Повторное обучение модели на новых данных [2].

Данный цикл повторялся несколько раз до достижения приемлемого качества.

Пример такого цикла показан на рисунке 1.

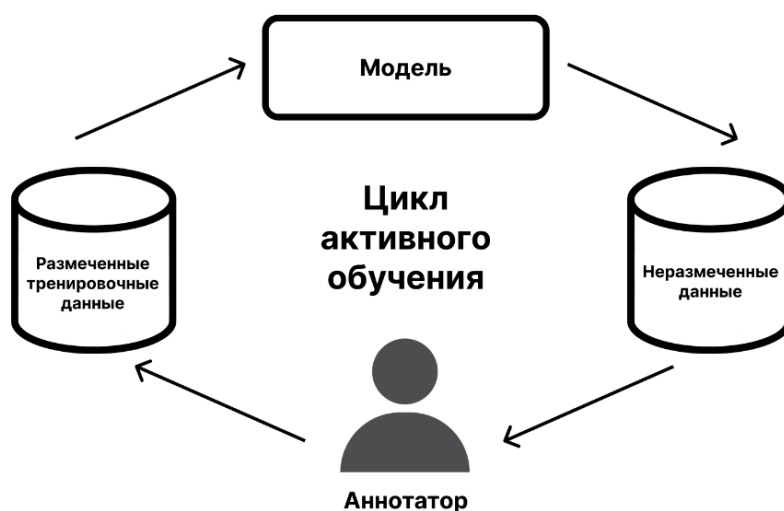

Рисунок 1 – Схема процесса активного обучения

Использование активного обучения позволило существенно сократить объём ручной разметки. Однако данный подход имеет ряд ограничений. В частности, возможна аккумуляция ошибок: если модель на ранних этапах делает некорректные предсказания, это может повлиять на последующие результаты.

Особенности аннотирования русскоязычных текстов.

Аннотирование русскоязычных текстов связано с рядом сложностей. Ниже представлены основные из них.

Морфологическая вариативность. Слова могут иметь множество форм, что усложняет их распознавание (разработчик/разработчиком).

Сложные составные сущности. Названия профессий часто состоят из нескольких слов (специалист по кадрам).

Разговорная лексика. В онлайн-чатах используются неформальные выражения («фронтендер», «айтишник»).

Неоднозначность. Некоторые слова могут иметь несколько значений в зависимости от контекста (ищем аналитика/аналитика данных).

Эти особенности требуют особого внимания при аннотировании и повышают требования к качеству корпуса.

Заключение.

В статье рассмотрен процесс подготовки корпуса данных для задачи извлечения профессий из русскоязычных текстов. Отмечено, что качество корпуса является определяющим фактором эффективности моделей распознавания именованных сущностей.

Сформированный корпус может рассматриваться как надёжная основа для разработки и оценки моделей извлечения профессий и анализа потребности в кадровых ресурсах на основе текстовых данных.

Таким образом, результаты работы могут быть использованы при разработке систем извлечения информации из неструктурированных текстов. Представленные подходы к формированию и аннотированию корпуса данных представляют практический интерес для широкого круга задач обработки естественного языка, связанных с анализом пользовательского контента и выявлением значимых закономерностей в текстовой информации.

Список использованных источников и литературы:

[1] Keraghel, I. Recent Advances in Named Entity Recognition: A Comprehensive Survey and Comparative Study / Imed Keraghel, Stanislas Morbieu, Mohamed Nadif // arXiv preprint arXiv:2401.10825. – 2024.

[2] Zhang, M. Computational Job Market Analysis with Natural Language Processing / Mike Zhang // arXiv preprint arXiv: 2404.18977. – 2024.

© М.Д. Иванова, А.Н. Курбацкий, 2026

*Д.Д. Маханьков,
студент 3 курса,
А.Н. Морозова,
магистрант 2 курса,
В.М. Алефиренко,
канд. техн. наук, доцент,
БГУИР,
г. Минск, Республика Беларусь*

ВЫБОР МЕДИАКОНВЕРТЕРОВ ДЛЯ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ С ПОМОЩЬЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА

Аннотация: в статье проведен сравнительный анализ медиаконвертеров, используемых в телекоммуникационной инфраструктуре, на основе результатов комплексного анализа, включающего расчет арифметического и геометрического показателей качества. Представлены диаграммы распределения комплексных показателей качества, которые дают возможность проводить сравнение устройств согласно их техническим параметрам и выбирать наиболее эффективные модели для лучшего функционирования систем телекоммуникации.

Ключевые слова: телекоммуникационные системы, распределенные сети, медиаконвертеры, технические параметры, сравнительный анализ, комплексные показатели качества, арифметический показатель качества, геометрический показатель качества, диаграммы распределения моделей медиаконвертеров.

Современные сети связи и передачи данных выходят за пределы малых локальных сетей и начинают представлять собой сложные структуры, объединяющие различные типы кабельных трасс. Одним из ключевых звеньев в данной инфраструктуре являются медиаконвертеры, необходимые для преобразования сигнала при передаче его из одной среды в другую. По сути, они выступают в качестве «мостов» между оборудованием, позволяя использовать преимущества света для передачи данных там, где возможностей электрического кабеля становится недостаточно.

Подобные устройства используются в разных сферах. В бизнесе их применяют для организации офисных сетей, объединяя удаленные здания одной компании. В промышленности – для передачи данных между производственными объектами. В системах безопасности медиаконвертеры помогают передавать видео с камер наблюдения на большие расстояния без потерь качества [3].

В связи с большим количеством сфер применения и широким спектром выполняемых задач на рынке представлено множество моделей данных

устройств, различных по своим характеристикам. Поэтому выбор наиболее оптимального медиаконвертера требует от покупателя тщательного анализа, который зачастую является трудновыполнимым.

Для преодоления данной трудности может применяться комплексный метод оценки технических характеристик медиаконвертеров с дальнейшим сравнением полученных значений, который показал свою эффективность на практике [1, 2]. Этот метод предполагает использование арифметического и геометрического показателей качества:

$$K_{\text{ариф}} = \sum_{i=1}^m \alpha_{Hi} \cdot k_{Hi} \quad (1)$$

$$K_{\text{геом}} = \sqrt[m]{\prod_{i=1}^m k_{Hi}^{\alpha_{Hi}}} \quad (2)$$

где k_{Hi} – нормированный i -й единичный показатель;

α_{Hi} – нормированный коэффициент, характеризующий вес (значимость, важность) i -го единичного показателя;

m – количество единичных показателей, принятых во внимание.

Для сравнения были взяты 10 моделей медиаконвертеров, выпускаемых различными фирмами. В качестве единичных показателей были выбраны 10 наиболее важных технических характеристик: максимальное расстояние передачи данных, тип оптики, тип коннектора, напряжение питания, минимальная и максимальная рабочие температуры, длина, ширина, высота и масса.

Для оценки комплексных показателей качества медиаконвертеров необходимо подготовить и преобразовать исходные данные. Для этого надо было выполнить следующие действия: провести преобразование параметров, выраженных несколькими числовыми значениями (диапазоны параметров, габаритные размеры), в параметры, выраженные одним значением; выбрать оптимальные и критические значения параметров для нормирования; назначить параметрам коэффициенты значимости; провести нормирование коэффициентов значимости и параметров [1].

Результаты расчетов показателей качества, проведенные по формулам (1) и (2) для каждого медиаконвертера, представлены на рисунке 1 и 2.

Рисунок 1 – Распределение комплексных арифметических показателей качества медиаконвертеров

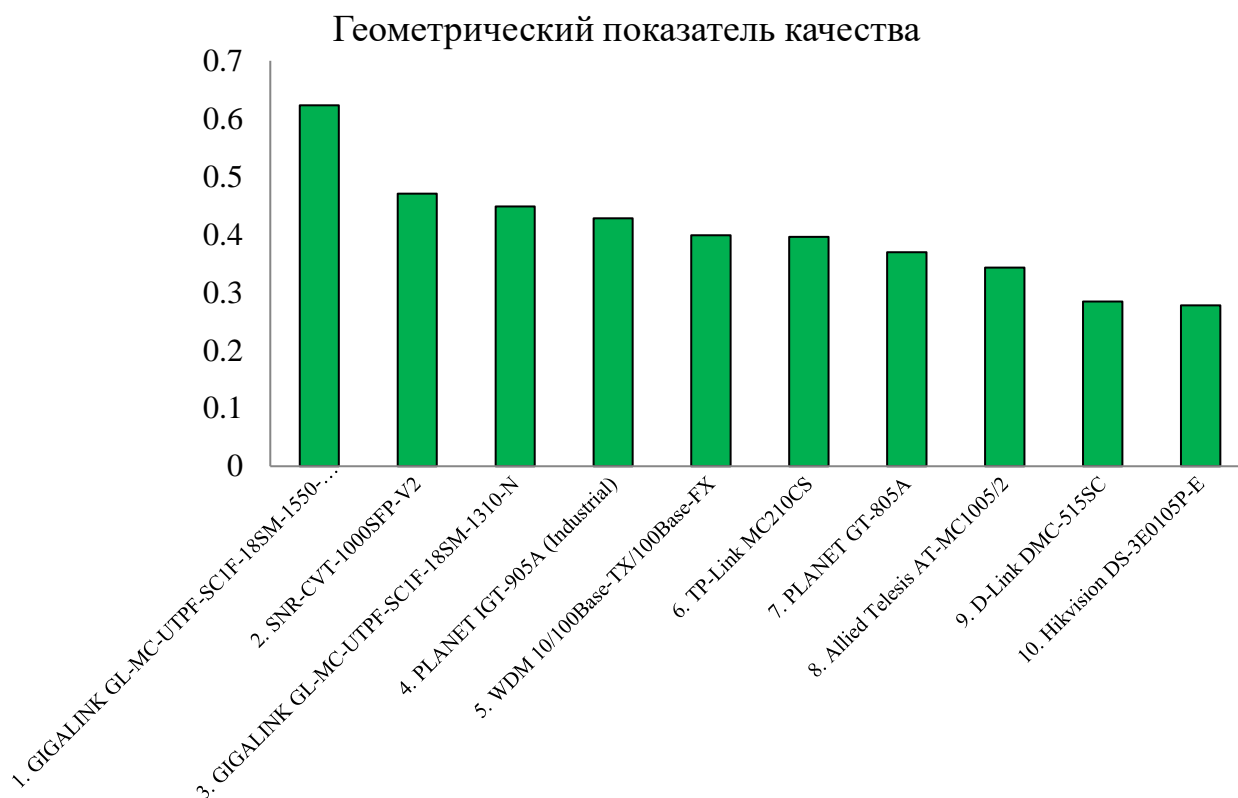

Рисунок 2 – Распределение комплексных геометрических показателей качества медиаконвертеров

На диаграмме с арифметическими показателями качества можно выделить четыре группы рассматриваемых медиаконвертеров, каждая из которых характеризуется близкими значениями показателей, но существенно различается данными величинами между группами. Первую группу представляет медиаконвертер, занявший 1-е место (с показателем 0,68). Вторая группа объединяет медиаконвертеры со 2-го по 8-е места (с диапазоном значений 0,62 – 0,50). В третью группу входит медиаконвертер, занявший 9-е место (с показателем 0,41). Четвертая группа представлена медиаконвертером на 10-м месте со значением показателя 0,36.

На диаграмме с геометрическими показателями качества прослеживается пять групп моделей медиаконвертеров. В первой группе находится медиаконвертер, занявший 1-е место (со значением 0,62). Во вторую группу вошел медиаконвертер, занявший 2-е место (с показателем 0,47). В третьей группе расположились медиаконвертеры, находящиеся на 3-м и 4-м местах (со значениями 0,45 и 0,43 соответственно). Четвертая группа включала медиаконвертеры с 5-го по 8-е места (с диапазоном значений 0,40–0,34). В пятой группе расположились медиаконвертеры, занявшие 9-е и 10-е места со значениями показателя 0,28.

Сравнивая результаты двух диаграмм, можно сделать вывод о том, что наилучшие значения по арифметическому и геометрическому показателю имеют следующие медиаконвертеры: *GIGALINK GL-MC-UTPF-SC1F-18SM-1550-NP* [4], *SNR-CVT-1000SFP-V2* [5], *GIGALINK GL-MC-UTPF-SC1F-18SM-1310-N* [6]. Характеристики данных медиаконвертеров приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Технические характеристики наилучших из рассмотренных медиаконвертеров

Характеристики	Модели		
	<i>GIGALINK GL-MC-UTPF- SC1F-18SM- 1550-NP</i>	<i>SNR-CVT- 1000SFP-V2</i>	<i>GIGALINK GL-MC-UTPF- SC1F-18SM- 1310-N</i>
1. Максимальное расстояние передачи данных, м	20000	20000	20000
2. Тип оптики, баллы	10	10	10
3. Тип коннектора, баллы	6	8	6
4. Напряжение питания, В	5	5	5
5. Минимальная рабочая температура, °С	-10	0	0
6. Максимальная рабочая температура, °С	60	50	70
7. Длина, мм	70	97	93
8. Ширина, мм	60	70	70
9. Высота, мм	25	26	26
10. Масса, кг	0,324	0,400	0,420

Таким образом, изложенный метод оценки качественных показателей медиаконвертеров с использованием арифметического и геометрического показателей качества позволяет провести комплексное сравнение технических параметров рассматриваемых моделей и осуществить выбор конкретной модели с наиболее оптимальными характеристиками для той или иной телекоммуникационной системы.

Список использованных источников и литературы:

[1] Алефиренко В.М. Выбор состава технических средств для систем обеспечения безопасности / В.М. Алефиренко // Доклады БГУИР. – 2017. – №2 (104). – С. 39-44.

[2] Морозова А.Н. Выбор видеокамер для систем внутреннего наблюдения / А.Н. Морозова, В.М. Алефиренко, Д.Д. Маханьков // Science Time. – 2026. – №2 (145). – С. 52-55.

[3] Медиаконвертеры: что это такое и зачем они нужны? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://artline.ua/blogs/mediakonvertery-cto-eto-takoe-i-zachem-oni-nuzhny>

[4] Медиаконвертер GIGALINK GL-MC-UTPF-SC1F-18SM-1550-NP [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.telestream.by/catalog/setevoe_oborudovanie/mediakonvertery_1/63842/

[5] Медиаконвертер SNR-CVT-1000SFP-V2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.telestream.by/catalog/setevoe_oborudovanie/mediakonvertery_1/61747/

[6] Медиаконвертер GIGALINK GL-MC-UTPF-SC1F-18SM-1310-N [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.telestream.by/catalog/setevoe_oborudovanie/mediakonvertery_1/61720/

© Д.Д. Маханьков, А.Н. Морозова, В.М. Алефиренко, 2026

*А.А. Назаренко,
студентка 5 курса
напр. «Архитектура»
Академия архитектуры и искусств,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

АРХИТЕКТУРА ПОСЛЕ УМНОГО ГОРОДА: ПОЧЕМУ ПРОЕКТЫ SMART CITY ТЕРПЯТ НЕУДАЧУ И ЧТО ПРИХОДИТ ИМ НА СМЕНУ

Аннотация: статья посвящена критическому анализу первой волны проектов «умного города» и выявлению причин их системных неудач. На материале трех показательных кейсов – Sidewalk Toronto (Канада), Songdo International Business District (Республика Корея) и Masdar City (ОАЭ) – рассматриваются структурные противоречия между технократической логикой проектирования и органической природой городской среды. Выявлено четыре взаимосвязанные причины провалов: подмена человеческих потребностей технологической самоцелью; конфликт корпоративного и муниципального управленческих ритмов; дефицит доверия и подлинного соучастия жителей в принятии проектных решений; игнорирование стихийно накопленной сложности реального города. В качестве альтернативной модели анализируются практики Парижа, Барселоны и материалы Сеульской биеннале архитектуры и урбанизма 2025 года. Делается вывод о смещении профессиональной парадигмы: от оптимизации городских систем – к качеству повседневного человеческого опыта как базовому критерию проектирования.

Ключевые слова: умный город, smart city, постцифровая урбанистика, город 15 минут, человекоцентричное проектирование, Sidewalk Toronto, суперблоки, городская среда.

В октябре 2017 года торонтский причал Quayside сделался местом действия, которое принято описывать как «анонс города будущего». На церемонии присутствовал премьер-министр Канады, а инициатором проекта выступала Sidewalk Labs – дочерняя компания Alphabet, материнской структуры Google. Замысел сводился к созданию квартала, спроектированного «из интернета» – с датчиками в каждом помещении, роботизированной логистикой, адаптивными деревянными фасадами и беспилотным транспортом. Меньше чем через три года, в мае 2020-го, проект был закрыт, не успев заложить ни одного фундамента [1].

Этот случай не уникален – он лишь наиболее публично задокументирован. Songdo International Business District в Южной Корее, построенный на намывной земле у берегов Желтого моря при суммарных вложениях порядка 40 млрд. долл. США, к середине 2020-х годов населен значительно менее проектной мощности и нередко описывается как «город-

призрак», в котором инфраструктура функционирует, а уличная жизнь так и не сложилась [2]. Masdar City в ОАЭ, задуманный как первый в мире углеродно-нейтральный город-с-нуля, реализован примерно на десятую часть первоначальных планов: несколько тысяч студентов Masdar Institute и сотрудников технопарка вместо обещанных 50 000 жителей [3]. Перечень можно продолжать, однако важнее другое: речь идет не о случайных управленческих просчетах, а о повторяющейся структурной закономерности, требующей концептуального объяснения.

Данная статья ставит перед собой задачу выявить эту закономерность и наметить контуры альтернативного подхода, складывающегося в профессиональном сообществе под влиянием осмысления накопленных неудач. Исследование опирается на материалы нескольких кейсов, на концептуальные разработки в области постцифровой урбанистики, а также на практику городов, последовательно реализующих человекоцентричные модели развития среды.

Концепция «умного города» сформировалась на рубеже 2000–2010-х годов в точке пересечения трех самостоятельных процессов. Во-первых, стремительного удешевления сенсорных и вычислительных технологий, сделавшего массовое считывание городских данных технически осуществимым. Во-вторых, ускорения глобальной урбанизации – по данным ООН, к 2010 году городское население планеты впервые превысило сельское, и этот разрыв продолжал нарастать. В-третьих, корпоративной экспансии технологических компаний – IBM, Cisco, Siemens, а затем и Google – в область городского планирования, традиционно остававшуюся прерогативой государственных структур и профессиональных архитекторов.

Центральная идея этого направления была сформулирована достаточно прямолинейно: город представляет собой систему, система производит данные, данные позволяют оптимизировать систему. Следовательно, насытив городскую среду датчиками и подключив их к единой управляющей платформе, можно добиться оптимального распределения транспортных потоков, энергопотребления, вывоза отходов и уличного освещения. Именно эта логика лежала в основе проектов Masdar (2008), Songdo (с 2003 года) и позднее Quayside в Торонто. Американский теоретик урбанизма Шеннон Матерн в широко процитированной статье «Город – не компьютер» (2017), опубликованной в журнале *Places Journal*, обнажила фундаментальный изъян такой позиции: она редуцирует многовековую сложность городской жизни до набора измеримых переменных, игнорируя все, что не поддается оцифровке [4].

Следует оговориться, что сама по себе идея использования данных и технологий в управлении городской средой не является ошибочной – вопрос в иерархии целей. Когда технология становится самоцелью, а не инструментом, логика проектирования необратимо переворачивается: вместо вопроса «какие проблемы испытывают жители этого места?» задается вопрос «что мы можем сделать с имеющейся технологией?». Именно в этом инверсированном движении и кроется исходная предпосылка провала.

Songdo наглядно демонстрирует, что хорошо работающая инфраструктура и живой город – понятия отнюдь не тождественные.

Технологическая оснащенность квартала не вызывает сомнений: пневматическая система сбора бытовых отходов прямо из квартир работает бесперебойно, более 22 млн. кв. м площадей сертифицированы по международному стандарту экологичного строительства LEED, датчики в режиме реального времени отслеживают трафик и энергопотребление. Однако мастер-план, разработанный нью-йоркским бюро Kohn Pedersen Fox без единого публичного слушания с будущими жителями Инчхона, выстраивал город вокруг функций, а не вокруг поведения людей. В нем нашлось место умным светофорам, но не театру; точным маршрутным алгоритмам, но не стихийному рынку или уличному кафе с неопределенным режимом работы. Журналист Ян Джеймс, проживший в Songdo несколько недель в 2016 году, описал это ощущение лаконично: «полностью искусственный, педантично спроектированный, без малейшего следа упадка или бедности – и почти пустой» [2]. С тех пор население города заметно выросло, однако образ «города, в котором живут только алгоритмы», оказался устойчивее любой маркетинговой кампании.

Masdar обнажил другую сторону той же проблемы – операционную. Финансовый кризис 2008 года ударил по проекту немедленно: бюджет был урезан, сроки реализации раздвинуты на десятилетия, а ключевая транспортная концепция – Personal Rapid Transit, сеть персональных капсул на магнитной подвеске, которую представляли как воплощение поставтомобильного будущего, – тихо демонтирована после того, как выяснилась ее практическая несостоятельность в реальных условиях. Вместе с тем Masdar выявил и более принципиальную проблему: технологически насыщенная среда обходится дорого не только в строительстве, но и в эксплуатации. При недостаточной плотности населения, которая является почти неизбежным спутником города-нуля на первых этапах, операционная модель оказывается заведомо убыточной – и никакие «умные» алгоритмы эту математику не меняют [3].

Наиболее документально подробный из трех кейсов – Sidewalk Toronto – примечателен именно тем, что провал произошел не в авторитарном контексте и не в условиях изолированной пустыни, а в открытом демократическом городе с активным гражданским обществом. Ключевым предметом конфликта стала тотальная сенсоризация пространства: датчики предполагалось установить в жилых квартирах для мониторинга присутствия и управления климатом; зеркала в помещениях, по замыслу разработчиков, должны были анализировать физическое состояние жильцов и передавать данные врачу. Советник по вопросам конфиденциальности Энн Кавукьян – автор концепции Privacy by Design, получившей международное признание, – покинула проектную группу после того, как Sidewalk Labs отказалась принять запрет на передачу персонализированных данных третьим компаниям [1]. В 2019 году из внутренних документов стало известно, что компания изначально планировала расширить зону застройки с согласованных 12 до почти 200 акров. Этот факт, по сути, обнулил доверие, которое и без того было хрупким. Коалиция Block Sidewalk объединила тысячи горожан. В мае 2020 года Sidewalk Labs объявила о закрытии проекта, официально сославшись на экономическую

неопределенность из-за пандемии COVID-19, – хотя к тому моменту проект был мертв политически задолго до своей формальной смерти [1; 5].

Сравнительный анализ трех кейсов позволяет выделить четыре взаимосвязанных противоречия, носящих не частный, а системный характер и, по всей видимости, обусловленных самой логикой подхода, а не качеством его исполнения.

Первое противоречие – между технологией как целью и технологией как инструментом. Все три рассмотренных проекта исходили из наличия готового технологического решения, под которое затем подбирались городские функции. Между тем Джейн Джекобс в своей основополагающей книге «Смерть и жизнь великих американских городов» (1961) убедительно показала, что жизнеспособность городской среды определяется непредсказуемым разнообразием использований и их пересечений во времени, – а не оптимизацией отдельных функциональных потоков. Иными словами, именно то, что не поддается алгоритмизации, зачастую и является источником городской витальности [6].

Второе противоречие – между ритмом корпоративного управления и ритмом города. Корпоративная культура технологических компаний предполагает быстрое итерирование, право на эксперимент и возможность радикальной смены курса. Городская среда, напротив, формируется десятилетиями и требует институциональной устойчивости. В Торонто это несовпадение стало почти буквальным: Sidewalk Labs двигалась в темпе стартапа, тогда как Waterfront Toronto, подотчетный трем уровням канадской власти одновременно, был структурно не способен принимать оперативные решения по вопросам, требовавшим законодательных изменений [1; 5]. Результатом стало нарастающее взаимное раздражение, которое в конечном счете переросло в полный разрыв.

Третье противоречие – между декларируемым и реальным участием жителей. Ни один из трех проектов не строился на подлинном со-проектировании с будущими пользователями городской среды. Публичные консультации, когда они вообще проводились, начинались уже после того, как ключевые концептуальные решения были приняты разработчиками. Это не случайное упущение, а следствие базовой установки: жители рассматривались как конечные потребители готового продукта, а не как носители экспертизы о собственной повседневной жизни – экспертизы, которую никакой массив сенсорных данных заменить не в состоянии.

Четвертое, и, пожалуй, наиболее фундаментальное противоречие – между логикой чистого листа и органической природой реального города. Как показывает история урбанизма, попытки создать «правильный» город с нуля неизменно наталкиваются на одну и ту же трудность: то, что делает города живыми, складывается не по проекту, а вопреки ему. Бразилиа, построенная как образцовый модернистский город, десятилетиями страдала от отсутствия той самой стихийной уличной жизни, ради которой, собственно, и существует любой город. Аналогичный диагноз с поправкой на технологический контекст ставится сегодня Songdo и Masdar.

Провалы первой волны умных городов не означают отказа профессионального сообщества от цифровых технологий в городской среде. Они означают нечто другое – смену иерархии: человеческий опыт перемещается на место конечного критерия, а технология занимает подчиненную позицию инструмента. Этот сдвиг получил в урбанистической литературе несколько обозначений – «постцифровой поворот», «человекоцентричная урбанистика», «близкий город», – однако за разными названиями просматривается единая логика.

Наиболее концептуально разработанным выражением этой логики стала модель «города 15 минут», предложенная в 2016 году франко-колумбийским ученым Карлосом Морено. Модель исходит из того, что шесть базовых функций городской жизни – проживание, работа, торговля, здравоохранение, образование и досуг – должны быть доступны каждому жителю пешком или на велосипеде за 15 минут. Морено использовал для описания этого подхода понятие «хронурбанизм»: главным ресурсом, которым оперирует город, является не пространство, а время горожанина. В 2025 году модель вышла в формате академической монографии в издательстве Springer в соавторстве с Дидье Шабо и Кориной Галл [7]. Показательно, что к 2024 году, по данным Европейского партнерства по городским переходам (DUT), принципы «города 15 минут» в той или иной форме реализуются в 94 городах мира – преимущественно европейских, но также в ряде городов Азии и Латинской Америки [8].

Парижский опыт реализации этой концепции под руководством мэра Анн Идальго наглядно демонстрирует, в чем состоит принципиальное отличие нового подхода от технократической модели. В Париже нет единой корпоративной платформы, агрегирующей поведенческие данные жителей. Вместо этого последовательно осуществляется перераспределение городского пространства: велосипедная инфраструктура охватила весь город (по данным парижской мэрии, использование велосипеда как основного вида транспорта увеличилось за несколько лет в несколько раз), автомобильные парковки трансформируются в скверы и площадки для отдыха, школьные дворы в нерабочее время становятся общедоступными пространствами. Стратегическая цель – сократить число личных автомобилей в городе вдвое – предполагает не технологическое решение, а последовательную реструктуризацию приоритетов в распределении уличного пространства [8].

В Барселоне эта логика получила конкретное пространственное воплощение в виде проекта Superilles («суперблоков»). Группы из девяти жилых кварталов объединяются в единый «суперблок», из которого сквозной автомобильный транзит выдворяется на периметр, а внутренние улицы преобразуются в пешеходную зону с зелеными насаждениями, детскими площадками и пространствами для неформальной общественной активности. Датчики качества воздуха в суперблоках действительно установлены и работают, однако их данные публикуются в открытом доступе и служат горожанам инструментом общественного давления на муниципальные органы – а не источником оптимизации для корпоративной платформы. Согласно опросу

2022 года, более 90% жителей поддержали расширение программы [9]. Это обстоятельство само по себе красноречиво: поддержка такого масштаба возможна только тогда, когда проект исходит из нужд конкретных людей, а не из нужд технологии.

Существенным контекстом для понимания масштаба профессионального сдвига служит Сеульская биеннале архитектуры и урбанизма 2025 года, прошедшая под кураторским девизом «Radically More Human». Куратор биеннале Томас Хизервик сформулировал его как прямую реакцию на деантропоморфизацию городской среды, которую он связывает в том числе с проектами первой волны умных городов. Центральная инсталляция биеннале – «Дышащие клетки» бюро MAD Architects – представляла альтернативное видение: здания, не управляющие поведением жителей, а реагирующие на их присутствие [10]. Это разграничение – управлять против реагировать – точно схватывает суть описываемой смены парадигмы.

Анализ рассмотренных практик позволяет наметить несколько принципов, которые, по всей видимости, будут определять профессиональный консенсус в ближайшие годы. Следует оговориться, что речь идет именно о складывающихся принципах, а не об окончательно оформившейся доктрине: постцифровая урбанистика находится в стадии активного формирования, и было бы преждевременно представлять ее как завершенную теоретическую систему.

Первый из них – приоритет задачи над инструментом. Технологическое решение должно появляться как ответ на ясно сформулированный запрос конкретных людей, а не как следствие наличия готовой технологии, ищущей себе применение. Барселона начинала не с датчиков, а с вопроса о детской безопасности на улице; технические средства появились позже – как элемент решения, а не как его исходная точка.

Второй принцип – соучастие как метод, а не как процедура. Различие здесь принципиально: публичные слушания как формальное согласование уже готового проекта и подлинное со-проектирование с жителями с самого начала процесса дают принципиально разные результаты. Лиссабонская инициатива «Ná Vida No Meu Bairro» и болонская программа работы «агентов близости» с районными сообществами – примеры второго подхода: медиаторы работают с жителями до того, как приняты проектные решения, а не после [8].

Третий принцип – постепенность вместо тотальной перестройки. Города, сложившиеся органически на протяжении столетий, были формируемы наслаиванием решений, принятых в разных исторических обстоятельствах. Постцифровая урбанистика, по всей видимости, возвращается к этой логике: точечные вмешательства, проверка гипотез на ограниченных территориях, масштабирование только того, что доказало жизнеспособность на практике. Это медленнее и менее эффектно для презентации инвестору, зато несравнимо устойчивее.

Наконец, четвертый принцип, возможно наиболее актуальный в свете торонтского прецедента, – прозрачность относительно данных. Ни один крупный проект цифровой городской среды не может сегодня рассчитывать на

устойчивое общественное доверие без внятного ответа на вопросы о том, какие данные собираются, кому они принадлежат, как защищены и в чьих интересах используются. Это не технический, а политический и этический вопрос – и его решение лежит не в области программной архитектуры, а в области городского законодательства и договорных отношений между муниципалитетом, жителями и застройщиком.

Первая волна проектов «умного города» потерпела поражение не вследствие технологической незрелости – технологии в большинстве случаев работали именно так, как задумывалось. Исходная ошибка носила концептуальный характер: город трактовался как система, подлежащая оптимизации, тогда как он представляет собой нечто принципиально иное – сложившееся в историческом времени пространство человеческого соприсутствия, в котором именно непредсказуемость, избыточность и «неоптимальность» зачастую и обеспечивают жизнеспособность среды.

Постцифровой поворот в урбанистике, обозначившийся на рубеже 2010–2020-х годов и получивший институциональное закрепление в документах Европейского партнерства по городским переходам, в концепции «города 15 минут» и в кураторской программе биеннале последних лет, задает иную иерархию целей. Технология в этой новой системе ценностей не исчезает, но смещается на позицию инструмента, подчиненного задаче улучшения качества повседневной жизни конкретных людей в конкретном месте. Представляется, что именно эта смена позиции – от «как применить технологию к городу» к «как сделать город лучше для людей, которые в нем живут» – и составляет существо происходящего профессионального сдвига, значение которого для архитектурной практики еще только начинает осмысляться.

Список использованных источников и литературы:

[1] O'Kane J. Sideways: The City Google Couldn't Buy. – Toronto: Penguin Canada, 2022. – 320 с.

[2] James I. Songdo: No Man's City // Korea Expose. – 2016. – URL: <https://www.koreaexpose.com/songdo-no-mans-city> (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Yale E360 Editorial. Why the Luster on Once-Vaunted Smart Cities Is Fading // Yale Environment 360. – 2021. – URL: <https://e360.yale.edu/features/why-the-luster-is-fading-on-once-vaunted-smart-cities> (дата обращения: 16.03.2026).

[4] Mattern S. A City Is Not a Computer // Places Journal. – 2017. – URL: <https://placesjournal.org/article/a-city-is-not-a-computer> (дата обращения: 18.03.2026).

[5] Architectural Record. An Inside Look at How Alphabet's Sidewalk Labs Failed in Toronto. – 2022. – URL: <https://www.architecturalrecord.com/articles/15573> (дата обращения: 18.03.2026).

[6] Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. – New York: Random House, 1961. – 458 с.

[7] Moreno C., Chabaud D., Gall C. The 15-Minute City Model: An Integrated Urban Approach and a Game Changing Lifestyle Narrative // The Urban Book Series. – Springer, 2025.

[8] European Partnership Driving Urban Transitions (DUT). Mapping of 15-Minute City Practices. – Brussels, 2024. – URL: <https://transition-pathways.europa.eu> (дата обращения: 20.03.2026).

[9] New Polis e-journal. The 15-Minute City: A Vision for Sustainable Urban Living. – 2025. – URL: <https://newpolis.media> (дата обращения: 22.03.2026).

[10] ArchDaily. MAD Architects Presents Breathing Cells at the 2025 Seoul Biennale of Architecture and Urbanism. – 26.09.2025. – URL: <https://www.archdaily.com/1035211> (дата обращения: 23.03.2026).

© *А.А. Назаренко, 2026*

УДК 94(47).084.8

М.В. Гурьева,
к.э.н., старший преподаватель,
Санкт-Петербургская Академия
художеств имени Ильи Репина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ СССР В ПЕРИОД
ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» (1953-1964 ГГ.)**

Аннотация: в статье проанализированы события "хрущевской оттепели", выделены как положительные, так и отрицательные аспекты политики Н.С. Хрущева. Автор подчеркивает сложность наследия Хрущева, указывая как на достижения СССР в период «хрущевской оттепели», так и на подавление интересов населения в Советском Союзе и странах социалистического лагеря, и неудачные реформы рассматриваемого периода.

Ключевые слова: политика, экономика, СССР, хрущевская оттепель, социализм.

В феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд КПСС. 25 февраля, в последний день съезда, на закрытом заседании выступил Н.С.Хрущев с докладом «О преодолении культа личности и его последствий», который получил огромный резонанс во всем мире.

«Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937-38 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников, и была получена его санкция.

Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это «враг народа». А банда Берии, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов. А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которые он никогда не совершал? Только одним способом – применением физических способов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка». [1]

О мотивах своего доклада Н.С. Хрущев говорил так: «Тогда в лагерях сидело несколько миллионов человек. Огромное количество людей находилось

в лагерях до XX съезда, в прошло уже три года после смерти Сталина. За эти три года мы не смогли набраться мужества, внутренней потребности, и приоткрыть полог, и заглянуть – что же там за этой ширмой, что кроется за тем, что было при Сталине – арестами, судами, произволом и расстрелами... Мы сами, видимо, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина. И еще не освободились от его давления. Мы не могли представить, что эти расстрелы были необоснованными, что это, говоря юридическим языком, преступления». [2].

«Секретный» доклад Хрущева был неожиданным для абсолютного большинства делегатов съезда. Основная его мысль сводилась к тому, что репрессии и культ личности Сталина являлись следствием отрицательных черт его характера, отступлений от марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. Доклад не ставил под сомнение политический режим. Он был призван создать впечатление, что достаточно лишь осудить и искоренить «извращения» социализма – и путь к коммунизму будет открыт. 5 марта 1956 года Президиум ЦК КПСС принял постановление об ознакомлении с докладом всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив и о рассылке его с грифом «не для печати». Полный текст доклада в СССР в открытой печати впервые был опубликован в журнале «Известия ЦК КПСС» в 1989 году [1].

В Венгрии, освобожденной от фашистов советской армией в 1944-45 годах, тоже не обходилось без репрессий. Сначала, как в Советском Союзе, вычищали «врагов» из числа крупных землевладельцев и капиталистов, затем взялись за мелкую буржуазию и крестьян, и, наконец, очередь дошла до самой партии коммунистов. После смерти Сталина в Польше, а также в Венгрии, начались народные волнения.

23 октября 1956 года в Будапеште толпа из пятидесяти тысяч демонстрантов направилась возлагать цветы к памятнику польскому генералу Йозефу Бему (1794-1850 гг.), главнокомандующему войск венгерской революции 1848 года. От памятника Бему толпа двинулась к парламенту. К вечеру она увеличилась раза в четыре. Манифестанты выступали за вывод советских войск из Венгрии, выход из Варшавского договора, и замену Первого секретаря Венгерской Партии Трудящихся (ВПТ), сталиниста Эрне Гере, сменившего Матьяша Ракоши, либералом Имре Надем.

Толпа у Парламента разделилась на две части. Одна половина двинулась к площади Героев и снесла установленный там памятник И.В. Сталину. Другая направилась к Дому Радио, где, по общему мнению, должен был находиться Эрне Гере. Одновременно по всему городу начались погромы районных комитетов ВПТ и полицейских участков. Захваченных коммунистов и сотрудников спецслужб, как правило, убивали на месте.

На следующий день в Будапеште состоялось заседание ЦК ВПТ с участием кремлевских эмиссаров А.И. Микояна и М.А. Сулова. Гере был вынужден уступить пост Первого секретаря ВПТ Яношу Кадару. С явным запозданием руководство венгерской компартии назначило новым Премьер-министром Венгрии Имре Надя. Имре Надь потребовал вывода советских войск

из Будапешта, а когда они действительно были выведены, «народные демократы» устроили дикую расправу над пленными сотрудниками Будапештского горкома партии.

Пока советские «интервенты» покидали столицу Венгрии, в других городах их численность увеличивалась. Почувствовав неладное, И.Надь выразил советскому послу Ю.В. Андропову протест, и пригрозил, что если это вторжение не прекратится, Венгрия выйдет из Варшавского договора и обратится за помощью к ООН. Выход из Организации Варшавского Договора автоматически означал приход в страну НАТО. Возникла угроза аналогичных революций в Польше, Чехословакии, Румынии.

В ночь на 2 ноября 1956 года доставленные из Будапешта на самолете Янош Кадар и Ференц Мюнних прямо в Кремле сформировали новое венгерское правительство. Это правительство тут же обратилось к странам Варшавского договора с просьбой о помощи. Советское правительство приняло решение об оказании Венгрии военной помощи, операция по восстановлению порядка в Венгрии получила название «Вихрь». Готовность к действиям состоялась к вечеру 3 ноября.

Начался второй за последние две недели штурм Будапешта. Один за другим были захвачены мосты через Дунай, Парламент, здания ЦК ВПТ, МВД и МИДа, горсовет, вокзал Ньюгати, оружейные склады. Дольше других держалась Королевская крепость и кварталы южнее горы Геллерт. Зато практически без сопротивления были разоружены девять полков венгерской армии. Никак не проявили себя еще две венгерские дивизии, Академия Генерального штаба. Напряженные бои имели место в городах Дебрецене, Мишкольце, Сольноке, Кечкемете и др. К 8 ноября в Будапеште сражались одиночки.

Имре Надь укрылся в югославском посольстве. Советская сторона вроде бы пообещала выпустить его из Венгрии, но едва 22 ноября в сопровождении двух югославов он вышел из здания, как тут же был арестован. После суда, тайного и короткого, его расстреляли.

Во время событий октября-ноября 1956 года в Венгрии погибли более пяти тысяч венгров. Еще примерно тысячу депортировали в СССР. Казнили – около 500 человек. Покинули страну не менее 200 тысяч человек. Советской армии эти события обошлись в 720 убитых. 26 солдат и офицеров были награждены медалью «Золотая звезда» и удостоены звания Героя Советского Союза (14 из них – посмертно).

Венгерские события стали одним из толчков, которые заставили Кремль смягчить систему. В наибольшей степени это смягчение коснулось Венгрии, получившей позднее репутацию наиболее благополучной, «западной» и свободной страны социалистического блока.

В 1959 году (июль – сентябрь) в Москве, в парке «Сокольники» была организована американская национальная выставка, которая стала знаковым событием «холодной войны» и оттепели, и произвела на советских людей огромное впечатление. За шесть недель ее посетили около трех миллионов человек. На выставке демонстрировались американская бытовая техника,

автопром и мода.

Будучи с визитом в США осенью 1959 года, Н.С. Хрущев побывал на полях фермера Росуэлла Гарста в штате Айова. Гарст выращивал гибридную кукурузу, и Хрущев был буквально ею пленен. По возвращении на родину, Хрущев с еще большим рвением стал внедрять кукурузу в советское сельское хозяйство. Угодники из партийного и госаппарата продвигали идею выращивания кукурузы вплоть до Архангельской области. Это было надругательством не только над многовековым опытом и традициями ведения крестьянского хозяйства, но и над здравым смыслом. Вместе с тем, покупка гибридных семян кукурузы, внедрение американской технологии ее возделывания в тех районах, где она давала полноценный рост, помогло увеличить сбор зерна и кормов для скота.

1 мая 1960 года Н.С. Хрущев, Первый секретарь ЦК КПСС, прямо на трибуне Мавзолея заслушал доклад своего помощника о проникновении в воздушное пространство страны американского самолета-разведчика. Здесь же на трибуне Хрущевым был отдан приказ. Самолет U-2, летевший на высоте 20 тысяч метров, был сбит ракетой, а летчик-шпион Френсис Гэри Пауэрс пленен в районе Свердловска. Инцидент со шпионским самолетом U-2 резко осложнил советско-американские отношения, в результате чего ответный визит президента США Дуайта Эйзенхауэра в СССР был отменен.

В программе КПСС 1961 года, принятой XXII съездом, было торжественно обещано перед всем миром, что к 1971 году будет завершено создание «материально-технической базы коммунизма» с изобилием материальных благ, а к 1981 году будет построено в основном и само коммунистическое общество.

XXII съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1961 года, подвел итоги борьбы против культа личности Сталина, принял постановление о выносе тела Сталина из Мавзолея, о демонтаже его памятников, о переименовании города Сталинграда в Волгоград. Окончательно были устранены от власти ярые сталинисты В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, М.Г. Первухин и М.З. Сабуров, ожесточенно сопротивлявшиеся выполнению решений XX съезда КПСС о ликвидации культа личности Сталина и его последствий.

«XXII съезд КПСС постановляет:

1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечивания памяти Владимира Ильича Ленина – бессмертного основателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира, именовать впредь: Мавзолей Владимира Ильича Ленина.

2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина». [3]

12 апреля 1961 года в Советском Союзе, впервые в мире, был запущен

космический корабль с человеком на борту. Летчик-истребитель, старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин (1934 – 1968 гг.) в течение 108 минут облетел вокруг Земного шара и благополучно возвратился на Землю. Это событие произвело большое впечатление в мире и ознаменовало начало всемирной научно-технической революции – рывка в развитии производительных сил общества, который продолжается по сей день.

Ю.А. Гагарин погиб в 1968 году во время тренировочного полета на самолете. «Юра – олицетворение вечной молодости русского народа ... В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие», – писал о первом космонавте выдающийся конструктор советских космических кораблей С.П. Королев.

К 20 июня 1962 года по инициативе Н.С. Хрущева в рамках операции, получившей кодовое название «Анадырь», в строжайшей тайне, на Кубу была доставлена крупная группировка советских войск общей численностью 45 тысяч человек. В нее входили: ракетная дивизия (пять полков, из них три полка Р-12 с дальностью 2,5 тысячи км и два полка Р-14 с дальностью 4,5 тысячи км), две дивизии ПВО (144 пусковые установки), истребительный полк и четыре мотострелковых полка (одним из них командовал будущий маршал Советского Союза и Министр обороны СССР Дмитрий Язов). Решение о доставке войск на Кубу было принято на заседании Президиума ЦК КПСС.

Результатом стал так называемый Карибский кризис, который поставил мир на грань ядерной войны. 14 октября 1962 года, пилотируя над Кубой разведывательный самолет У-2, майор ВВС США Рудольф Андерсон-мл. зафиксировал на фотопленку установку советских стратегических ракет. 27 октября 1962 года Андерсон стал единственной боевой жертвой Карибского кризиса – погиб, когда его самолет был сбит советской зенитной ракетой С-75 «Двина». Тогда же, через тринадцать драматических дней, в течение которых мир висел на волоске, был найден компромисс: Советский Союз вывозит ракеты с острова, а США гарантируют безопасность Кубы от нападения извне. Н.С. Хрущеву пришлось отступить, так как в то время соотношение американских и советских ядерных боеголовок было 17:1 в пользу США [4].

В конце 50-х – начале 60-х годов XX века Советский Союз вложил огромные средства в экономику Египта, в частности, в строительство Асуанского гидроузла на реке Нил, который устранил катастрофические наводнения и обеспечил Египет дешевой электроэнергией. Н.С. Хрущев безмерно любил и уважал лидера египетской революции Гамаль Абдель Насера за его преданность не только Аллаху, но и научному коммунизму. По настоянию Хрущева Верховный Совет СССР присвоил Насеру и маршалу Египта Абдель Хакиму Амеру звание Героев Советского Союза. Армия Египта была полностью оснащена советским оружием. Сотни советских военных специалистов обучали египтян владеть этим оружием. Однако в «шестидневной войне» с Израилем, продолжавшейся с 5 по 10 июня 1967 года, Египет потерпел сокрушительное поражение. К власти пришел Анвар Садат, который переориентировал Египет на западные ценности.

Н.С. Хрущев в годы руководства страной стремился материализовать

«призрак коммунизма» в любой точке земного шара, не жалея при этом ни оружия, ни других материальных ценностей. Так было в Индии, Индонезии, Алжире, Египте и других странах. Индонезии, где тогда у власти был первый Президент Сукарно, Хрущев подарил крупный боевой корабль – крейсер. Особенно широкая помощь оказывалась Индии. Там на советские деньги был построен крупный металлургический комбинат в Бхилаи и десятки других крупных предприятий. Индийская армия оснащалась советским оружием. В эти и другие страны, которые позднее, при Л.И. Брежнев, стали именоваться «странами социалистической ориентации», непрерывным потоком на безвозмездной основе поставлялось советское оружие, строились порты, заводы и дороги. История показала, что эта политика закончилась крахом – ни в Индонезии, ни в Египте, ни в одной из стран Африки «призрак коммунизма» материализовать не удалось.

«Хрущевская оттепель» сопровождалась кровавыми событиями как внутри СССР, так и в странах Восточной Европы, то есть в странах так называемого «социалистического лагеря», которым был навязан коммунистический режим.

17 июня 1953 года выступление рабочих в Берлине и в других городах ГДР было подавлено советскими войсками, убитые и раненые исчислялись сотнями.

28 июня 1956 года в Познани (Польша) началась мощная демонстрация рабочих под лозунгами «Хлеба!», «Свободы!», «Долой диктатуру!», «Долой советскую оккупацию!». Познанское восстание было разогнано силами польской безопасности и привело к гибели 50-70 человек и сотням раненых.

В октябре-ноябре 1956 года в Венгрии прошло народное восстание против установленного в стране коммунистического режима. В Будапеште и других городах происходили настоящие бои с советскими войсками. В этих событиях погибло более пяти тысяч венгров. Более двухсот тысяч венгров бежало за границу.

2 июня 1962 года войсками была расстреляна мирная демонстрация рабочих и студентов в Новочеркасске. Рабочие протестовали против повышения цен на продукты питания. Руководили подавлением рабочих члены Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов, посланные туда Н.С. Хрущевым. Погибло 26 человек, десятки были ранены, сотни людей были арестованы и брошены в тюрьмы.

При этом во времена Н.С. Хрущева было проведено резкое сокращение армии СССР. В 1955 году ее численность была уменьшена на 640 тысяч человек. В 1956 году – еще на 1,84 миллиона человек, а в 1960 году – еще на 1,2 миллиона человек. Приток в народное хозяйство такого большого количества новой рабочей силы позволил удвоить размах строительства жилья, возвести более ста домостроительных комбинатов, провести культивацию больших площадей неиспользуемой земли, сократить рабочий день (7-часовой при 6-дневной рабочей неделе) без ущерба для масштабов производства.

Наряду с положительными результатами, в политической деятельности Н.С. Хрущева были крупные ошибки, имеющие непреходящее значение. Вот,

на взгляд автора, некоторые из них:

1. Передал Крым из состава РСФСР в состав УССР 19 февраля 1954 года.

2. Подавил Венгерское восстание 1956 года.

3. Все народно-хозяйственные ресурсы страны бросил в 1954-58 гг. на подъем целинных земель в Казахской ССР, в результате чего российское Нечерноземье, бывшее в течение многих веков житницей России, обезлюдело, и свыше сорока миллионов гектаров пахотных земель и культурных пастбищ пришли в запустение.

4. Урезал приусадебные участки колхозников, а скот приказал сдать в колхозы, из-за чего производство мяса и молока в личной подсобном хозяйстве упало на 20%.

5. Во второй половине 1950-х годов проводил политику уничтожения малых деревень, назвав их «неперспективными», в результате чего к 1964 году исчезло 139 тысяч деревень.

6. Поощрял гонения против Церкви. В результате в годы правления Хрущева было уничтожено много зданий церквей и соборов – прекрасных памятников старины. В частности, в Ленинграде были снесены великолепные соборы на Сенной и Греческой площадях. «За 1961-64 годы в СССР было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека, многие из них были заточены в тюрьмы, лагеря, на поселение, в ссылку, нередко целыми семьями» [5].

7. Дал санкцию на расстрел демонстрации рабочих и студентов в Новочеркасске, протестовавших против повышения цен на продукты, в 1962 году.

8. Некомпетентно и грубо вмешивался в дела культуры, в жизнь творческой интеллигенции. Критиковал деятелей культуры, не вписывающихся в рамки соцреализма.

9. Поставил весь мир на грань ядерной войны (Карибский кризис 1962 г.). Перевозка войск на Кубу и обратно обошлась в несколько миллиардов рублей (160 млн. долларов).

10. Впустую вложил громадные материальные средства в экономики Египта, Индонезии, Индии, Кубы, Алжира и других стран, вместо того, чтобы повышать уровень жизни своего народа.

В апреле 1964 года Первому секретарю ЦК КПСС и председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущеву исполнилось семьдесят лет. А 14 октября 1964 года, в результате внутривластного заговора во главе с Л.И. Брежневым, Н.С. Хрущев был обвинен в волонтаризме и субъективизме, смещен со всех постов и отправлен на пенсию. С этого дня, в течение более двадцати лет, вплоть до горбачевской перестройки и гласности, имя Хрущева, само упоминание о нем, было запрещено. А когда в 1971 году Н.С. Хрущева не стало, брежневская власть утаила это от народа. Короткое сообщение о смерти Хрущева было напечатано только через три дня после его похорон, без некролога.

Список использованных источников и литературы:

[1] Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О преодолении

- культы личности и его последствий», 25 февраля 1956 г. Журнал «Известия ЦК КПСС» №3, 1989
- [2] Газета «Аргументы и факты», №13, 1989
- [3] Газета «Правда», 28.02.1961
- [4] Газета «Московские новости», №42, 18.10.1992
- [5] Журнал «Агитатор», №16, 1969

© М.В.Гурьева, 2026

УДК 338.2+336.74

*А.М. Ажлуни,
д.э.н., профессор,
А.Н. Петрова,
к.э.н.,*

*М.Э. Велиев,
аспирант напр. «Экономика»,
ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ им. Н.В. Парахина»,
г. Орел, Российская Федерация*

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ И ОСОБЕННОСТИ
ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИИ НА 2026 Г. И НА
ПЛАНОВЫЙ ПЕРИОД 2027-2028 ГГ.**

Аннотация: в данной статье рассматривается новый инструмент денежного обращения – цифровая форма рубля, эмитируемая Банком России наряду с традиционными формами денег. Правовая основа для введения цифрового рубля закреплена федеральными законами №339-ФЗ и №340-ФЗ от 24 июля 2023 года. В статье проанализированы ключевые преимущества и ограничения новой формы валюты в сравнении с наличными и безналичными деньгами, а также рассмотрены наиболее распространённые заблуждения, связанные с её введением. Особое внимание уделено параметрам федерального бюджета Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027–2028 годов в условиях сохраняющихся внешнеэкономических ограничений.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка, федеральный бюджет, бюджетный дефицит, денежно-кредитная политика, финансовый суверенитет.

В системе денежного обращения России формируется качественно новый элемент – цифровая форма рубля, эмиссионное право на которую закреплено за Банком России наряду с уже существующими наличными и безналичными средствами. Цифровой рубль является фиатной валютой центрального банка, или разновидностью CBDC (Central Bank Digital Currency). По своим базовым функциям он не отличается от привычных денежных форм. Принципиально важно, что переход к новому средству расчётов остаётся исключительно добровольным выбором пользователя. Обменный паритет между тремя формами рубля установлен в пропорции один к одному [4].

Нормативно-правовое регулирование оборота цифрового рубля обеспечивается федеральными законами от 24 июля 2023 г. №339-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» и №340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации», вступившими в силу 1 августа 2023 года. Названными нормативными актами цифровому рублю присвоен статус разновидности безналичных денежных средств, регламентирована процедура учреждения и обслуживания цифровых кошельков на инфраструктуре Банка России, а также очерчен круг допустимых операций с данной формой денег [1, 2].

Хранение цифровых рублей организовано в форме уникальных цифровых записей в персональных кошельках пользователей, размещённых на централизованной инфраструктуре Банка России. Через эту же платформу проводятся расчётные и переводные операции, доступ к которым обеспечивается посредством действующих мобильных приложений банков.

Принципиальное разграничение проходит между цифровым рублём и децентрализованными криптовалютами: последние функционируют в отсутствие какого-либо эмитента, несущего по ним финансовые обязательства, тогда как за цифровым рублём стоит государственный регулятор в лице Банка России, что гарантирует его полноценное обеспечение.

Практическое предназначение цифрового рубля – расширить линейку доступных платёжных инструментов для населения и хозяйствующих субъектов. Сфера его применения охватывает как рутинные потребительские расчёты, так и более сложные финансовые операции, реализуемые с привлечением механизма смарт-контрактов.

При всём сходстве с привычными денежными формами, цифровой рубль имеет ряд функциональных ограничений:

1. Начисление процентов и бонусных вознаграждений на остаток цифровых рублей не предусмотрено.

2. Размещение депозитов в данной валюте исключено.

3. Выдача кредитов, в том числе ипотечных займов, в цифровых рублях не осуществляется.

4. Использование цифрового рубля в качестве предмета займа недопустимо.

5. Оформление векселей в данной форме валюты невозможно.

Согласно материалам Банка международных расчётов (BIS), к 2025 году тринадцать государств мира уже ввели в обращение собственные цифровые валюты центральных банков – в их числе Sand Dollar (Багамские острова), e-Naira (Нигерия), JAM-DEX (Ямайка), а также расширенный пилот e-CNY в Китае. Ещё свыше 60 стран осуществляют активное тестирование CBDC, тогда как более 130 государств пребывают на стадии изучения и концептуального проектирования подобных систем, ориентируясь на опыт пионеров данного направления [4].

Статус цифрового рубля как законного платёжного средства обеспечивает его полноценное участие в расчётах всех категорий экономических агентов. Скорость проведения операций с ним сопоставима с оперативностью традиционных форм денег.

Пополнение цифрового кошелька с банковской карты производится непосредственно через интерфейс мобильного банка. При зачислении

наличных предварительно требуется их внесение на банковский счёт – через терминал самообслуживания или кассу отделения, – после чего сумма конвертируется в цифровые рубли в приложении. Регулятором установлен ежемесячный лимит пополнения кошелька – 300 000 рублей.

Внедрение цифрового рубля открывает для участников рынка ряд конкурентных преимуществ:

1. **Доступность интерфейса.** Операции с цифровым кошельком – просмотр баланса, платежи, переводы – реализуются в привычной среде мобильного банка при условии его подключения к платформе регулятора.

2. **Минимизация транзакционных издержек.** Единая тарифная шкала обеспечивает стоимость операций ниже, чем при традиционном банковском обслуживании.

3. **Скорость операций.** Платформа обеспечивает круглосуточную поддержку, исключая временные задержки при проведении операций.

4. **Расширение продуктовой линейки.** Участникам оборота становятся доступны смарт-контракты. Стороны фиксируют условия сделки в мобильном приложении банка, платформа Банка России автоматически верифицирует их исполнение и производит расчёт после подтверждения передачи актива.

5. **Бюджетный мониторинг.** Единая регистрация транзакций на платформе регулятора создаёт условия для оперативного контроля целевого использования государственных средств и возврата неосвоенных ассигнований.

6. **Целевые выплаты.** Начиная с 2024–2025 годов в рамках пилотного проекта тестируется использование цифрового рубля для адресных социальных выплат с возможностью ограничения направления расходования средств строго по назначению, что существенно снижает риск нецелевого использования бюджетных ассигнований.

Вместе с тем цифровому рублю присущи существенные недостатки. Будучи разновидностью национальной денежной единицы, он подвержен инфляционному воздействию в той же мере, что и прочие формы денег. В периоды роста цен его покупательная способность снижается, и использовать цифровые рубли в качестве защитного инструмента для сохранения сбережений нецелесообразно.

Агрегированный денежный объём при переходе к цифровому рублю не возрастает. Происходит перераспределение средств с банковских счетов на кошельки платформы Банка России. Следствием этого становится сокращение ресурсной базы коммерческих банков и снижение их комиссионного дохода. Дополнительную угрозу представляет системный операционный риск: централизованная архитектура платформы означает, что технические неисправности или деструктивные кибератаки способны одновременно нарушить функционирование всей расчётной инфраструктуры.

Ключевой структурной слабостью нового инструмента остаётся отсутствие уникального функционала, принципиально отличающего его от уже привычных форм денег. Поскольку ни кредитные организации, ни рядовые пользователи не испытывают насущной потребности в дополнительной платёжной форме, органичное встраивание цифрового рубля в повседневный

оборот может натолкнуться на сдержанный потребительский спрос в начальный период.

Длительное обсуждение темы цифрового рубля в публичном пространстве породило ряд устойчивых мифов, заслуживающих отдельного разбора:

1. Хищение цифровых рублей. Средства учитываются на персональном кошельке в защищённой инфраструктуре регулятора; доступ к нему требует прохождения идентификации через банковское приложение – уровень защиты сопоставим с безопасностью стандартного безналичного счёта.

2. Вытеснение традиционных денег. Введение цифрового рубля не предполагает отмены иных форм денег: наличные и безналичные средства продолжают обращение, а выбор формы расчётов остаётся за пользователем.

3. Зависимость от электроснабжения. Сведения о цифровых рублях хранятся на серверной инфраструктуре Банка России и не утрачиваются при перебоях в электроснабжении или потере интернет-соединения.

4. Отдельный курс цифрового рубля. Конвертация между тремя формами национальной валюты производится по паритету один к одному; курсовых расхождений не предусмотрено.

5. Ограничения по перечню товаров. Цифровой рубль принимается в качестве оплаты за любые виды товаров и услуг; исключения составляют лишь целевые социальные выплаты с заранее оговорёнными условиями расходования.

6. Тотальная слежка через цифровой кошелек. Режим конфиденциальности данных по операциям с цифровыми рублями не отличается от установленного для обычных банковских счетов: сведения охраняются банковской тайной.

7. «Срок годности» цифровых рублей. Каких-либо временных ограничений на хранение средств в цифровом кошельке не установлено.

Становление цифрового рубля за последние годы прошло несколько ключевых и последовательных этапов.

2021 год – Банком России в декабре завершена разработка первой версии платформенного прототипа цифровой валюты.

2022 год – проведено комплексное тестирование платформы. Регулятор утвердил дорожную карту, закрепившую горизонты поэтапной реализации проекта.

2023 год – в июле вступили в силу федеральные законы №339-ФЗ и №340-ФЗ, закрепившие правовой статус цифрового рубля. В августе дан старт пилотному проекту с участием реальных клиентов: тринадцать банков первой волны успешно отработали процедуры открытия кошельков, зачисления средств и переводов между физическими лицами; в рамках пилота Росбанк провёл операцию приобретения цифрового золота за цифровые рубли [1, 2].

2024 год – расширение пилотного проекта. С 1 августа 2024 года системообразующие кредитные организации (с активами свыше 1 трлн. руб.) обязаны обеспечить клиентам доступ к операциям с цифровым рублём. Запущено тестирование смарт-контрактов и целевых выплат; к пилотной

группе присоединились новые банки [4].

2025 год – продолжение поэтапного подключения банков: к платформе обязаны подключиться банки с активами от 500 млрд. руб. Начата интеграция цифрового рубля с системой государственных выплат и социальных пособий; число торгово-сервисных предприятий, принимающих оплату в цифровых рублях, растёт [4].

2026 год – масштабное внедрение цифрового рубля в потребительский оборот: подавляющее большинство банков страны подключено к платформе; ведутся работы по расширению инфраструктуры приёма цифровых рублей как в онлайн-, так и в офлайн-торговле [4].

2030 год – согласно прогнозным ориентирам, к этому рубежу цифровой рубль должен органично войти в повседневный платёжный оборот населения и бизнеса, функционируя наравне с иными формами денег [5].

Депутаты Государственной Думы приняли в третьем, окончательном, чтении проект федерального бюджета на 2026 г. и на плановый период 2027–2028 гг.

«Бюджет содержит в полном объёме ресурсы, необходимые для исполнения социальных обязательств государства: плановой индексации пенсий и заработных плат работников бюджетной сферы, поддержки семей с детьми, – и одновременно формирует финансовую основу для достижения национальных целей развития», – сообщает пресс-служба Государственной Думы.

Министр финансов Антон Силуанов представил проект бюджета на заседании Правительства в сентябре 2025 года, а в Государственную Думу он был внесён в конце сентября. Депутаты Государственной Думы одобрили законопроект в первом чтении в октябре 2025 года. Основное чтение прошло в ноябре: поправки к бюджету были приняты в значительном объёме при неизменности ключевых параметров.

Основные характеристики проекта бюджета остались неизменными. Основные параметры бюджета на 2026–2028 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Анализ бюджета на 2026–2028 гг., трлн.руб.

Годы	Доходы	Расходы	Дефицит (-) / профицит (+)
2026	40,3	44,1	-3,8
2027	42,9	46,1	-3,2
2028	45,9	49,4	-3,5
Итого	129,1	139,6	-10,5

На протяжении трёхлетнего периода сохраняется дефицит бюджета, совокупный объём которого составит 10,5 трлн. руб. Наибольшая нагрузка приходится на текущий 2026 год: дефицит достигает 3,8 трлн. руб., что оценивается на уровне 1,8–1,9% ВВП и превышает ориентир ответственной бюджетной политики. В 2027–2028 годах дефицит сокращается до 3,2 и 3,5 трлн. руб. соответственно и стабилизируется вблизи отметки 1,4–1,5% ВВП.

Покрытие дефицита планируется преимущественно за счёт

государственных внутренних заимствований. В отдельные периоды предполагается задействование ресурсов Фонда национального благосостояния [8].

Глава Банка России в ходе отчётного выступления перед депутатами Государственной Думы рассказала о ходе реализации проекта цифрового рубля и ситуации в национальной финансовой сфере. По её словам, переводы в цифровых рублях для граждан Российской Федерации являются бесплатными, максимальный месячный лимит пополнения кошелька составляет 300 тыс. рублей, а пользование цифровым рублём остаётся добровольным. «Главное – это добровольность. Это выбор самого человека. Часть людей не пользуется смартфонами – для них всегда будут доступны привычные формы денег, и наличные, и безналичные», – отметила глава ЦБ. Цифровой рубль не используется для сбережений: на цифровые счета не начисляются проценты, кредиты в цифровых рублях не выдаются. Банк России также прорабатывает возможность применения цифрового рубля в системе трансграничных расчётов с целью расширения платёжных возможностей с зарубежными партнёрами в обход санкционных ограничений [7].

Трёхлетний проект бюджета выстроен в строгом соответствии с принципами бюджетной политики, обеспечивающими безопасный уровень расходов и не приводящими к разбалансировке государственных финансов, заявил министр финансов Антон Силуанов.

Выступая на пленарном заседании Государственной Думы, министр акцентировал внимание на методологии формирования бюджетных параметров: «Бюджет на следующие три года составлен с учётом бюджетных принципов и правил, которые определяют безопасный уровень расходов и не приводят к разбалансировке бюджета. Внешние факторы, воздействующие на доходы, по-прежнему волатильны. Санкционный режим никто не отменял, поэтому мы опираемся на консервативный, но реалистичный прогноз» [8].

Согласно проекту, доходы бюджета в 2026 году составляют 40,3 трлн. рублей, в 2027 году – 42,9 трлн, в 2028 году – 45,9 трлн. рублей. Расходы запланированы на уровне 44,1 трлн, 46,1 трлн. и 49,4 трлн. рублей соответственно. В структуре расходов приоритет сохраняется за национальной обороной и безопасностью, социальной политикой, здравоохранением, образованием, а также финансированием национальных проектов технологического суверенитета и инфраструктурного развития.

Таким образом, бюджет на 2026–2028 годы носит выраженный дефицитный характер: совокупный разрыв между доходами и расходами составляет 10,5 трлн. руб., причём наиболее острая фаза приходится на 2026 год. Тем не менее прослеживается устойчивая тенденция к снижению дефицита в плановом периоде, что свидетельствует о постепенной нормализации бюджетных параметров. Финансирование дефицита обеспечивается преимущественно за счёт государственных внутренних заимствований, что в совокупности с курсом на внедрение цифрового рубля формирует единый вектор укрепления финансового суверенитета страны [3, 8].

Список использованных источников и литературы:

[1] Федеральный закон от 24 июля 2023 г. №339-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»: [федер. закон: принят Гос. Думой Федер. Собрания РФ 20 июля 2023 г.: введён в действие с 1 августа 2023 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» – Электрон. текст. данные.

[2] Федеральный закон от 24 июля 2023 г. №340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: [федер. закон: принят Гос. Думой Федер. Собрания РФ 20 июля 2023 г.: введён в действие с 1 августа 2023 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» – Электрон. текст. данные.

[3] Федеральный закон от 28.11.2025 №426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов»: [федер. закон: принят Гос. Думой Федер. Собрания РФ 20 ноября 2025 г.: одобрен Советом Федерации 26 ноября 2025 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» – Электрон. текст. данные.

[4] Цифровой рубль [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. – 2026. – Электрон. данные. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения 01.02.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[5] Что такое цифровой рубль и когда его введут [Электронный ресурс] // Газпромбанк Инвестиции: информационный портал. – 2025. – Электрон. данные. URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/digital-ruble/> (дата обращения 01.02.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[6] Проект федерального бюджета на 2026–2028 годы принят в первом чтении [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – 2025. – Электрон. данные. URL: <http://duma.gov.ru/news/62311/> (дата обращения 01.02.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[7] Отмена наличных? Как изменится жизнь с цифровым рублем [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – 2025. – Электрон. данные. URL: <https://www.gazeta.ru/business/21758216/chto-takoe-cifrovoj-rubl.shtml> (дата обращения 01.02.2026 г.). – Заглавие с экрана.

[8] Госдума приняла в первом чтении проект бюджета на 2026 год [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – 2025. – Электрон. данные. URL: <https://ria.ru/20251022/gosduma-2049827849.html> (дата обращения 01.02.2026 г.). – Заглавие с экрана.

© А.М. Ажлуни, А.Н. Петрова, М.Э. Велиев, 2026

*М.В. Бочкарев,
студент,
В.В. Волошин,
студент,
Н.В. Шевченко,
студент,
науч. рук.: Ж.Д. Дармилова,
д.э.н., проф.,
КубГАУ имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация*

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА В ЖКХ И ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Аннотация: настоящая исследовательская работа позволяет провести полную аналитику и дать оценку внедрению инноваций в сферу жилищно-коммунального хозяйства на территории Российской Федерации. Здесь выполняется анализ цифровых внедрений, а также изменений модели экономического управления жилищным хозяйством с целью увеличения эффективности их расходования и оптимизации затрат государственного бюджета. Анализ представлен в виде числовых результатов оптимизации работы систем ЖКХ. Сама статья основана на статистическом анализе работы жилищно-коммунальных служб с 2021 по 2025 год.

В итоге работы выделяются проблемы, тормозящие внедрение инноваций, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: инновационная экономика, жилищно-коммунальное хозяйство, городское хозяйство.

Экономика любой страны характеризуется благоустройством его граждан, созданием для них комфортных условий проживания. Здесь особое внимание будет уделяться сектору жилищно-коммунального хозяйства, который имеет проблемы с износом своих ресурсов на 60-70% [1].

Главной задачей для современников становится создание инновационных способов эффективного распределения ресурсов для снижения нерентабельных затрат и увеличения основного капитала городского хозяйства [1].

Этот вопрос актуален для большинства граждан Российской Федерации в связи с низкими показателями цифровизации системы обеспечения ресурсами ЖКХ, что снижает уровень комфортного проживания. По данным за 2025 год более 82,4% населения считают уровень проживания в своем городе благоприятным, но не комфортным [3].

Анализируя статьи Е.М. Мазницы, Е.В. Ярмоленко, А.М. Андропова и С.В. Савотиной удастся установить основные направления инноваций в экономике жилищно-коммунального хозяйства, которые дадут возможность

создать систему управления, сэкономившую более 1 миллиарда рублей за счет автоматизации большинства процессов [1,4].

Первым и самым перспективным направлением считается создание «Умного города», технологической базы, которая будет основана на создании новых цифровых систем моделирования зданий, водоотведения, канализации, снижающих своей деятельностью нагрузку на центральные коммунальные сети [4].

В 55 регионах России по показателям 2026 года уже началось внедрение цифровых систем по созданию «Умных городов», однако пока их работа ограничивается проведением статистических и геометрических расчетов для оптимизации работы уже существующих структур жилищно-коммунального хозяйства [6].

В некоторых городах проведена работа по оптимизации деятельности систем освещения, были выполнены расчеты и установлена зависимость яркости света от времени суток и наличия машин. В итоге удалось снизить затраты на электроэнергию более чем на 40% в Санкт-Петербурге и Москве [6].

Если рассмотреть вопрос энергоэффективности и ресурсосбережения, то предлагается полностью автоматизировать управление теплом, что по аналитическим расчетам за 2025 год уменьшит затраты граждан на оплату тепла в среднем на 15-25% [6].

Реконструкция устаревших систем отопления и трансформация их под современные стандарты с использованием новых полимерных материалов с датчиками тепла и влажности позволит увеличить срок службы оборудования с 5-10 лет до 15–50 лет с учетом влияния быстроменяющихся факторов среды [5].

Любое жилищно-коммунальное хозяйство нуждается в рентабельной и эффективной системе управления отходами, которая обеспечит снижение затрат общего городского бюджета на уборку мусора, но при этом позволит быстро его перерабатывать [5].

Здесь предлагается применение автоматизированной сортировки, когда нейросети будут распределять мусор по фракциям (бумага, пластик, металл и так далее), а также термической переработки отходов, электроэнергии и тепла.

В некоторых крупных регионах России (Московская, Белгородская и Курпская области) уже появились первые биогазовые установки, которые быстро и эффективно перерабатывают органические отходы в энергию для нужд города и предприятий [2].

Основываясь на анализе инноваций в сфере экономики жилищно-коммунального хозяйства, предлагается рассмотреть новые экономические модели управления, которые будут базироваться на изменении подходов к финансированию:

1. Платформенная экономика – создание платформы, где жители городов могут управлять своей недвижимостью, давать рекомендации по работе жилищно-коммунального хозяйства, а также выполнять большинство коммунальных процессов онлайн, что снизит издержки управляющих компаний;

2. Предиктивная аналитика – применение искусственного интеллекта и

аналитических компьютерных программ для прогнозирования износа коммунально-жилищного оборудования, что снижает риск аварий и затрат на их последствия в 3-5 раз [1, 3].

На основе этих моделей предлагается провести числовую статистику введения инновационных подходов в экономику жилищно-коммунального хозяйства, результат представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Анализ введения инновационных подходов в экономику жилищно-коммунального хозяйства [3,6]

Показатель внедрения инновации	Значение до внедрения	Значение после внедрения
Потеря теплосети	25%	5%
Экономия отопления	100% (база)	75%
Снижение отходов	10%	50%
Срок службы коммунального оборудования	10-15 лет	40-50 лет
Расходы на освещение улицы	100% (база)	40%

По итогам данной аналитики видно значительное снижение количественных показателей отопления, утилизации отходов и расходов освещения, которое уменьшается от 2 до 5 раз. Кроме этого, отмечается значительное увеличение срока службы оборудования, которое обеспечивается за счет использования современного материала.

Однако эти результаты были бы выше, если бы не было барьеров, тормозящих внедрение инноваций таких как: высокие капитальные затраты (долгий срок окупаемости инвестиций до 12 лет и более); нехватка специалистов, умеющих работать с цифровыми технологиями [3].

Для решения данных проблем предложено введение новых образовательных программ образовательные учреждения с учетом цифровизации рабочих процессов и применения искусственного интеллекта для создания экономной системы распределения капитальных затрат.

По прогнозам ученых за 2026 год все показатели можно было бы увеличить в 2-3 раза при снижении влияния данных факторов и оптимизации работы некоторых предприятий в сфере жилищно-коммунального сектора минимум на 5-10% [3].

Таким образом, проведенное исследование позволяет установить высокие количественные показатели оптимизации работы жилищно-коммунальных структур при использовании подходов инновационной экономики и, следовательно, улучшить значения комфорта проживания в городах граждан в России.

Список использованных источников и литературы:

[1] Мазница Е.М. Инновационные технологии и решения в городском хозяйстве и строительстве / Е.М. Мазница, Е.В. Ярмоленко, А.М. Андропова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №3-1.– С. 83-89;

[2] Максимчук О.В. Модернизация жилищно-коммунального хозяйства города на основе реализации инновационных решений / О.В. Максимчук, Н.И.Борисова, Е.М Мазница // Волгогр. гос. техн. ун-т. – Волгоград: ВолгГТУ, 2017. – 521 с.

[3] Оганесян Т.Л. Региональная инновационная стратегия / Т.Л. Оганесян // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2013. – №3. – С. 50-53.

[4] Авотина С.В. Реформирование жилищно-коммунального хозяйства в концепции инновационного развития и привлечения инвестиций / С.В. Савотина // Интернет-журнал «Науковедение». – 2013. – №6. – С. 2-10.

[5] Федоровых Е.Р. Методические подходы к проблеме реконструкции и восстановления основных фондов ЖКХ/Федоровых Е.Р., Е.М. Мазница // Фундаментальные исследования. – 2017. – №4-1. – С. 214-219.

[6] Riarating.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240916/630269270.html> (Дата обращения 23.02.2025)

© М.В. Бочкарев, В.В. Волошин, Н.В. Шевченко, Ж.Д. Дармилова, 2026

*Т.А. Гусева,
д.ю.н., профессор,
М.Ю. Ледовская,
аспирант,
М.Э. Велиев,
аспирант напр. «Экономика»,
ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ им. Н.В. Парахина»,
г. Орел, Российская Федерация*

ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: данная статья посвящена раскрытию понятия финансовой системы Российской Федерации как взаимосвязанных элементов единой финансовой деятельности. Проанализирована структура финансовой системы, включающая централизованные и децентрализованные финансы. Рассмотрено понятие государственного бюджета и его составляющих, а также функционирование внебюджетных фондов. Особое внимание уделено роли Центрального банка Российской Федерации в реализации денежно-кредитной политики и механизмам взаимодействия основных звеньев финансовой системы. Исследованы приоритет государственной финансовой политики и координация действий бюджетных и денежно-кредитных регуляторов для обеспечения устойчивого развития российской экономики.

Ключевые слова: финансовая система, государственный бюджет, централизованные и децентрализованные финансы, внебюджетные фонды, денежно-кредитная политика.

Под финансовой системой Российской Федерации принято понимать целостную совокупность взаимообусловленных и взаимобусловленных компонентов, чья деятельность непосредственно направлена на реализацию государственного финансового управления; данные компоненты опираются на разветвлённую сеть институтов и инструментов, обеспечивающих бесперебойное движение финансовых потоков [1]. Её структурными элементами выступают государственные органы, наделённые полномочиями в финансовой сфере, организации кредитно-финансового профиля, совокупность финансовых ресурсов, а также нормативно-правовая база, регламентирующая финансовую деятельность (далее по тексту также – финансовая система).

С авторской точки зрения, финансовая система государства в известном смысле уподобляется живому организму: её структурные подразделения условно соответствуют кровеносным сосудам, тогда как сама система выступает «сердцем», задающим ритм и направление всем финансовым потокам [1]. В рыночной экономике стратегическим ориентиром функционирования финансовой системы служит поддержание равновесия на макроэкономическом уровне через задействование специфического арсенала

регуляторных методов и механизмов. Речь идёт о формировании таких финансовых условий, при которых процесс воспроизводства общественного продукта протекает при сохранении приемлемого уровня занятости трудоспособного населения и удержании инфляции в управляемых границах [2].

Следует отметить, что в отечественной научной литературе до настоящего времени не выработано единого подхода к вопросам структурного состава и содержательного наполнения финансовой системы России. Тем не менее с позиции авторов данного исследования она включает две крупные подсистемы:

- централизованных финансов (государственных и муниципальных);
- децентрализованных финансов [1].

Разграничение финансовой системы на самостоятельные звенья продиктовано существенными различиями в том, каким образом разные экономические агенты – органы публичной власти, предприятия и частные лица – участвуют в создании, первичном распределении и последующем перераспределении произведённого в стране валового продукта и национального дохода, а также в аккумуляровании и расходовании денежных фондов [2].

Каждый структурный элемент системы обладает функциональной самостоятельностью и специфическим инструментарием формирования и использования финансовых ресурсов, при этом взаимодействие всех элементов обеспечивает целостность финансового механизма государства [1].

В целях формирования полноценного представления о её устройстве рассмотрим наиболее значимые из них подробнее.

Связующим механизмом между подсистемами, отдельными звеньями и подзвеньями финансовой системы служат учреждения банковского сектора, выстроенного по двухуровневому принципу: верхний (эмиссионный) уровень представлен Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России), нижний – коммерческие банки и иные кредитные учреждения [2].

Согласно ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации, официальным платёжным средством на территории страны является рубль [3]. Полномочие по осуществлению денежной эмиссии монопольно принадлежит Центральному банку Российской Федерации; выпуск в обращение каких-либо иных денег конституционно не допускаются.

Конституционный статус Банка России, в соответствии с ч. 2 ст. 75 предполагает в качестве его ключевой функции охрану и поддержание стабильности национальной валюты; при этом данная функция реализуется регулятором автономно – вне зависимости от позиции иных государственных структур [3].

В соответствии с нормами действующего права, Банк России совместно с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит единую государственную денежно-кредитную политику [4]. Курс денежно-кредитного регулирования выстроен вокруг двух взаимосвязанных задач: сохранения устойчивости финансового сектора и создания благоприятной среды для

долгосрочного роста реального сектора экономики. Гибко откликаясь на изменение спроса на ликвидность, регулятор формирует условия для сдерживания инфляционного давления, корректировки ценовых ожиданий участников рынка и снижения стоимости заимствований – что в конечном счёте ведёт к укреплению позиций рубля и нормализации ситуации на финансовых рынках [5].

Центральным звеном государственных финансов является государственный бюджет. По своей экономической сущности он представляет собой сводный финансовый план страны, отражающий баланс государственных доходов и расходов за определённый период – как правило, за финансовый год. По завершении процедуры принятия уполномоченным законодательным органом (парламентом, государственной думой, конгрессом и т.п.) бюджет приобретает силу закона и подлежит обязательному исполнению [1].

По итогам января–июля 2025 года совокупные поступления в консолидированный бюджет Российской Федерации составили 25,9 трлн. рублей, превысив аналогичный показатель предшествующего периода на 5,5%, или на 1,4 трлн. рублей [6].

В конце октября текущего года Государственная Дума Российской Федерации одобрила в первом чтении проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» [6]. Согласно предложенным бюджетным проектировкам, достижение умеренно дефицитного сальдо планируется обеспечить за счёт повышения налоговой нагрузки, наращивания внутренних заимствований, оптимизации расходов и увеличения нефтегазовых доходов. Стратегическими приоритетами расходной части, как и прежде, остаются оборона и социальная сфера.

Представляя 22 октября проект бюджета в Государственной Думе, министр финансов Российской Федерации Антон акцентировал внимание на том, что государственный бюджет выходит за рамки финансово-технического документа: по своей сути он представляет собой политически значимый акт консолидации национальных приоритетов, в котором отражается принципиальный выбор направлений приложения государственных ресурсов.

Правительственные проектировки свидетельствуют о сохранении дефицита федерального бюджета на протяжении всего планового периода: доходная часть запланирована в объёме 40,3 трлн. руб. (2026), 42,9 трлн. руб. (2027) и 45,9 трлн. руб. (2028). Расходная часть составит, соответственно, 44,1 трлн. руб., 46,1 трлн. руб. и 49,4 трлн. руб. Прогнозируемый дефицит в 2026 году – 1,6% ВВП – к 2027-2028 годам снизится до 1,2-1,3% ВВП [6].

В структуре расходных обязательств лидирует раздел «Национальная оборона»: соответствующие ассигнования составляют 12,9 трлн. руб., что эквивалентно 29% от общего объёма бюджетных расходов. Дополнительно по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» предусмотрено 3,9 трлн. руб. (9%). Второй по объёму расходов остаётся «Социальная политика» – 7,1 трлн. руб. (16% всех расходов). В рамках данного раздела предусмотрена индексация оплаты труда врачей, педагогов,

медицинских и социальных работников на 7,6%; аналогичный прирост запланирован для страховых пенсий – с учётом как инфляционной составляющей, так и прогнозируемого роста заработных плат в 2026 году [6].

Функционирование механизма бюджетного правила обеспечивает снижение зависимости государственных финансов от нефтегазовых доходов и уменьшение бюджетных рисков. Прогнозируемый объём Фонда национального благосостояния на будущий год определён в размере 13,66 млрд. рублей [6]. Верхний предел государственного внутреннего долга Российской Федерации на 1 января 2026 года установлен в размере 32 189 909 696,6 тыс. рублей; государственного внешнего долга – 68,8 млрд. долларов США, или 61,4 млрд. евро [6].

Их формирование было обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов: стремлением государства повысить прозрачность и эффективность расходования общественных ресурсов, обеспечить их жёсткий контроль и создать надёжные финансовые гарантии для покрытия социально значимых нужд – пенсионного обеспечения граждан, медицинской помощи населению, улучшения демографической ситуации в стране [2]. Исходным основанием для выделения данной формы финансовых фондов стала необходимость институционального отграничения целевых социальных ассигнований от совокупного массива государственных расходов [1].

Основу децентрализованного сектора финансовой системы составляют финансы хозяйствующих субъектов – коммерческих и некоммерческих организаций, образующих экономическую базу государства [2]. Государственные финансы во многом опираются на финансовый потенциал корпоративного и частного секторов. Вместе с тем финансовая деятельность организаций и предприятий находится в сфере регулирующего воздействия со стороны уполномоченных органов государственной власти и управления [2].

В период административно-командного хозяйства, характерного для советской экономической системы, финансовая деятельность экономических агентов жёстко регламентировалась государством. В современной России государственное регулирование деятельности хозяйствующих субъектов сохраняется, однако его масштаб несопоставимо меньше по сравнению с дореформенными реалиями. При этом очевидно: без полноценно функционирующей финансовой системы качественная трансформация и модернизация российской экономики принципиально невозможна [1].

Оценку текущего состояния экономики страны дал Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Мишустин: «Россия продолжает двигаться вперед, вопреки внешним вызовам. Уже несколько лет наша страна сохраняет лидерство в Европе по размеру экономики. А в мире стабильно занимает четвертое место». Характеризуя процесс адаптации экономики к новым условиям, он добавил: «Экономика плавно адаптируется к текущим реалиям. И продвижение вперед сохраняется. Оно заметно во всех сферах от социальной до инфраструктуры и технологий» [6].

Министр финансов Антон Силуанов, характеризуя устойчивость государственных финансов в условиях внешнего давления, заявил:

«Ограничения, санкции, торговые войны, ценовые ситуации на внешних рынках – всё это должно быть незаметно для наших людей, для пенсионеров, для семей с детьми. Это должен обеспечить бюджет». Определяя ключевой ориентир, он подчеркнул: «Мы должны сделать бюджет более «мускулистым», чтобы он отвечал на любые ограничения, с которыми сталкивается страна». Обозначив иерархию расходных приоритетов, министр выделил три направления: безусловное исполнение государственных обязательств перед населением и деловым сообществом, финансирование сферы национальной безопасности, а также реализация национальных целей развития страны [6].

Глава регулятора Эльвира Набиуллина обратила особое внимание участников дискуссии на необходимость разграничения двух самостоятельных понятий – рецессии и замедления роста экономики: «Не надо путать рецессию с замедлением экономики. Обычно рецессия сопровождается снижением ВВП несколько кварталов подряд, падением реальных доходов населения, высокой безработицей, но ничего из этого сейчас не наблюдается». Затруднения в отдельных сегментах – добывающей, угольной, металлургической отраслях – глава регулятора объяснила продолжающейся структурной перестройкой экономики, а не её системным ухудшением: «У нас часть отраслей оказалась в сложной ситуации, прежде всего, связанной с внешним спросом... У нас в экономике происходит структурная перестройка. И поэтому неравномерна и динамика в разных секторах» [6].

Председатель Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам Андрей Макаров акцентировал внимание на высоких темпах инвестиционной активности в Москве: за последние шесть лет рост инвестиций в столице опередил среднероссийский показатель в 2,4 раза, соотношение частных и государственных инвестиций при этом достигает 18:1, что свидетельствует о высокой мультипликативной отдаче бюджетных вложений.

Мэр Москвы Сергей Собянин связал достигнутые показатели не с благоприятным стечением обстоятельств, а с последовательной системной политикой: «Речь идёт о стабильности. Главное понимать, что будет с правилами игры, в которых ты живешь. Через два года, через пять лет, через десять лет. Мы понимаем. И это нам дает возможность планировать и оптимизировать все бюджетные процессы». Как подчеркнул глава города, столица демонстрирует устойчивую положительную динамику по всему спектру ключевых экономических индикаторов: объёму привлечённых инвестиций, промышленному выпуску и торговому обороту [6].

Участники форума сошлись во мнении, что повышение производительности труда является необходимым условием обеспечения долгосрочной финансовой стабильности России.

В качестве системного ответа на кадровый вызов Сергей Собянин обозначил стратегическую роль крупных городских агломераций как точек концентрации и воспроизводства профессиональных компетенций. Мэр зафиксировал характерную тенденцию: предприятия, прежде рассредоточившие мощности по регионам, всё активнее возвращают производство в столицу – и главным доводом в пользу этого решения служит

именно дефицит квалифицированного персонала: «Производства, скажем, советского периода и нынешнего. Современное производство значительно отличается, оно стало более высокотехнологичным, выросла производительность труда и требует более квалифицированных кадров. И, конечно, такие кадры в первую очередь можно получить в больших городах». В числе приоритетных направлений Собянин особо выделил отрасли с высокой технологической составляющей – микроэлектронику, фармацевтику и беспилотные системы – охарактеризовав их как основу для формирования диверсифицированной и устойчивой к внешнему давлению экономики: «Он создает другой, более сбалансированный город, более сбалансированную экономику, более устойчивую и независимую, о чем президент говорил» [6].

Антон Силуанов сделал акцент на том, что рост производительности труда невозможно обеспечить за счёт одних лишь вложений в оборудование – принципиально важно перестроить саму логику государственного субсидирования: получателями поддержки должны становиться те предприятия, которые реально демонстрируют отдачу от вложенных средств. «Надо помогать тем, кто тащит. Это станет драйвером, который будет повышать производительность труда», – констатировал министр [6].

По убеждению главы Банка России Эльвиры Набиуллиной, без роста производительности труда долгосрочное экономическое развитие лишается реальной основы, а имеющиеся ссылки на высокую ключевую ставку как препятствие для повышения эффективности она расценила как несостоятельные: «Огромное количество предприятий и сейчас, и в прошлом году повышает производительность труда, в том числе за счет организационных мероприятий» [6].

При подготовке федерального бюджета на 2026–2028 годы Антон Силуанов обозначил в числе приоритетных ориентиров содействие постепенному смягчению денежно-кредитной политики, подчеркнув при этом необходимость соблюдения баланса: «нельзя переборщить и нельзя недооценивать те возможности бюджета, которые должны быть реализованы в следующей трехлетке» [6].

Председатель Банка России затронула вопросы налогообложения в контексте их непосредственного влияния на параметры монетарной политики: «Если вы не добираете доходы, вы вынуждены будете либо повышать налоги на тех, кто уже в легальной сфере, и побуждать их уходить в нелегальную, либо у вас будет больше дефицита, а это более жесткая денежно-кредитная политика. Поэтому это всё взаимосвязано» [6]. Набиуллина также особо выделила критическую значимость предсказуемости бюджетной политики для Банка России: «Почему для нас суперважна предсказуемость? Ну, потому что денежно-кредитная политика, в отличие от бюджетной, имеет лаги. Мы повысили ставку – пока это дойдет до рыночной ставки, до объемов кредитов, депозитов, до инфляции – это лаги» [6], уточнив, что данный временной горизонт охватывает несколько кварталов.

Глава ЦБ поддержала стремление Министерства финансов к бюджетной сбалансированности, указав на её прямую взаимосвязь с умеренностью

ключевой ставки, прогнозируемый диапазон которой в 2026 году может составить 12-13% [6]. В части задачи по развитию фондового рынка, располагающего, по её оценке, значительным нереализованным потенциалом, Набиуллина назвала ключевыми условиями роста защиту прав инвесторов на собственность и получение дивидендов, а также расширение числа эмитентов, включая крупные государственные компании [6].

Отвечая на вопрос Андрея Макарова о том, с кем Москва сравнивает себя сегодня, Сергей Собянин указал: «Ты слетишь оттуда мгновенно, если не будешь двигаться вперед. Для этого мы постоянно, неустанно должны совершенствоваться и двигаться вперед, что мы и по мере возможностей стараемся делать». В качестве актуальных ориентиров для столицы мэр назвал не стагнирующие европейские мегаполисы, а динамично растущие центры Юго-Восточной Азии – Сингапур, Пекин, Шанхай [6].

Подводя итоги Пленарной сессии Десятого Московского финансового форума, Андрей Макаров резюмировал: принцип непрерывного поступательного движения является универсальным рецептом как для развития экономики в целом, так и для совершенствования финансовой системы страны, в частности. Открытость состоявшейся дискуссии, в ходе которой участники не уклонялись от обозначения разногласий, по оценке модератора, принципиально важна для общественного доверия: «...что решения, которые принимаются, принимаются для них» [6].

Список использованных источников и литературы:

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №145-ФЗ: [федер. закон: принят Гос. Думой Федер. Собрания РФ 17 июля 1998 г.: введен в действие с 1 января 2000 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Электрон. текст. данные. – Ст. 6, 13, 15.

[2] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Электрон. текст. данные. – Ст. 75.

[3] Федеральный закон от 10 июля 2002 г. №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: [федер. закон: принят Гос. Думой Федер. Собрания РФ 27 июня 2002 г.: в ред. от 28 декабря 2024 г.] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Электр. текст. данные. – Ст. 3, 4, 35.

[4] Мысляева И.Н. Государственные и муниципальные финансы: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 445 с.

[5] Поляк Г.Б. Финансы: учебник / под ред. Г.Б. Поляка. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 735 с.

[6] Центральный банк Российской Федерации. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов [электронный ресурс] // CBR.RU: Официальный сайт Банка России. 2024 г. – Электрон. данные. URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения 22.01.2025 г.). – Заглавие с экрана.

© Т.А. Гусева, М.Ю. Ледовская, М.Э. Велиев, 2025

*Н.Г. Макаренко,
студент 4 курса
напр. «Экономика»,
Р.А. Наин,
преподаватель,
КубГАУ им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация*

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОЗДАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: в данной статье подробно разбираются преимущества механизма для государства, бизнеса и регионов, включая налоговые льготы и инфраструктурное развитие. Особое внимание уделяется системным проблемам функционирования ТОР: высоким бюджетным затратам, нестабильности законодательства и кадровому дефициту. На основе выявленных рисков сформулированы ключевые факторы успеха территорий опережающего развития и предложены пути повышения эффективности.

Ключевые слова: территории опережающего развития (ТОР), особые экономические зоны, инвестиции, региональная экономика, налоговые льготы, инфраструктура

Территории опережающего развития (ТОР) – это выделенные участки регионов с особыми правилами для бизнеса, призванные создать привлекательные условия для инвесторов и ускорить социально-экономический рост. В отличие от точечных особых экономических зон, ориентированных на крупные инвестиции в отдельные отрасли, ТОР нацелены на комплексное развитие целых макрорегионов. Изначально созданные для Дальнего Востока, они теперь применяются и в других регионах с низким уровнем деловой активности и оттоком населения, таких как моногорода и депрессивные территории. Основная цель ТОР – не просто создать благоприятные зоны для бизнеса, а стимулировать развитие целых регионов, останавливая отток людей, обеспечивая долгосрочные перспективы и оживляя экономику, в первую очередь за счет поддержки малого и среднего бизнеса.

На 2025 год механизм территорий опережающего развития (ТОР) демонстрирует впечатляющие результаты: всего четыре дальневосточные ТОР привлекли 2,3 триллиона рублей инвестиций и обеспечили создание более 21 тысячи рабочих мест. Забайкальский край, в частности, стал домом для более чем 60 резидентов, которые вложили около 0,5 триллиона рублей, что обещает создание порядка 27 тысяч рабочих мест – это рекордный объем инвестиций для региона, превосходящий даже советский период.

Создание территорий опережающего развития (ТОР) открывает широкие перспективы для всех участников, что подтверждается реальными

достижениями. Государство получает существенные преимущества: приток частных инвестиций в регионы, нуждающиеся в развитии или имеющие стратегическое значение, формирование новых рабочих мест без использования бюджетных средств, а также модернизацию промышленной и транспортной инфраструктуры за счет средств инвесторов. По всей России функционирует 92 территории опережающего развития, в которых зарегистрировано более 1200 резидентов, привлечено свыше 441 млрд. рублей инвестиций и создано более 140 тысяч рабочих мест.

Компании, осуществляющие деятельность в рамках ТОР, получают существенные налоговые послабления. В качестве примера можно привести ТОР «Петровск» Саратовской области, где резиденты пользуются следующими возможностями: налог на прибыль в федеральный бюджет равен нулю в течение пяти лет, в региональный бюджет – 5% первые пять лет и 10% в последующие пять лет; налог на имущество снижен до нуля на протяжении пяти лет; земельный налог также не взимается в течение пяти лет. В ТОР «Галич» Костромской области предприниматели смогут воспользоваться пониженными ставками по УСН. В дополнение налоговым преференциям, компании получают возможность работать в режиме «одного окна» с Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики. Корпорация оказывает им комплексную помощь: от маркетинговых услуг до содействия в установлении кооперативных связей и подборе персонала.

Для регионов результатом становится стабильный прирост ВРП и открытие передовых промышленных объектов. ТОР «Амурская» занимает лидирующие позиции на Дальневосточном федеральном округе по объемам инвестиций – 50 проектов на сумму 2,4 трлн. рублей позволили создать почти 18 тысяч новых рабочих мест. На площадке реализуется единственный в стране стратегический проект по добыче титаномагнетитового концентрата, создаётся газохимический кластер на базе Амурского нефтеперерабатывающего завода, а также возводится первая в мире канатная дорога, соединяющая Россию и Китай.

Несмотря на наличие явных возможностей, механизм территорий опережающего развития сталкивается с существенными ограничениями. Ключевую роль играют финансовые сложности: строительство ТОР предполагает крупные расходы на развитие инфраструктуры, при этом регионы лишаются налогов в период действия преференций, а срок возврата инвестиций оказывается продолжительным. По данным Минфина, у 79% участников из Арктической зоны льготная система порождает чрезмерный доход при минимальных капитальных вложениях, поэтому с 2026 года будут введены новые правила: размер налогового вычета не будет превышать реального объема осуществленных капиталовложений.

Организационные трудности возникают из-за запутанной процедуры отбора резидентов и присутствующих на местах административных барьеров. Основная угроза – перестройка условий: после внедрения закона №300-ФЗ в 2018 году резидентов освободили от обязательных страховых взносов, однако потребовалось пересчитать налоги за предыдущие годы. Это привело к потерям

со стороны компаний в размере нескольких миллионов рублей, а также ослабило доверие инвесторов к неизменности инвестиционного климата.

Проблема кадровой недостаточности подкрепляется практикой споров в судах: контролирующие органы требуют доплатить взносы организациям, создающим «дополнительные позиции», однако фактически не меняющим своё функциональное предназначение персонала. Недостаток готовых к застройке территорий затрудняет организацию нового производства. Исходя из представленных возможностей и ограничений можно провести сравнительный анализ, который отражен в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительный анализ возможностей и ограничений создания ТОР

Сфера влияния	Возможности (плюсы)	Ограничения (Минусы / риски)
Финансово-экономическая	Привлечение частных инвестиций (7,9 трлн. руб. на Дальнем Востоке); Рост налоговой базы в будущем; Создание рабочих мест (более 140 тыс. по России)	Высокие бюджетные затраты на инфраструктуру; Недополучение налогов в период льгот; Риск сверхдоходности резидентов за счет льгот без реальных инвестиций
Административно-правовая	Режим «одного окна» для инвесторов; Снижение административных барьеров; Таможенные преференции	Сложные процедуры отбора резидентов; Бюрократия на муниципальном уровне; Риски изменения законодательства
Инфраструктурная	Создание современной инфраструктуры за счет инвесторов; Развитие транспортных и энергетических сетей	Удаленность от рынков сбыта и высокие логистические издержки; Ограниченность земельных участков с подключениями
Социальная	Снижение безработицы (в 3-5 раз в моногородах Ростовской обл.); Рост качества жизни	Острая нехватка квалифицированных кадров; Формальное создание рабочих мест без изменения функций сотрудников

Исходя из данных в таблице, ТОР – эффективный, но сложный инструмент, успех которого зависит от баланса между предоставленными льготами и реальным контролем за инвестициями, а также от качества управления и стабильности правил игры.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что территории опережающего развития являются мощным, хотя и непростым элементом региональной политики, демонстрирующим высокую эффективность при правильной реализации. Успешность ТОР определяется не числом предоставляемых налоговых льгот, а качеством исполнения мер на местах – уровнем компетентности руководителей, готовностью инфраструктуры и стабильностью для бизнеса. Таким образом, развитие института ТОР требует отказа от масштабного подхода в пользу целевого, где каждое новое формирование территории обосновывается наличием всех факторов успеха, а не стремлением включить в программу наибольшее число субъектов РФ.

Список использованных источников и литературы:

[1] Галиуллина Г.Ф., Романова О.А. Территории опережающего развития как приоритет пространственного развития // Стратегии пространственного развития: вызовы и перспективы: сборник научных статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. – С. 21-37. – DOI: 10.17059/rec-2025-2

[2] Бердин А.Э., Бердина М.Ю. Перспективы развития особых экономических зон в России в условиях трансформации мирохозяйственных связей // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – №1. – DOI: 10.26726/rppe2025v12pftdo

[3] Кащеев В.С. Международный опыт формирования территорий опережающего развития и аналогичных территорий // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 31, №9. – С. 174-189.

[4] Бычков А.А., Гончаренко М.А., Гончаренко Л.И. и др. Фискальная эффективность использования преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации: монография. – Москва: Русайнс, 2022. – 270 с. – ISBN 978-5-466-11048-7.

[5] Чечиль О.В. Территории опережающего развития: теоретические и правовые основы, результаты реализации, перспективы развития: выпускная квалификационная работа. – Пермь: НИУ ВШЭ, 2024. – URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1046845042> (дата обращения: 12.03.2026).

© Н.Г. Макаренко, Р.А. Наи, 2026

УДК: 82.02

*К.М. Белеуханова,
преподаватель, магистр,
М.С. Нургазина,
преподаватель, магистр,
Б.А. Жоргатаева,
преподаватель, магистр,
НАО «Медицинский университет Семей»,
г. Семей, Казахстан*

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩЕГО ВРАЧА В
УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Аннотация: целью данной статьи является анализ особенностей формирования духовно-нравственных качеств у студентов медицинских вузов в контексте глобализации, цифровизации и изменения ценностных ориентиров общества.

Ключевые слова: нравственные качества, духовно-нравственное развитие, рефлексия, будущий врач, духовно-нравственное воспитание, нравственная культура.

Данная статья обусловлена глубокими социально-культурными преобразованиями современного общества, сопровождающимися утратой значимых духовно-нравственных ориентиров и усилением индивидуалистических тенденций. В условиях формирования информационного общества, повышения уровня психоэмоциональных нагрузок и изменяющегося характера межличностных отношений возникает необходимость переосмысления подходов к нравственно-этическому воспитанию личности. С.Л. Рубинштейн подчёркивал, что нравственные качества являются системообразующим компонентом личности, обеспечивающим её саморегуляцию и социальную активность [1, с. 145]. Для будущих медицинских работников духовно-нравственная подготовка имеет ключевое значение, поскольку их деятельность связана с высокой степенью ответственности, необходимостью проявления эмпатии, гуманизма и профессиональной этики. Б.Д. Парыгин отмечал, что социальная готовность и способность к нравственному действию формируются лишь при наличии устойчивых моральных потребностей и соответствующей среды развития [2, с. 96]. Психологи подчёркивают, что нравственное поведение не возникает как прямое следствие знания норм; требуется развитие эмоционально-волевой сферы и способности к моральному выбору. Б.И. Дадонов отмечал, что

отсутствие умения к самоограничению приводит к несоответствию между намерениями и поступками [3, с. 27]. Значимость проблемы усиливается необходимостью учёта сензитивных периодов развития, когда формирование моральных качеств наиболее эффективно [5, с. 215; 6, с. 170]. Всё это подтверждает необходимость комплексного изучения психологических механизмов нравственно-этического формирования личности. Весьма значимым является психологический аспект духовно-нравственной зрелости. Современная рыночная экономика с её ориентацией на конкуренцию и индивидуальный успех способствует кризису внутреннего мира человека: традиционные ценности утрачиваются, а новые формируются медленно и фрагментарно. Обладая знаниями, но всё меньше размышляя о доброте, долге, милосердии, человек теряет внутреннюю гармонию. В этих условиях одна из ключевых задач образования – восстановление духовно-нравственного потенциала и формирование морального самосознания молодёжи, особенно будущих медицинских работников. Категория «формирование» описывает сложный процесс становления человека как социального субъекта. Это движение, развитие, смена уровней зрелости и устойчивости. Даже в зрелом возрасте личность продолжает изменяться: меняются роли, социальная среда, жизненный опыт. Прекращение формирования означает духовную стагнацию. Процесс нравственно-этического формирования предполагает гармонизацию эмоциональной, интеллектуальной и рациональной сфер. Он включает накопление опыта переживания моральных ситуаций, осмысление нравственных норм и их воплощение в поведении. Эффективность во многом зависит от продуманной педагогической стратегии, индивидуального подхода и стимулирования внутреннего потенциала личности. Условно выделяют пять этапов формирования:

1. Нравственно-этическое ориентирование – формирование интереса к моральным знаниям.
2. Эмоционально-ценностный этап – развитие эмоционального отклика.
3. Активация внутренних резервов – включение личности в ситуации морального выбора.
4. Актуализация нравственного потенциала – проявление самостоятельности решений.
5. Становление личностной позиции – формирование устойчивых убеждений.

Нравственные потребности являются основой морально мотивированного поведения. Они выражают внутреннюю направленность личности к действиям, соответствующим общественным интересам. С.Л. Рубинштейн подчёркивал, что эмоции являются формой проявления потребности [1, с. 142]. Однако знание норм не гарантирует нравственного поступка: необходимы волевые качества – сила воли, активность, мужество, выдержка. Б.И. Дадонов отмечал, что отсутствие волевого усилия приводит к разрыву между стремлениями и действиями [3, с. 29]. Следовательно, формирование духовно-нравственной личности невозможно без развития волевой сферы. Следует учитывать и природные факторы. Тип нервной системы, темперамент, динамические

свойства психики определяют способность к саморегуляции, стрессоустойчивость и решительность. Б.Я. Первомайский связывал эти характеристики с силой нервных процессов [4, с. 60]. Большое значение имеют сензитивные периоды развития, выделенные Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Н.Н. Трубниковым [5, с. 210; 6, с. 179; 7, с. 78]. В детстве формируются склонность к доброте или жестокости, в подростковом возрасте – социальная направленность личности [8, с. 46]. Формирование моральных качеств непрерывно, однако не каждую черту можно изменить в любом возрасте. Ригидные стереотипы поведения требуют длительной комплексной психолого-педагогической работы. Усиление позитивных качеств, изменение мотивации и переориентация деятельности позволяют нейтрализовать негативные проявления личности. Особенно значимо нравственно-этическое развитие для будущих медиков. Их профессиональная деятельность насыщена моральными дилеммами, эмоциональным напряжением, ответственностью за жизнь и здоровье человека. Поэтому развитие эмпатии, саморегуляции, стрессоустойчивости, способности к моральной рефлексии – важнейшая составляющая подготовки врача. Отдельного внимания заслуживает влияние образовательной среды. Она может быть поддерживающей, нейтральной или деструктивной. Эффективная образовательная среда объединяет знания, эмоции, межличностные отношения и деятельность в единую воспитательную систему, формируя у студентов опыт социально одобряемого поведения и способность к сопереживанию. Особую роль играет личность педагога. Его профессиональная позиция, нравственная культура и стиль общения становятся моделью поведения для студентов. Для будущих медиков пример врача наставника нередко играет решающую роль, формируя отношение к профессиональной этике и человеческому достоинству пациента. Не менее значимы практико-ориентированные методы обучения: анализ клинических ситуаций, моделирование моральных дилемм, тренинги по развитию эмпатии, навыков общения и стрессоустойчивости. Такие методы позволяют студентам проживать моральные ситуации и формировать собственную позицию. Ключевым элементом духовно-нравственного развития является рефлексия. Способность осмысливать мотивы, поступки и переживания обеспечивает интеграцию морального опыта в структуру личности. Регулярная рефлексия укрепляет ценностные ориентиры, развивает ответственность и профессиональную зрелость. Таким образом, духовно-нравственное воспитание будущих медицинских работников требует комплексного подхода, сочетающего психологические, педагогические и личностные ресурсы. Это обеспечивает формирование высоконравственной, гуманной и социально ответственной личности специалиста.

Список использованных источников и литературы:

- [1] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Педагогика, 1989.
- [2] Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
- [3] Дадонов Б.И. Эмоциональная направленность личности. – М.: Наука,

1984.

[4] Первомайский Б.Я. Индивидуально-психологические особенности личности. – М.: Просвещение, 1990.

[5] Выготский Л.С. Психология развития ребёнка. – М.: Педагогика, 1984.

[6] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, 2005.

[7] Трубников Н.Н. Возрастные особенности формирования личности. – М.: Педагогика, 1987.

[8] Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1980.

© К.М. Белеуханова, М.С. Нургазина, Б.А. Жоргатаева, 2026

*Ван Кэ,
магистр 2 курса
напр. «Теория языка»,
науч. рук.: И.В. Андреева,
к.культурологии., доц.,
ТУИЯ,
г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика*

ОТ ДЕЛИМИТАЦИИ К ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ: РУССКО-КИТАЙСКИЙ ПЕРЕВОД И ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ НЕРЧИНСКОГО ДОГОВОРА И КЯХТИНСКОГО ТРАКТАТА

Аннотация: в истории русско-китайских отношений эпохи Цин Нерчинский договор 1689 года и Кяхтинский трактат 1727 года занимают место двух основополагающих документов. Они же служат важными памятниками раннего русско-китайского дипломатического перевода. В статье сопоставляются русские, латинские, маньчжурские и китайские версии обоих соглашений. Основное внимание уделено двум вопросам: реконструкции цепочек перевода в ходе переговоров 1689-1727 годов и анализу того, почему такие термины, как граница, межа и маяк, в китайских переводах передавались через местные административные обозначения типа «界» и «鄂博». Эти расхождения нельзя механически сводить к переводческим ошибкам: они возникали из-за состава переводчиков, особенностей пограничной практики и механизмов исполнения договоров. По сравнению с Нерчинским договором терминология Кяхтинского трактата отличается большей устойчивостью, что свидетельствует о постепенном включении переводческой деятельности в институционализированное управление приграничными делами. Перевод здесь – не техническое действие, а неотъемлемая часть порождения договорного текста, результат межъязыковой институциональной координации.

Ключевые слова: Нерчинский договор; Кяхтинский трактат; русско-китайский перевод; многоязычные тексты; история дипломатического перевода.

1. Введение.

Исследования истории русско-китайских отношений эпохи Цин обычно сосредоточены прежде всего на значении Нерчинского договора и Кяхтинского трактата для формирования границы, становления системы приграничной торговли и складывания дипломатического порядка. Значительно реже исследуется, как именно договорные тексты формировались на пересечении русского, латинского, маньчжурского и китайского языков. При сопоставительном чтении разноязычных версий можно заметить, что даже, казалось бы, конкретные термины не обладают «естественным» соответствием: соотношение русских слов граница и межа с китайским «界», а также

соответствие между маяком и «鄂博» показывают, что ключевые понятия договоров возникали не как результат прямого буквального перевода, а как результат последовательной корректировки, смыслового сжатия и встраивания в привычные для каждой стороны административные формы. Если ограничиться вопросом о том, «что именно предписывал договор», трудно понять, почему эти понятия вошли в текст именно в той форме, в какой мы видим их сегодня, и почему в процессе исполнения они производили различный практический эффект. В настоящей статье мы исходим из того, что эти расхождения не являются «ошибками перевода», а представляют собой институциональные следы, оставленные столкновением двух бюрократических систем и правовых традиций.

Исходя из этого, в статье перевод рассматривается не как вспомогательное действие после заключения соглашения, а как составная часть самого процесса порождения договорного текста. Статья сосредоточена на двух задачах: реконструкции переводческих цепочек... и анализе того, как китайский перевод сочетал сохранение исходного смысла с адаптацией к собственной административной терминологии. Работа опирается главным образом на опубликованные сборники документов по истории русско-китайских отношений и на сопоставительный анализ многоязычных версий двух договоров, что позволяет показать: формирование цинско-русских договорных текстов было результатом не только политических переговоров, но и межъязыковой институциональной координации.

2. Посредники перевода и текстообразование: межъязыковая практика Нерчинского договора.

2.1. Иезуиты как посредники перевода: латынь как «общий язык».

Во время нерчинских переговоров 1689 года у цинской и русской сторон не было языка прямого общения. Цинская сторона пользовалась маньчжурским и китайским языками, русская – русским. Каждая делегация привезла собственных переводчиков: у цинской стороны были переводчики с монгольского и русского, у русской – переводчики с монгольского и латыни, однако непосредственный диалог все равно оставался затруднительным. В конечном счете французский иезуит Жан-Франсуа Жербийон (Jean-François Gerbillon) и португалец Томаш Перейра (Thomas Pereira) выступили в роли основных устных и письменных переводчиков, используя латынь как посреднический язык.

Жербийон подробно зафиксировал ход перевода в своем дневнике: сначала русская сторона устно передавала содержание русских статей на латыни, затем Жербийон пересказывал их цинским чиновникам по-маньчжурски; после обсуждения цинская сторона формулировала поправки на маньчжурском, а Жербийон вновь переводил их на латынь для русской делегации. Такая многоступенчатая цепочка – от русского к латыни и далее через маньчжурский к китайской письменной фиксации – на каждом этапе допускала как потери, так и приращения смысла. Так, при обсуждении судьбы Албазинского пункта русская сторона имела в виду «временно оставить спор нерешенным»; в латинском тексте это было передано как *interim maneat*

indeterminatum («временно остается неопределенным»). При передаче на маньчжурский Жербийон использовал формулу со значением «временно сохранить без обсуждения», и цинская сторона поняла это как отказ русских от местности при временном сохранении построек, тогда как русская сторона подразумевала лишь отсрочку окончательной делимитации. Во время переговоров данное расхождение не было замечено и всплыло лишь в 1730-е годы, когда вопрос о принадлежности этого места вновь стал предметом обсуждения.

2.2. Трудности перевода географических названий: от «Горбицы» к «Гэ-эр-би-ци».

Топонимы были одной из сфер, в которых договорный перевод особенно легко порождал двусмысленность. Ключевым ориентиром в разграничительной статье Нерчинского договора выступала река под названием «Горбица» (Gorbítsa). В русском языке это наименование восходит к тунгусскому слову со значением «извилистая река». Жербийон передал его в латинской форме как Gorbítsa, в маньчжурской транскрипции – как gorbíca, а в китайском тексте оно было далее воспроизведено фонетически как «格尔毕齐» («Гэ-эр-би-ци»). На уровне звучания четыре версии достаточно близки друг к другу и как будто хорошо соотносятся.

Однако вопрос о том, какой именно водоток обозначался русским словом «Горбица», оставался неясным. Картография Сибири того времени была грубой, и в записях разных казачьих первопроходцев этим названием могли обозначаться разные притоки. Цинская сторона, опираясь на устный перевод Жербийона и набросанные на месте карты, полагала, что речь идет о небольшом северном притоке Амура; русская сторона, исходя из собственной картографической традиции, предполагала более широкий ареал. Лишь в 1730-е годы, при практической демаркации, выяснилось, что понимание истока и положения этой реки у сторон не совпадает; если переводить позднейшие материалы на современный географический язык координат, расхождение может составлять десятки километров, однако такая оценка относится к ретроспективной реконструкции и не должна механически переноситься на «общее знание» участников переговоров 1689 года.

Проблема была не столько в неудачной транскрипции, сколько в том, что у сторон отсутствовала единая географическая картина. То, что название местности удавалось гладко перенести из одного языка в другой, еще не означало тождества обозначаемого пространственного объекта. Когда сам переводчик не обладал точным представлением о географическом референте, фонетическая передача, напротив, могла скрывать глубину расхождения и создавать иллюзию достигнутого согласия. Подобная неопределённость в передаче географических ориентиров имела не только топонимическое, но и юридическое измерение – она проявлялась и в том, как договор квалифицировал людей, пересекавших границу.

3. Семантические смещения ключевых понятий в русско-китайском переводе Нерчинского договора.

3.1. Семантические различия между «границей», «межой» и китайскими «

界» / «鄂博».

В русском тексте Нерчинского договора используются два слова, относящиеся к пограничной проблематике: граница и межа. Первое появляется в начале договора и обозначает официальную границу между государствами; второе употребляется при описании конкретного способа разграничения, например в выражении «по межам гор», то есть по хребтам как по естественным линиям межевания. В китайском тексте оба значения были сведены к иероглифу «界», причем широко использовались формулы типа «以某河为界» («считать такую-то реку границей») и «以某山为界» («считать такую-то гору границей»), без отдельного различения между «государственной границей» и «земельной межой».

Такой выбор нельзя считать простой ошибкой. В китайском языке того времени не существовало устойчивой пары терминов, в точности соответствующей русскому различению граница / межа. В практике Палаты по делам внешних владений для обозначения конкретной линии разграничения широко использовалось слово «鄂博» – заимствование из монгольского, обозначающее каменную насыпь или пограничный знак, тогда как для целостного политического рубежа применялись слова типа «疆界». В договорном переводе переводчики, вероятно связанные с палатскими монгольскими службами, избрали стратегию, при которой иероглиф «界» покрывал оба русских понятия, а в исполнительной практике недостающая конкретизация компенсировалась обращением к «鄂博» как к материальному знаку на местности. Перевод нивелировал семантическое различие русского текста, но взамен вводил конкретный материальный ориентир, который на практике восполнял эту потерю.

3.2. Перевод статьи о беглецах: от «дезертиров» к «奸徒».

В статье Нерчинского договора, посвященной выдаче беглецов, русский текст использует слова «дезертиры» и «беглые», делая акцент на людях, самовольно покинувших военную или административную службу. В китайском переводе эти категории были сведены к формулам «奸徒» и «逃人». При этом выражение «奸徒» обладает выраженной негативной юридико-моральной окраской и представляет нарушителя скорее как преступника, нежели как политического или военного беглеца.

Такой перевод отражал политический расчет цинской стороны. Если бы лиц, укрывавшихся на русской территории, называли «дезертирами» или «беглыми», тем самым косвенно признавался бы их статус как военно-служилых людей Цин, что повышало бы дипломатическую чувствительность вопроса. Обозначение же через «奸徒» переводило проблему в плоскость правонарушения и общественного порядка, снижая ее политическую остроту. В доступных русских архивных материалах не зафиксировано прямых возражений против термина «奸徒»; возможно, для русских переговорщиков был важен сам факт возвращения беглецов, а не их юридическая квалификация. Аналогичный механизм «снижения политического градуса» прослеживается и в

переводе положений о документах на пересечение границы.

3.3. Перевод положения о проездных документах: грамота и «路票».

Нерчинский договор предписывал, что пересечение границы допускается лишь при наличии соответствующего документа. В русском тексте употребляется слово «грамота», которое в русской административной традиции подразумевало официальный акт, исходящий от верховной власти. В китайской версии этому соответствуют слова «文书» и «路票», причем последнее обозначало реальное пропускное свидетельство, использовавшееся в приграничной торговле эпохи Цин.

Различие здесь принципиально: русская «грамота» подчеркивает, что право проезда санкционируется центральной властью, тогда как «路票» в цинской практике чаще соотносилась с документом, который выдается местными военными и пограничными администраторами. Передавая «грамоту» как «路票», перевод фактически снижал политический уровень разрешения на передвижение и делал соответствующую норму более удобной для повседневного применения. Цинские архивные материалы показывают, что в торговле через Кяхту в XVIII веке документы русских купцов могли исходить как от самого царя, так и от сибирского губернатора в форме «проезжей грамоты», однако в китайской практике они обобщенно именовались «路票» или «执照», без тонкого различия статуса документа. Это позволяет видеть, как при переходе от текста к исполнению перевод дополнительно упрощал иерархические различия, заложенные в оригинале.

4. Институционализированная эволюция переводческой практики в Кяхтинском трактате.

4.1. От временного устного перевода к постоянным переводчикам: институционализация переводческой роли.

В отличие от Нерчинского договора, при заключении Кяхтинского трактата в 1727 году стороны уже располагали почти сорокалетним опытом переговоров как в Пекине, так и на пограничье. В Цин была создана специальная «русская словесная палата» при Палате по делам внешних владений, где готовили переводчиков, владевших маньчжурским, китайским и русским языками; русская сторона, в свою очередь, направляла в Пекин православную миссию, в составе которой находились переводчики, изучавшие маньчжурский и китайский языки.

Процесс текстообразования Кяхтинского трактата был заметно более упорядоченным, чем в 1689 году. Согласно русским архивным материалам, статьи сначала составлялись на латыни и по-русски; затем они постатейно обсуждались до достижения согласия, после чего русские переводчики передавали текст на маньчжурский, а цинские переводчики – на китайский, и уже после этого версии сверялись и исправлялись. Такая процедура сокращала произвольность многоступенчатого перевода и заметно усиливала терминологическую согласованность. Например, проблема смешения слов граница и межа, наблюдаемая в Нерчинском договоре, в Кяхтинском трактате была ослаблена: русский текст отчетливее различал государственную границу и

межу, а маньчжурская и китайская версии стремились разводить обозначения политической границы и конкретного пограничного знака.

4.2. «Маяк», «鄂博» и выбор обозначения пограничного знака.

Кяхтинский трактат предусматривал, что в местности, где отсутствуют естественные ориентиры в виде гор или рек, граница должна обозначаться искусственно установленными знаками. В русском тексте для этого использовано слово «маяк»; в данном контексте оно понимается не в узком морском значении, а как любой заметный ориентир или пограничный знак. В китайском тексте ему соответствует слово «鄂博», восходящее к монгольскому овоо и обозначающее каменную насыпь, дорожный или культовый ориентир. Две языковые версии используют разные по происхождению и семантической истории слова для обозначения одного и того же типа искусственного объекта, что свидетельствует о выборе функционального, а не буквального эквивалента.

С практической точки зрения это решение оказалось действенным. Русские чиновники принимали слово «маяк» как понятное обозначение любого сооруженного пограничного ориентира, а цинские чиновники продолжали пользоваться привычным им термином «鄂博» и на местности действительно возводили каменные насыпи по монгольскому образцу. Поскольку обе стороны соотносили свои слова с одним и тем же материальным предметом, недоразумения не возникало. По крайней мере в случае пары «маяк / 鄂博» сторонам был нужен не буквальный перевод, а такое понятие, которое могло быть реализовано внутри собственной пограничной практики каждой из них.

4.3. Русско-китайское соответствие выражения «идти правильной дорогой»: напряжение между *svobodno* и *via recta*.

В четвертой статье Кяхтинского трактата, посвященной торговле, между языковыми версиями обнаруживается тонкое различие в модальности. В русском тексте сказано: «торговля должна производиться свободно, но по прямой дороге»; в латинской версии этому соответствует формула *libera commercia ... via recta*. Китайский перевод, однако, опускает слово «свободно» и ограничивается предписанием «均指令由正道行走, 若绕道.....将其货物入官», то есть предписывает движение только «правильным путем» под угрозой конфискации товара.

Причины такого решения могли быть по меньшей мере двоякими. Во-первых, цинская сторона могла счесть слово «свободно» намеком на неподконтрольность перемещения и потому сознательно убрать его как противоречащее дальнейшему требованию двигаться лишь по установленному маршруту. Во-вторых, переводчики могли понимать русское *svobodno* и латинское *libera* не как право произвольного выбора пути, а скорее как указание на отсутствие дополнительных поборов, настаивая поэтому на сохранении этого элемента в китайской версии. В любом случае данный пример показывает, что договорный перевод строился не по принципу пословного соответствия, а в логике избирательного переформулирования, определяемого правовыми традициями и институциональными контекстами сторон. При этом важно отметить, что русское «свободно» в дипломатическом языке XVIII века

часто означало «без дополнительных пошлин и препятствий», тогда как китайское «**正道行走**» акцентировало контроль над маршрутом. Эти две формулировки не являются логически противоречащими друг другу, а скорее отражают разные акценты в регулировании одного и того же торгового перемещения.

5. Заключение.

От Нерчинского договора к Кяхтинскому трактату русско-китайский договорный перевод прошел путь от зависимости от временного посредничества иезуитов к формированию системы штатных переводчиков и относительной терминологической унификации. Переводческие расхождения – не ошибки, а институциональные следы столкновения двух бюрократических систем. Как показывают рассмотренные примеры, в практическом исполнении далеко не каждое смысловое смещение порождало конфликт; напротив, наиболее проблемными оказывались часто именно те детали, которые выглядят наиболее простыми, – топонимы, числительные, материальные ориентиры. Из этого следует, что при дипломатическом переводе важно учитывать институциональные различия, а по возможности – использовать согласованные глоссарии ключевых терминов. Переводческая практика русско-китайских договоров эпохи Цин служит важным историческим материалом для понимания того, как перевод был не пассивным отражением достигнутых договорённостей, а активным институциональным процессом, формировавшим правовую реальность приграничного взаимодействия.

Список использованных источников и литературы:

[1] Дацышен В. Г. «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки // Общество и государство в Китае. 2017.

[2] Кириллова С. В., Шевцов В. В. Нерчинск – Пекин: русские торговые караваны в 1689-1703 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. №435.

[3] Тураев В. А. Российско-китайское пограничье в XVII веке // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. №2.

[4] 乔卫星.中俄边界积案交涉与〈恰克图条约〉修订[Переговоры по накопившимся русско-китайским пограничным делам и пересмотр Кяхтинского трактата] // «清史研究». 2026. №2.

[5] 王继庆, 王闯.17世纪张诚日记之尼布楚行程与谈判[Нерчинское путешествие и переговоры в дневнике Ж.-Ф. Жербийона XVII века] // «学术交流». 2013. №2.

[6] 周祚绍.〈恰克图条约〉谈判中的清朝使臣[Посланники Цин в переговорах по Кяхтинскому трактату] // «山东大学学报(哲学社会科学版)». 2000. №4.

[7][法]张诚. 张诚日记[M]. 陈霞飞, 陈泽宪, 译. 北京: 商务印书馆, 1973.

*А.И. Олина,
студентка 3 курса
напр. «Педагогическое образование»,
науч. рук.: О.И. Бирюкова,
докт. филол. наук, профессор
МГПУ им М.Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация*

ОТ ЛЮБВИ К УБИЙСТВУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ПОВЕСТИ «ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА» Н.С. ЛЕСКОВА

Аннотация: статья посвящена анализу повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» как исследованию теневых сторон человеческой природы. Рассматривается психологическая трансформация Катерины Измайловой – от экзистенциального вакуума, порождённого патриархальным купеческим бытом, до тяжких преступлений. Ключевыми мотивами выступают не только страсть к приказчику, но и осознание собственной бесцельности. Показан механизм дегуманизации, где убийство становится формой самовыражения и защиты объекта привязанности. В интертекстуальной связи с шекспировским «Макбетом» Лесков переосмысляет русскую действительность, создавая женский образ – воплощение стихийной силы человеческой природы.

Ключевые слова: трансформация, женский образ, страсть, преступление, русская литература.

Повесть Николая Семеновича Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) занимает особое место в русской литературе XIX века, исследовавшей «темные страсти». В отличие от многих современников, исследовавших социальные аспекты российской действительности, писатель обращается к глубинам темной, подсознательной стихии человеческой души. «Лесков и заглянул в душу Православия, когда того возжаждала душа его, но он же посмотрел на него и хитрым, немножко бесовским, лесковским глазком...» [1].

Центральный образ произведения – Катерина Львовна Измайлова – представляет собой одну из самых противоречивых фигур русской классики. Литературовед Валентин Гебель сравнил героиню с чем-то зловещим и пугающим: «о Катерине Измайловой можно было бы сказать, что она не луч солнца, падающий в темноту, а молния, порожденная самим мраком» [2].

Эта метафора точно передает суть характера героини, в которой нет внешнего, привнесенного света, а ее разрушительная сила рождается из глубины самой беспросветной среды. Путь от глубокой тоски и жажды любви до серийных убийств не является линейным. Это процесс постепенной потери моральных ценностей и ориентиров, вызванный столкновением «хищной» природы с удушающей атмосферой купеческого дома, «от которой весело, говорят, даже удавиться» [3].

Тоска Катерины – это не просто скука избалованной купчихи, а экзистенциальная пустота, отсутствие какого-либо содержания в жизни, где все дни подчинены однообразному ритуалу – чаепитие, сон, перебранка со свекром, бесцельное хождение по комнатам. В этом вакууме просыпается «хищная» натура героини, являющаяся не результатом злого умысла, а биологическим, почти животным импульсом к самоутверждению.

Образ героини изначально был выстроен как антитеза образу идеальной купеческой жены. Лесков подчеркивал ее молодость («ей отроду шел всего двадцать четвёртый год жизни»), полноту жизни («стройная, ... плечи круглые ... грудь крепкая») и отсутствие детей с законным мужем, который так «надеялся, что даст ему бог хоть от второго брака наследника купеческому имени и капиталу», что в патриархальном укладе Мценского уезда делало ее существование абсолютно бессмысленным [3].

Трансформация героини начинается не с появлением в ее жизни Сергея, а с осознания собственной бесцельности. Молодую женщину тоска купеческого дома доводила «до одури», ей надоели упреки общества: «Чего шла да зачем шла замуж; зачем завязала человеку судьбу, неродивица», словно и в самом деле она преступление какое сделала и перед мужем, и перед свёкром, и перед всем их честным родом купеческим» [3]. Лесков подчеркивает, что ее бесполезность – это экзистенциальный вакуум, а встреча с молодым приказчиком становится сопутствующим катализатором. Его наглость, животная мужская сила и прямолинейность пробивают стену отчуждения, заставляя Катерину почувствовать себя живой и любимой женщиной. Именно в этот момент в сердце девушки, привыкшей «к простоте и свободе», зарождается глубокий внутренний конфликт, повлекший за собой трагические последствия [3].

Переход Катерины Львовны от пылкой любви к убийству характеризуется дегуманизацией окружающих в ее сознании. Первый акт убийства, совершается ради защиты своей страсти и устранения опасности для любимого человека. Так, купчиха отравляет свекра, который решил, что по приезде сына высечет «честную жену», а подлеца – Сергея отправит в острог [3]. После совершения преступления, героиня уже не воспринимает себя «жертвой обстоятельств», подавляемой обществом и семейными предписаниями. Наоборот, происходит трансформация от бедной и беззащитной девушки, которой «перебирать женихами» не приходилось, к фигуре, обладающей определенной силой [3].

В этом контексте важно отметить литературную аллюзию в названии повести. В произведении прослеживается очевидное влияние шекспировской драматургии, выразившееся, в частности, в том, что дворяне «с чьего-то легкого слова», стали звать главную героиню «леди Макбет Мценского уезда» [3]. Внимательно изучив «Макбета» У. Шекспира, Н. С. Лесков сумел извлечь из трагедии множество элементов, которые легли в основу его собственных художественных идей. Отличительной чертой чувств Катерины Львовны было доминирование тёмных, страстных желаний, нечто дикое и «дьявольское», что таилось в ее натуре от шекспировской «леди», одержимой амбициями и

властью. Ее взгляд на возлюбленного был затуманен сильным сексуальным влечением и стремлением к близости, что делало ее слепой к любым его недостаткам. В процессе трансформации читатель знакомится с наивной и «одичавшей» от всепоглощающих чувств Катериной, для которой каждое последующее убийство, парадоксальным образом, становится менее обременительным, поскольку воспринимается как жертвоприношение на алтарь любви. Даже убийство племянника мужа – Феди, который был совсем ребенком, не могло поколебать ее убежденность в правоте своих злонамеренных поступков. Это свидетельствует о том, что преступный акт стал для героини единственным способом поддержания страстной связи с Сергеем, единственной возможностью их взаимодействия.

В финале произведения читатель видит апогей трансформации женского образа. В каторжных условиях окончательно обнажается истинная природа Сергея: он предает Катерину, вступает в связь с новой избранницей и публично унижает купчиху, тем самым основанием является иллюзия, удерживавшая героиню в пространственном смысле. Перед лицом этого предательства Измайлова переживает экзистенциальный кризис, ретроспективная переоценка пройденного пути ставит под сомнение саму возможность оправдания совершенных денежных преступлений. Неспособность вынести тяжесть морального и эмоционального краха толкает ее к прекращению актуальной деструкции и она уничтожает соперницу и себя одновременно, подразумевая авторскую метафору: «как сильная щука на мягкоперую плотицу» [3]. Эта образная параллель симптоматична. Хищническое начало, прежде направленное на обретение любви, в финале проявляется в чистом саморазрушении. Траектория героини представляет собой классическую модель инволюции личности в условиях аксиологического вакуума. Путь, начавшийся с самоутверждения через любовное чувство, завершается тотальной деструкцией, как внешней, так и внутренней. Измайлова осознает, что ее отношение к Сергею, при всей ее патологической и этически неприемлемой природе, выполняет функцию смыслообразующего стержня существования.

Таким образом, эволюция образа Катерины Измайловой может быть прочитана как художественная феноменология деградации субъекта в условиях нравственного падения и господства аффективных импульсов над рефлексивным сознанием. Н. Лесков исследует механизм, при котором подавление природного начала в социальной репрессивной среде не устраняет потенциал личности, но лишь консервирует его, создавая условия для последующего катастрофического высвобождения. Движение от эротических влечений к цепному убийству проявляется в повести как структурная аллегория. Дефицит абсолютной свободы, эмоциональная ориентация и усвоенные этические нормы деформирует личность, формируя ее самореализацию в единственно доступной форме – агрессивном самоутверждении через энергию.

Список использованных источников и литературы:

[1] Николай Семенович Лесков: опыт характеристики и религиозного творчества: к 180-летию со дня рождения Н.С. Лескова / С.Н. Дурылин; публ. подгот. А.А. Аникин, А.В. Лукьянов, А.Б. Галкин // Москва: журнал русской культуры. – 2011. – №2. – С. 114-137.

[2] Батукова С.В. Трансформация образа Катерины Измайловой в очерке Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Студенческая весна – 2025: Сборник статей XXI Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. В 3-х частях, Омск, 22 марта 2025 года. Часть 1. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2025. – С. 21-25.

[3] Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. – 30 с. // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/15327> (дата обращения: 13.04.2026).

© А.И. Олина, О.И. Бирюкова, 2026

*Е.М. Полуяхтова,
доц. каф. филос.н.,
Л.П. Шавкунова,
ст. преп.,
КПИ (филиал) УрФУ,
г. Каменск-Уральский, Российская Федерация*

ПОНЯТИЯ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПАРЕМИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Для любого лингвиста открывать для себя мир паремий [1] родного или изучаемого иностранного языка – интересное занятие. Паремии представляют собой речевые клише, близкие по образности к афоризмам. Они являются анонимными изречениями, существуют в любых национальных языках и являются носителями народной мудрости, передаваемой из поколения в поколение. Паремии отличаются национально-культурным своеобразием, в них проявляется менталитет народа, живет настоящее искреннее человеческое слово. Это богатый мир по содержанию, забавности, чуткости и находчивости.

В настоящей небольшой публикации невозможно охватить все нюансы «жизни» паремий в языке, нам хотелось бы обратить внимание на глубокий философский смысл, которым наполнен язык паремий и который сопровождается идеями о принципе антропоцентричности и о предметной (пространственной) и временной реальности. Принцип антропоцентричности указывает на тот факт, что именно человек пользуется языком. Каждый человек не только отдельная личность, но и представитель конкретного социума, воспринимающего и оценивающего социальное бытие, окружающее его, в соответствии с традициями и ценностями этого социума. Е.А. Кузьмина [2] полагает, например, что паремии являются средством верификации этих оценок. Философское пространство паремий складывается из понимания связей (контекста), окружающих их. Эти связи свидетельствуют об определенном типе мышления, особой духовной основе, культурных особенностях индивидов в различных человеческих обществах.

Один и тот же предмет, одно и то же действие могут вызывать различные словесные ассоциации, поскольку они имеют для разных людей разные понятийные содержания. Китайский лингвист Пи Дзянь Кунь справедливо отмечает, что «паремиологическое пространство национального языка является частью национальной языковой картины мира, вербализованные в нем установки культуры отличаются большой консервативностью и устойчивостью по сравнению с другими фрагментами картины мира, вербализованными языковыми единицами других уровней». [3] Далее этот же автор отмечает: «Языковая картина мира – не зеркальное отражение мира, а всегда интерпретация... Паремиологическое пространство связано с фольклорной

традицией – сложной многоуровневой категорией художественной, эстетической, мировоззренческой, смысловой, ценностной» [4] Таким образом, паремии не могут быть поставлены вне социально-эмпирической реальности, с их помощью индивид имеет возможность ориентироваться в социальной среде. Человек, знакомясь с той или иной паремией, лучше понимает ее через свой собственный жизненный опыт. Отсюда следует, что культурнострановедческий аспект присутствует в каждой паремии, потому что последняя связана, как правило, с исторической, экономической и культурной традицией не только той или другой страны, но иногда даже и небольшой по территории местности. Люди, изучающие иностранные языки, получают при знакомстве с паремиями чужого языка возможность для личного творческого прояснения социокультурных особенностей другой страны (передача страноведческих культурных содержаний).

В разных языках существуют паремии, имеющие одинаковый смысл, но разную образность. Это свидетельствует о различии культур. Перевод таких паремий затруднен, так как разные образы мешают пониманию смысла. Для примеров обратимся к немецкому, английскому и русскому языкам [5], [6]:

1. Нем. яз.: All Ding wahrt seine Zeit (дословный перевод – Всякая вещь соответствует своему времени) – Рус. яз.: Всякому овощу свое время – Англ. яз.: To every thing there is a season (Всему свой черёд);

2. Нем. яз.: Aller Anfang ist schwer (Любое начало трудное) – Рус. яз.: Лиха беда – начало – Англ. яз.: The first step is the hardest (Первый шаг – самый сложный);

3. Нем. яз.: Anfang ist kein Meisterstueck (Начало – не шедевр) – Рус. яз.: Первый блин комом; Англ. яз.: Baptism of fire (Боевое крещение)

4. Нем. яз.: Da haben wir die Bescherung (А у нас подарки!) – Рус. яз.: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – Англ. яз.: It's all gone pear-shaped (Всё пошло наперекосяк)

Некоторым паремиям в одном языке невозможно порой найти соответствующие в другом. Слово у представителей разных культур имеет разную понятийную основу, следовательно, может выражать лишь сходственное содержание. Это происходит потому, что слова, выражающие понятия, по-разному относятся к общественному бытию, и, поэтому, могут не совпадать по смыслу. Многие паремии отличаются двойным смыслом, несут в себе иносказание. Чтобы понять такие паремии, изучающий иностранный язык должен обладать достаточно глубоким пониманием социокультурных особенностей страны изучаемого языка, быть настроенным на метафорическое переосмысление. Например:

1. Нем. яз.: *Trinke, wenn du am Brunnen bist* (Пей, пока ты у колодца) – Рус. яз.: *Куй железо, пока горячо* – Англ. яз.: *Make hay while the sun shines* (Коси сено, пока светит солнце);

2. Нем. яз.: *Die Morgenstunde hat Gold im Munde* (Утренний час имеет золото во рту) – Рус. яз.: Кто рано встает, тому Бог подает – Англ. яз.: *The early bird catches the worm* (Кто рано встает, тому Бог подает);

3. Нем. яз.: *Andere Jahre – andere Haare* (Другие годы – другие волосы) –

Рус. яз.: Иное время – иное бремя – Англ. яз.: *Get more than you bargained for* (Получить больше проблем, чем ожидалось при вступлении в новую ситуацию)

Под понятием категории времени в паремиологическом пространстве языка мы понимаем временную отнесенность ситуации в целом. А.В. Перцев в интервью корреспонденту газеты «Студень» сказал следующее: «История создает ситуации, и на это ее предложение откликаются люди...» [7]. Хочется добавить, что в первую очередь откликаются в языке. Вместе с ходом истории рождаются новые пословицы и поговорки, соответствующие историческому времени. Паремии имеют длительную во времени, многообразную традицию.

Для нас представляется важным понять, каким образом слова и система понятий, связанная с ними, складывалась во времени. В речевых оборотах воплощается то понятийное богатство, которое создается социумом в процессе длительного исторического развития. Появляются новые процессы в культуре, экономике, политике, социальной жизни. Значение слова, выражения не есть нечто устойчивое и неизменное. По указанным выше причинам появляются новые специализированные слова, названия, тенденции к экономии языка, стремление к усилению или уменьшению выразительности языка [р. 3].

Лингвист Л.Р. Мухарлямова, исследуя проблемы лингвокультурологического поля времени в паремиях русского языка, отмечает следующее: «Выявление в языке элементов, имеющих отношение ко времени – процесс проблематичный в силу того, что время имеет отношение ко всем сферам окружающей действительности. Это и среда, где разворачиваются события, и нечто, имеющее длительность» [8]. В паремиях под понятием категории времени понимается «временная соотнесенность ситуации в целом и ее элементов посредством лексико-фразеологических и грамматических средств» [8]. Категория времени является, наряду с категорией пространства, одной из основных, определяющих картину мира человека. Поэтому время всегда получает оценку, которая, в свою очередь, зависит от влияния, оказываемого временем на окружающую среду.

Известная в немецком языке фраза «*Die Zeit frisst alles*» является наглядным примером отрицательного воздействия времени на окружающую среду. На отрицательную оценку указывает употребление глагола *fressen* (жрать, пожирать), который придает высказыванию неодобрительный оттенок (Время пожирает все). Паремии способны вербализировать представления народа о времени как субстанции, которая способна изменять физическую и ментальную действительность, например, в немецком языке: «*Was gestern richtig war, kann morgen falsch sein*» (Что вчера было правильным, завтра может стать неправдой).

В настоящей публикации мы не ставили задачу прояснения лексического, синтаксического, грамматического наполнения паремий в русском, немецком и английском языках – это отдельная, многогранная и интересная тема, достойная специальных исследований. Наша скромная задача заключалась в подчеркивании глубокого философского смысла языка паремий, важности изучения паремий для людей, серьезно интересующихся иностранными языками, изучающих их, поскольку в паремиях запечатлен исторический и

житейский, повседневный опыт людей другой культуры.

Список использованных источников и литературы:

[1] Паремия – (греч. – поговорка, пословица, притча) устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания. К паремиям относятся пословицы, представляющие собой целостные выражения, и поговорки, являющиеся фрагментами предложений (Википедия)

[2] Кузьмина Е.А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности: на материале немецкого языка. Тамбов, 2002 г.

[3] Пи Дзянь Кунь «Оппозиция «Правда-ложь» в паремиологическом пространстве русского языка», С.Пб., 2014, с. 9

[4] Пи Дзянь Кунь «Оппозиция «Правда-ложь» в паремиологическом пространстве русского языка», С.Пб., 2014, с. 15

[5] Здесь и далее: Немецко-русский фразеологический словарь, М., 1975

[6] Здесь и далее: Словарь идиом Longman Pocket Idioms Dictionary, 2001

[7] За кухонным столом. Выбор как внутренний ковчег. Интервью декана философского факультета УрГУ А. Перцева Е. Ковиной. Городская студенческая газета «Студень», март 2008, с. 9

[8] Мухарлямова Л.Р. Лингвокультурологическое поле времени в паремиях русского языка. Казань, 2010, с. 7

© Е.М. Полуяхтова, Л.П. Шавкунова, 2026

*У.В. Румянцева,
студент 2 курса,
напр. «Лингвистика»,
Д.А. Сорокова,
студент 2 курса,
напр. «Лингвистика»,
А.В. Чернобровкина,
студент 2 курса,
напр. «Лингвистика»,
науч. рук.: И.Е. Брыксина,
к.п.н., доц.,
ТГУ им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация*

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛОГОВ С ИИ

Аннотация: в статье рассматриваются стратегии вежливости в русской и американской лингвокультурах на примере коммуникативной ситуации отказа от приглашения. Материалом исследования послужили диалоги, сгенерированные нейросетью DeepSeek при условии следования культурным сценариям поведения. В ходе анализа выявлены различия в степени прямоты, использовании компенсаторных стратегий и эмоциональной окраске высказываний. Делается вывод о потенциале использования генеративных нейросетей в качестве тренажера для формирования межкультурной компетенции студентов-лингвистов.

Ключевые слова: стратегии вежливости, межкультурная коммуникация, DeepSeek, русская лингвокультура, американская лингвокультура, лингводидактика.

Современное языковое образование сталкивается с вызовом: знание грамматики и лексики недостаточно для успешной коммуникации с представителями иных культур. Межкультурная компетенция предполагает не только владение языковым кодом, но и понимание культурно-обусловленных сценариев речевого поведения. Одним из ключевых компонентов таких сценариев выступают стратегии вежливости, которые могут существенно различаться в разных лингвокультурах.

Русская и американская коммуникативные культуры традиционно противопоставляются по ряду параметров: степень прямоты и непрямоты, роль позитивной и негативной вежливости, отношение к искренности и поддержанию гармонии. Американская культура тяготеет к так называемой «позитивной вежливости», ориентированной на сближение, демонстрацию

дружелюбия и оптимизма. Русская культура, напротив, в большей степени ценит искренность и прямоту, что может восприниматься представителями других культур как излишняя резкость.

Как показывают современные исследования, применение нейросетей, в частности DeepSeek, открывает новые перспективы для персонализированного обучения иностранным языкам [5], однако требует критической рефлексии со стороны преподавателя [4]. С развитием технологий искусственного интеллекта появляется новый инструмент для моделирования межкультурной коммуникации – генеративные нейросети, способные имитировать речевое поведение в соответствии с заданными культурными параметрами. В данной работе мы обращаемся к DeepSeek как к потенциальному «партнеру по коммуникации», позволяющему студентам наблюдать и анализировать культурно-специфические стратегии вежливости.

Цель исследования – выявить различия в стратегиях вежливости в русской и американской лингвокультурах на материале диалогов, сгенерированных DeepSeek в ситуации отказа от приглашения.

Материалом исследования послужили диалоги, созданные с помощью DeepSeek в марте 2026 года. Для получения релевантных данных были разработаны два промпта, моделирующие коммуникативное поведение представителя русской и американской лингвокультур в идентичной ситуации.

Ситуация: отказ от приглашения в гости/на мероприятие.

Коммуниканты: друг (приглашающий) и адресат (отказывающийся).

Промпт для русской лингвокультуры: «Ты русский человек, 25 лет. Твой друг приглашает тебя в гости на выходные. Ты очень устал на работе и хочешь отдохнуть дома. Ответь так, как ответил бы типичный русский – честно, без излишней вежливости, но не грубо». Промпт для американской лингвокультуры: «You are an American person, 25 years old. Your friend invites you to a party this weekend. You are really tired from work and want to stay home. Respond as a typical American would – show enthusiasm for the invitation, be polite, and soften the refusal»

Диалоги проводились на русском и английском языках соответственно. Полученные ответы были проанализированы по следующим критериям: наличие и развернутость благодарности; характер объяснения причины отказа; наличие компенсаторных стратегий (обещание будущей встречи и т.п.); степень прямоты/непрямоты; эмоциональная окраска высказывания.

В результате генерации были получены следующие диалоги.

Фрагмент 1. Русская лингвокультура:

– Привет! Заходи в гости в субботу, посидим, поговорим.

– Ой, слушай, спасибо за приглашение. Но я что-то совсем вымотался за эту неделю, сил ни на что нет. Посижу лучше дома, отдохну. Давай как-нибудь в другой раз, когда буду бодрее.

– Понимаю, работа есть работа. Отдыхай, выздоравливай! Напиши, как освободишься.

Фрагмент 2. Американская лингвокультура:

– Hey! We're having a party this Saturday, would love for you to come!

– Oh, thank you so much for inviting me! I'd really love to come, but I'm absolutely exhausted from work this week and need to rest. Let's definitely plan something soon though – I'd hate to miss hanging out with you! Hope you guys have an amazing time!

– No worries at all! Rest up, and let's catch up next week for sure!

Сравнительный анализ позволил выявить следующие различия:

Таблица 1 – Сравнительный анализ стратегий вежливости

Критерий Русская лингвокультура Американская лингвокультура

Благодарность Присутствует, но краткая («спасибо») Развернутая, эмоциональная («thank you so much»)

Объяснение причины Прямое, без смягчений («вымотался») Причина указана, но акцент на сожалении

Компенсаторные стратегии Нейтральное «давай в другой раз» Эмоциональное обещание будущей встречи («let's definitely plan something soon», «I'd hate to miss out»)

Прямота / непрямота Высокая степень прямоты Непрямота, уклончивость

Эмоциональная окраска Сдержанная, «спокойная» Гиперболизированно позитивная, использование усилителей («absolutely exhausted», «amazing time»)

Полученные данные в целом соответствуют теоретическим представлениям о различиях русской и американской коммуникативных культур. В русском варианте мы наблюдаем приоритет искренности и информативности над «сохранением лица» собеседника: отказ формулируется прямо, причина называется без приукрашиваний. Русская вежливость ориентирована на правду, а не на гармонизацию общения.

Американский вариант демонстрирует типичную для западных культур стратегию «позитивной вежливости»: отказ максимально смягчается, подчеркивается положительное отношение к собеседнику и желание будущей встречи. Для американской коммуникативной культуры характерно использование компенсаторных стратегий, позволяющих минимизировать угрозу «негативному лицу» собеседника.

В фундаментальном исследовании Т. В. Лариной (2023) убедительно показано, что различия в реализации категории вежливости в русской и англоязычной культурах обусловлены глубинными ценностными установками: для русской культуры приоритетной является „вежливость искренности», для англоязычной – „вежливость ненавязчивости» [1]. Однако выявленная в ответах DeepSeek „гиперболизированная позитивность» («absolutely exhausted» при нейтральной усталости, «amazing time» в пожелании) может быть следствием свойственных большим языковым моделям „галлюцинаций» [2], что требует методической рефлексии. Как отмечает С.С. Мурунов, использование сгенерированных материалов невозможно без надзора преподавателя [3].

С практической точки зрения, полученные результаты позволяют говорить о потенциале использования DeepSeek в обучении межкультурной коммуникации. Студенты могут:

1. наблюдать культурно-специфические сценарии в «чистом» виде;

2. сравнивать стратегии вежливости разных культур;
3. экспериментировать с собственными ответами, получая обратную связь от нейросети.

Однако важно учитывать ограничения: DeepSeek воспроизводит скорее культурные стереотипы, чем живую вариативность, что требует методической рефлексии со стороны преподавателя.

Проведенное исследование показало, что DeepSeek способен имитировать ключевые различия в стратегиях вежливости русской и американской лингвокультур. В ситуации отказа от приглашения русский коммуникативный сценарий характеризуется прямоотой, сдержанной благодарностью и нейтральными компенсаторными стратегиями. Американский сценарий, напротив, демонстрирует развернутую благодарность, эмоциональное смягчение отказа и активное использование стратегий позитивной вежливости.

Выявленные различия могут быть использованы в практике преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации. DeepSeek выступает доступным инструментом для создания аутентичных (хотя и стереотипизированных) коммуникативных ситуаций, позволяющих студентам развивать навыки распознавания и интерпретации культурно-обусловленных речевых стратегий.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением круга анализируемых ситуаций и культур, а также с разработкой методических рекомендаций по интеграции генеративных нейросетей в процесс формирования межкультурной компетенции.

Список использованных источников и литературы:

[1] Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М.: Издательство РУДН, 2023. – 284 с.

[2] Лезина А.Д., Мелкозерова В.И., Фаттахова А.В. Telegram-бот для изучения английского: генерация упражнений с использованием языковой модели DeepSeek // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2025. – Т. 25, №2. – С. 312-319.

[3] Мурунов С.С. Использование педагогом нейросети DeepSeek при подготовке к уроку по иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2025. – №2. – С. 91-96.

[4] Сысоев П.В., Филатов Е.М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, №1. – С. 66-72.

[5] Пашковская Н.Д., Киреева И.А., Приданова М.В. Нейросеть DeepSeek как средство повышения эффективности развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов бакалавриата // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2026. – №1. – С. 271-287. – URL: <http://e-koncept.ru/2026/261016.htm> (дата обращения: 22.04.2026)

© У.В. Румянцева, Д.А. Сорокова, А.В. Чернобровкина, 2026

*А.Л. Савченко,
студентка 2 курса
напр. «Филологические науки»,
науч. рук.: В.В. Герсонская,
старший преподаватель
кафедры Иностранных языков,
Казахстанско-Американский
Свободный Университет,
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ КАТЕГОРИИ «LIFESTYLES»

Аннотация: данная статья посвящена анализу неологизмов категории «Lifestyles», представленных на сайте Wordspy.com. В рамках исследования была рассмотрена выборка из 179 лексических единиц и выявлены их словообразовательные, семантические и коннотативные особенности. Проведённый анализ показал доминирование существительных и высокую продуктивность словосложения как способа образования неологизмов. Также выявлено, что данные лексические единицы отражают актуальные социальные, культурные и технологические изменения современного общества. Полученные результаты подтверждают значимость неологизмов как средств отображения современных реалий и ценностных установок языкового сообщества.

Ключевые слова: неологическая лексика, словообразование, семантика, коннотация, социокультурные факторы.

Современный английский язык отличается высокой лексической подвижностью, данная языковая особенность приобрела особую актуальность в текущую эпоху инноваций, которая обусловлена появлением большого количества неологической лексики. Как отмечает в своей работе И.В. Арнольд, слова или фразеологические обороты, входящие в язык в связи с ростом культуры и техники, развитием или изменениями в общественных отношениях и изменениями в быту и условиях жизни людей и ощущаемые говорящими как новые, называются неологизмами (neologism от греческого neos новый и logos слово, речь) [1, с. 321]. С одной стороны, данные языковые явления обогащают язык, отражая социальные и технологические изменения в обществе, но с другой стороны, многие из них могут быть временным явлением, сформированные под влиянием стремительной меняющихся модных тенденций. Особенность изучения неологизмов требует обращения к источникам, способным оперативно фиксировать их появление и функционирование в реальном времени. К числу таких источников относится онлайн ресурс Wordspy.com – один из самых крупных сайтов, отслеживающих появление новой лексики в английском языке. Данная платформа была

основана в 1996 году американским писателем и автором технической литературы Полом Макфедрисем. На сайте представлена широкая коллекция неологизмов, их определения, этимология, первые упоминания слов в периодических изданиях и медиа пространстве, включая англоязычные издательства США, Великобритании, Канады и Австралии.

Наше исследование представляет выводы о структурных, словообразовательных, семантических и коннотативных особенностях неологизмов категории «Lifestyles», представленных на сайте Wordspy.com. В работе приводятся результаты количественного и качественного анализа данных лексических единиц, включающие их распределение по частям речи, способам словообразования, временным периодам появления, коннотативным характеристикам и семантическим группам. Анализ основан на полной выборке из 179 лексических единиц.

Системное изучение неологизмов требует их типологической классификации. Согласно исследованию И.А. Воробьевой, в современной лингвистике наиболее распространённые и общепринятые классификации неологизмов рассматривают способ их появления (лексические, семантические и фразеологические), продолжительность существования, степень новизны, отношение к языку/речи, а также способ словообразования [2, с. 160]. Данная типология обеспечивает теоретическую основу для последующего анализа исследуемого материала.

Опираясь на результаты работы И.В. Арнольд, можно выделить еще один аспект классификации неологизмов. По словам исследователя, неологизмами могут быть также и старые по звуковому облику слова, получившие новое значение [1, с. 324]. Данное пояснение позволяет лингвистам разделить неологизмы на неоминации существующих понятий и концептуально новые явления. Наряду с перечисленными критериями, в современной лингвистике рассматривается также коннотативный аспект классификации неологизмов. Как отмечают Кислицына Н.Н. и Гуляева В.Ю. в своей работе «Типология коннотативной лексики», понятие коннотации связано с языковым сознанием носителей языков, их «языковой реакцией» на окружающий мир, других людей и события. Коннотативный компонент значения отражает эмоционально-оценочное и стилистическое отношение говорящего к обозначаемому явлению и выступает дополнительным смысловым слоем по отношению к денотативному значению слова [4, с. 136-137]. Таким образом, учет коннотативных характеристик позволяет рассматривать неологизмы не только как средства номинации новых реалий, но и как отражение культурных и социальных установок языкового сообщества.

Сайт Wordspy.com к категории «Lifestyles» относит 179 лексических единиц. Проведенный анализ показывает бесспорное доминирование существительных, которые составляют 168 единиц, или 93,85% от общего количества слов в категории, равного 179 единиц. Прилагательные представлены значительно меньшим количеством, равным 7 единицам (3,91%). В свою очередь, в рассматриваемой категории представлено всего четыре глагола (2,23%). Данное распределение представляется закономерным,

поскольку существительные в наибольшей степени реализуют номинативную функцию языка и используются для обозначения новых явлений общественной жизни, процессов и форм поведения.

Следующим важным аспектом анализа является способ словообразования исследуемых неологизмов. В целом, основными продуктивными способами словообразования в английском языке являются аффиксация, конверсия, словосложение, сокращение, обратное словообразование, смешивание (*blending*) и аббревиация. Согласно И.В. Арнольд, сложные слова и близкие к ним устойчивые словосочетания составляют более половины всех неологизмов в современном английском языке [1, с. 326]. Данное утверждение подтверждается и результатами нашего исследования. Наиболее многочисленной группой оказались слова, образованные путем словосложения: их количество составило 99 единиц (55,3%) от общего числа исследуемых лексем. К данной группе относятся, например, *badge-item*, *daughter-track*, *gift-creep*, *golden-ghetto*. Второй по численности является группа неологизмов, образованных путем аффиксации. В нее входит 36 слов, что составляет 20,1% исследуемого материала. В качестве примеров можно привести такие слова, как *binner*, *hipsterfication*, *hiving* и *microlife*. Далее следует группа слов, образованных способом смешивания (*blending*). Она включает 35 единиц, что соответствует 19,6% от общего количества анализируемых слов. К данной группе относятся, например, *influenza*, *chronotype* и *hectivity*. Кроме того, была выявлена группа слов, образованных посредством аббревиации. Она включает 7 единиц (3,9%), среди которых можно отметить *CHAOS*, *NOMO* и *VB6*. Наименее распространёнными способами словообразования оказались сокращение и редупликация, представленные лишь одной лексической единицей каждый, что составляет по 0,6% от общего количества материала. Примером редупликации является слово *bling-bling*, тогда как сокращение представлено словом *vape*, образованным от глагола *vaporize*.

Следующим этапом исследования является анализ временной периодизации появления рассматриваемых неологизмов. В рамках данной работы все исследуемые слова были распределены на три временных периода: с 1996 по 1999 гг., с 2000 по 2010 гг. и с 2011 по 2018 гг. Наиболее масштабной оказалась группа слов, появившихся в период с 2000 по 2010 гг., которая составила 124 единицы (69,3%) от общего количества анализируемых лексем. Данный факт можно объяснить рядом значимых социальных и культурных процессов, происходивших в этот период. В первую очередь следует отметить цифровую революцию и стремительное развитие интернет-технологий, что способствовало появлению таких слов, как *social-swarming*, *lifestreaming*, *fakester*, *peep-culture*, *mouse-race*, *interrupt-driven*, *videophilia*. Кроме того, заметное влияние на формирование неологической лексики оказал мировой финансовый кризис 2008 года, который отразился в таких словах, как *peak-debt*, *funemployment*, *protirement*, *homedulgence*. Также определённый отпечаток на языковую картину мира оставили события, связанные с террористическими атаками 11 сентября 2001 года, что нашло отражение в появлении таких лексем, как *privatopia*, *chaos*, *caving*, *bowling-alone*. Второй по численности группой

стали неологизмы, возникшие в период с 2011 по 2018 гг. – 44 единицы (24,6%). Существенное влияние на их формирование оказало активное развитие социальных сетей и цифровых коммуникаций, что подтверждается такими словами, как *overconnectedness*, *facebook-facelift*, *hyperdating*. Наименьшую группу составили слова, появившиеся в конце 1990-х годов (1996–1999 гг.), – 11 единиц (6,1%). Несмотря на относительно небольшое количество, данные неологизмы отражают ранний этап формирования современных социальных и культурных тенденций, которые в дальнейшем получили более широкое развитие.

Не менее важным аспектом исследования является анализ коннотативной характеристики неологизмов, позволяющий выявить оценочное отношение носителей языка к обозначаемым явлениям. В рамках данного анализа все исследуемые лексические единицы были распределены на несколько групп в зависимости от их оценочной окраски: слова с положительной, отрицательной, нейтральной и смешанной коннотацией. В результате анализа было установлено, что в категории «*Lifestyles*» преобладают слова с нейтральной коннотацией, составившие 70 единиц (39,01%) от общего количества исследуемых лексем. За ними следуют слова с отрицательной коннотацией – 59 единиц (33%). Значительно меньшую группу составляют слова с положительной коннотацией – 19 единиц (10,6%). Кроме того, была выделена группа слов со смешанной коннотацией, включающая 31 единицу, что составляет 17,3% исследуемого материала.

Далее представлена семантическая классификация рассматриваемых неологизмов. Анализ смыслового содержания лексических единиц позволяет выявить основные тематические направления, в рамках которых формируется неологическая лексика категории «*Lifestyles*». Для более системного представления материала все исследуемые слова были распределены по нескольким семантическим группам, отражающим ключевые сферы современной общественной жизни.

В первую группу, культуру материального потребления, вошли 16 слов (8,9%), например: *billionaire-bait*, *snob-effect*, *inconspicuous-consumption* и *vanity capital*. Вторая группа, состоящая из 8 слов (4,5%), объединяет неологизмы, связанные со сферой пластической хирургии: *mommy makeover*, *botox-party*, *surgiholic* и *umbilicoplasty*. Отдельную семантическую группу составляют 13 слов (7,3%), относящихся к социальным сетям и интернет-коммуникации: *junk-sleep*, *overconnectedness*, *lifestreaming*, *laptop-zombie*. К группе, отражающей социальные роли, межличностные отношения и семейные модели, были отнесены 24 единицы (13,4%), например: *push-present*, *throuple*, *downager*, *otherhood* и *failson*. Следующая группа объединяет 28 неологизмов (15,6%), характеризующих повседневные практики и современные жизненные тенденции, среди которых *approximeeting*, *couch-hopping*, *fly-in-community* и *just-in-time-lifestyle*. В категорию, связанную со сферой трудовой деятельности, входят 18 слов (10,1%), например *lifestyle-office*, *sweatworking*, *upshifter* и *work-life-overload*. Неологизмы, отражающие глобальные проблемы и социальные трансформации, также представлены 18 единицами (10,1%), включая *globesity*,

urban, news-fasting и super-gentrification. Отдельно выделена группа, связанная с веганством и диетическими практиками, в которую входят 12 слов (6,7%), такие как drunkorexia, vegangelica, slow-food и freegan. К семантической группе наименований людей были отнесены 17 единиц (9,5%), например: prepper, ruralpolitan, gater, nico-teen и fakester. Наконец, последняя группа объединяет неологизмы, обозначающие формы досуговой деятельности, которых насчитывается 10 (5,6%), в том числе porching, black-hole-resort, thrillax и weisure.

Проведённый анализ неологизмов категории «Lifestyles» на сайте Wordspy.com выявил значительное преобладание существительных, что подчёркивает их номинативную функцию для новых социальных явлений. Наблюдалась высокая продуктивность словосложения, а также аффиксации. Большинство неологизмов появились в начале XXI века, что связано с развитием цифровых технологий и глобальными процессами. Исследование коннотаций показало преобладание нейтральных и негативных оценок, отражающих критическое отношение общества к новым тенденциям. Семантическая классификация охватила сферы потребления, труда, социальных ролей и цифровых коммуникаций. В совокупности полученные результаты подтверждают тесную связь неологической лексики с социальными, культурными и технологическими трансформациями современного общества. Неологизмы данной категории выступают не только средством номинации новых реалий, но и отражением ценностных установок и изменений в образе жизни носителей английского языка.

Список использованных источников и литературы:

[1] Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. – 376 с.

[2] Воробьева И.А. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке // Языкознание. – 2019. – 9 с. – Электрон. текст. данные. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Ерастова Д.А. Неологизмы и способы их образования в английском языке // Лингвокультурология. – 2019. – №13. – С. 80-86.

[4] Кислицына Н.Н., Гуляева В.Ю. Типология коннотативной лексики // Cyberleninka. – 2008. – 9 с. – Электрон. текст. данные. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.03.2026).

[5] Шеремета Е.И. Сущность понятия «неологизм» и его интерпретация современными исследователями // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2024. – № 01 (105). – Электрон. текст. данные. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/sushhnost-ponyatiya-neologizm-i-ego-interpretatsiya-sovremennymi-issledovatelyami.html> (дата обращения: 12.03.2026).

[6] McFedries P. Wordspy.com: сайт о новых словах английского языка. – Электрон. текст. данные. – URL: <https://wordspy.com> (дата обращения: 12.03.2026).

Д.А. Сорокова,
студент 2 курса
напр. «Лингвистика»,
У.В. Румянцева,
студент 2 курса
напр. «Лингвистика»,
А.В. Чернобровкина,
студент 2 курса
напр. «Лингвистика»,
науч. рук.: И.Е. Брыксина,
к.п.н., доц.,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩЕМУ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА PERPLEXITY

Аннотация: данная статья посвящена обучению будущему времени в английском и французском языках с использованием инструмента искусственного интеллекта Perplexity. Выявлены ключевые расхождения в системах будущего времени двух языков. Продемонстрированы возможности Perplexity по анализу ошибок и генерации тренировочных заданий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, будущее время, английский язык, французский язык, межъязыковая интерференция, обучение грамматике.

Проблема категории будущего времени зачастую представляет сложность для изучающих английский и французский языки ввиду наличия существенных различий как на морфологическом, так и на семантико-прагматическом уровнях. Эта проблема становится особенно актуальной для тех, кто изучает французский после английского. Возникает межъязыковая интерференция, а именно перенос грамматических моделей из первого иностранного языка во второй, что приводит к устойчивым ошибкам в употреблении временных форм [1].

В контексте поиска эффективных решений обозначенной проблемы значительный потенциал демонстрирует использование инструментов искусственного интеллекта (ИИ). Они способны предоставлять персонализированную обратную связь, анализировать грамматические конструкции и генерировать тренировочные задания для отработки трудных тем.

Исследование грамматических структур будущего времени в английском и французском языках обнаруживает существенные расхождения [4].

Французский язык, синтетический по своей грамматической структуре, предполагает образование будущего времени, *Futur simple*, посредством прибавления особых окончаний к инфинитиву глагола (*je parlerai; tu parleras; il parlera*). В то время как английский язык, будучи аналитическим, выражает грамматические значения не флективно, а отдельными словами, например, в контексте будущего времени используются такие модальные глаголы как *will* и *shall*.

Другой важной чертой систем будущего времени рассматриваемых языков является разница в значении и употреблении. Как отмечают Д. Гиллеспи, С.С. Мурунов, И.Е. Брыксина и Е.В. Алексич, в английском языке *Future Simple* несет эпистемическую модальность, то есть выражает предположение, прогноз или спонтанное решение, тогда как французский *Futur simple* выполняет прежде всего функцию констатации факта в будущем [4]. Казалось бы, термины *Future Simple* в английском и *Futur simple* во французском языках называются сходно, однако на деле обслуживают разные коммуникативные задачи.

Используя *Future Simple*, говорящий лишь прогнозирует действие, решение о котором принимается спонтанно. Так, фраза *I will eat* означает «я, пожалуй, съем», тогда как французский аналог *Je mangerai* в *Futur simple* является констатацией факта, действием в будущем без оттенков неуверенности и сиюминутности.

Одной из частых причин возникновения трудностей у изучающих будущие времена в английском и французском языках являются особые семантические различия в конструкциях, лишь кажущихся взаимозаменяемыми. Согласно исследователям Д. Гиллеспи, С.С. Мурунову, И.Е. Брыксиной и Е.В. Алексич, в английском языке конструкция *to be going to* выражает предварительную запланированность действия, в то время как французский *Futur proche* (конструкция *aller + инфинитив*) маркирует прежде всего временную близость действия, а не наличие плана [4]. Французское *Je vais le faire* передает значение действия в ближайшее время, а именно «Я сейчас это сделаю» или «Я вот-вот это сделаю». Однако фраза *I am going to do it* в английском языке, на первый взгляд воспринимаемая как полный аналог, включает в себе значение предварительной запланированности действия без привязки к немедленному исполнению.

Необходимость преодоления лингвистических расхождений в употреблении будущего времени английского и французского языков в учебном процессе очевидна. Сегодня одним из многообещающих направлений в обучении языкам является использование технологий искусственного интеллекта. Инструменты ИИ выходят за рамки простого грамматического анализа, предлагая моделирование коммуникативных ситуаций, требующих выбора определенной временной формы [3].

Как отмечают Сысоев, Филатов и Сорокин, генеративные нейросети также позволяют персонализировать обучение, подстраивая сложность и порядок упражнений под конкретного обучающегося [2;3]. В рамках смешанной модели обучения, интегрирующей самостоятельную работу с

искусственным интеллектом и коллективное обсуждение полученных результатов, открываются дополнительные возможности для развития навыка спонтанного употребления будущего времени в устной речи и его автоматизированного контроля [3].

В рамках данной статьи для наглядной демонстрации описанных возможностей была выбрана нейросеть Perplexity. Выбор обусловлен следующими факторами: Perplexity на высоком уровне поддерживает работу с французским и английским языками, способна анализировать грамматическую правильность, семантическую и стилистическую уместность употребления временных форм, а также находится в бесплатном доступе на территории Российской Федерации.

Для иллюстрации возможностей инструмента ИИ Perplexity в обнаружении и исправлении неточностей в использовании будущего времени, мы провели анализ предложений, содержащих типичные для изучающих французский язык после английского ошибки. В таблице 1 представлены наиболее показательные примеры.

Таблица 1 – Анализ ошибок в употреблении будущего времени нейросетью Perplexity

Предложение с ошибкой	Правильный вариант, предложенный Perplexity	Объяснение ошибки
Demain, je vais partir à 8 heures du matin.	Demain, je partirai à 8 heures du matin.	Маркер demain указывает на отдалённое будущее, поэтому требуется Futur simple, а не Futur proche.
La semaine prochaine, nous allons visiter le Louvre.	La semaine prochaine, nous visiterons le Louvre.	Futur proche обычно используется для ближайшего будущего (действие вот-вот произойдёт). С маркером la semaine prochaine уместнее Futur simple.
Dans dix ans, je vais être médecin.	Dans dix ans, je serai médecin.	Конструкция dans dix ans обозначает отдалённую временную перспективу, что требует употребления Futur simple.
Il va faire beau demain selon la météo.	Il fera beau demain selon la météo.	В прогнозах погоды и официальных предсказаниях используется Futur simple, а не Futur proche.

<p>Quand j'aurai 30 ans, je vais acheter une maison.</p>	<p>Quand j'aurai 30 ans, j'achèterai une maison.</p>	<p>В придаточных предложениях времени с quand (когда) в основной части обычно употребляется futur simple для обозначения действия в отдалённом будущем.</p>
--	--	---

Для целенаправленной отработки навыка употребления будущего времени нейросеть, опираясь на выявленные ошибки, способна генерировать разнообразные типы заданий. К ним относятся объяснение правил, письменные тренировочные упражнения, тестовые задания для контроля, а также упражнения для устной отработки с голосовым вводом [3].

Выбранный для исследования инструмент ИИ Perplexity реализует перечисленные функции следующим образом. Система способна предоставить письменное пояснение с примерами, иллюстрирующее разницу между Futur simple и Futur proche. Для письменной тренировки предлагаются упражнения на заполнение пропусков, например, «Demain, je (finir) ___ mon travail» или трансформацию предложений. Проверка знаний осуществляется через тестовые задания с вариантами ответов, а именно «La semaine prochaine, nous (allons visiter / visiterons) le musée». Кроме того, нейросеть Perplexity, поддерживая голосовой ввод, позволяет тренировать устное использование будущего времени: студент произносит фразу, а технологии ИИ анализируют правильность выбора формы.

Сопоставление систем будущего времени английского и французского языков выявило значительные морфологические и семантико-прагматические расхождения, что объективно усложняет изучение французского языка после английского. Благодаря широкому спектру действенных и эффективных инструментов нейросеть Perplexity представляет собой ценный ресурс для разрешения противоречий, возникающих в процессе обучения. Дальнейшее внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс обучения грамматике видится перспективным направлением развития лингводидактики.

Список использованных источников и литературы:

[1] Брыксина И.Е., Лопоухов Д.П. Преодоление лексической интерференции при обучении будущих лингвистов французскому языку после английского // Личностное и профессиональное развитие будущих специалистов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 280-286.

[2] Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. №10. С. 9-33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.

[3] Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей

школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. №10. С. 9-33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.

[4] Гиллеспи Д.Ч., Мурунов С.С., Брыксина И.Е., Алексич Е.В. Анализ семантических характеристик грамматических временных форм английского и французского языков в пространстве будущего времени // Язык и культура. 2020. №51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-semanticheskikh-harakteristik-grammaticheskikh-vremennyh-form-angliyskogo-i-frantsuzskogo-yazykov-v-prostranstve-budushego> (дата обращения: 17.04.2026).

© Д.А. Сорокова, У.В. Румянцева, А.В. Чернобровкина, 2026

*Хань Бинцянь,
магистрант 3 курса,
напр. «Русский язык»,
науч. рук.: Чжун Сяовэнь,
канд. фил. н., профессор,
Тяньцзиньский университет иностранных языков,
г. Шанхай, Китайская Народная Республика*

МОСТ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ВКЛАД ГАЛИНЫ ВЕНИАМИНОВНЫ КУЛИКОВОЙ В СИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: данная статья посвящена исследованию научной деятельности Галины Вениаминовны Куликовой – одного из наиболее влиятельных российских синологов современности. В работе рассматриваются её академическая карьера и ключевые труды, анализируется их воздействие на российско-китайские отношения, а также оценивается вклад учёного в развитие двустороннего сотрудничества в новую эпоху. Исследование Куликовой позволяет глубже понять культурный обмен и дипломатическое взаимодействие двух стран и может служить ориентиром для дальнейшего развития российско-китайских отношений.

Ключевые слова: Галина Куликова; российская синология; российско-китайские отношения; синологические исследования.

Российско-китайские отношения прошли многовековой путь, сформировав нынешнее стратегическое партнёрство. Важнейшую роль в этом сыграли академические и культурные обмены, прежде всего в сфере синологии. Эта дисциплина, изучающая культуру, историю, язык и общество Китая, помогала российским учёным глубже понять Китай и способствовала дипломатическому сближению двух стран. Синология неизменно выполняла функцию культурного моста, создавая теоретическую базу для взаимодействия в культурной, исторической, политической и социальной сферах. С ростом глобального влияния Китая значимость синологии возрасла, она стала академической опорой для выработки стратегий двустороннего сотрудничества. В этом контексте такие учёные, как Галина Куликова, сыграли исключительно важную роль – как в академическом изучении отношений, так и в формировании реальной дипломатической политики.

Галина Куликова – один из ведущих российских синологов. Её вклад охватывает изучение российско-китайских отношений, культуры, истории и политики Китая. Работы учёной стали важной опорой для культурного взаимопонимания, дипломатического сотрудничества и стратегического партнёрства двух стран. Она не только разрабатывала теоретические вопросы, но и активно участвовала в научной жизни, публиковала труды, способствуя

культурному взаимодействию. Результаты её исследований находили прямое применение во внешней политике и культурном сотрудничестве России и Китая, помогая преодолевать исторические барьеры и выстраивать более тесные связи. В данной статье рассматриваются академическая карьера Галины Куликовой, её вклад и влияние в синологии. На основе анализа её ключевых работ исследуется роль её исследований как моста в российско-китайском культурном обмене и двусторонних отношениях. Также оценивается значение её деятельности для отношений в новую эпоху – в частности, то, как в условиях глобализации обе страны используют культурное и академическое сотрудничество для дальнейшего развития взаимодействия.

1. Обзор академической карьеры Галины Куликовой.

Галина Куликова родилась в советский период в интеллигентной семье с богатыми культурными традициями, что дало ей широкие ресурсы для развития академических интересов. С юных лет увлечшись китайской культурой, она выбрала синологию своей специализацией в университете и сосредоточилась на изучении древней истории и культуры Китая, опубликовав ряд значимых трудов.

Однако её академический путь не ограничился древностью. На фоне трансформации советско-китайских отношений в XX веке – особенно после раскола и дипломатического тупика в годы холодной войны – Куликова осознала важность исследований современного Китая и российско-китайских отношений. Она скорректировала направление работы, активно занявшись изучением китайских реформ и открытости, а также анализом двусторонней дипломатии. Это позволило ей стать признанным авторитетом в области современных российско-китайских отношений. Её труды предложили новые перспективы, а через международные обмены распространили результаты исследований. Её достижения дали российской науке теоретическую базу для понимания современного Китая и помогли китайским учёным лучше понять российскую историю и культуру.

Вместе с тем исследования Куликовой охватывали несколько научных дисциплин, и этот междисциплинарный подход придавал её работам высокую синтетичность и глубину. Изучая китайскую древнюю историю, она скрупулёзно исследовала культурные традиции, религиозные верования и философские системы Китая, стремясь интерпретировать китайские исторические события и явления в более широкой культурной перспективе. Такой мультидисциплинарный метод не только обогатил её научные результаты, но и предложил академическому сообществу новые исследовательские подходы, расширив предметное поле синологии и углубив её содержание, придав ей подлинно глобальное измерение.

В целом академическая карьера Галины Вениаминовны Куликовой представляет собой блистательный путь. Неустанным трудом и глубокими знаниями она завоевала высокий авторитет в синологическом сообществе и внесла выдающийся вклад в культурное взаимопонимание и сотрудничество России и Китая. Её научные достижения не только оказали влияние на развитие российско-китайских отношений, но и заложили прочный фундамент для

синологических исследований будущих поколений.

2. Ключевые труды Галины Вениаминовны Куликовой.

2.1 «Современная китайская политика и Российско-Китайские отношения».

Данная книга отражает глубокое понимание Куликовой современной политической системы Китая и её влияния на российско-китайские отношения. Автор анализирует политическую эволюцию Китая с конца XX по начало XXI века: реформы и открытость, экономический подъём и трансформацию внешней политики в условиях глобализации.[1] Особое внимание уделяется тому, как политическая система Китая влияет на дипломатию с Россией, и раскрывается процесс возобновления стратегического сотрудничества двух стран после холодной войны.

Опираясь на обширный кейс-анализ и статистику, книга показывает взаимозависимость России и Китая на международной арене. Куликова рассматривает динамику отношений не только через призму внутренней политики Китая, но и с учётом российского внешнеполитического курса, предлагая прогнозы дальнейшего сотрудничества. По её мнению, российско-китайские отношения основаны не только на геополитике, но и на взаимном влиянии политических систем и углублении экономического сотрудничества, что формирует долгосрочные стратегические связи. Книга служит важной теоретической и эмпирической базой для академического изучения двусторонних отношений.

2.2 «Россия – Китай: народная дипломатия».

Ещё один значимый труд Куликовой – «Россия – Китай: народная дипломатия» – посвящён взаимодействию двух стран за рамками официальной дипломатии. В книге прослеживается история обществ дружбы как важнейших каналов народной дипломатии, их вклад в восстановление и развитие российско-китайских отношений, а также роль в укреплении основ стратегического партнёрства и передаче дружбы из поколения в поколение. Книга включает более 350 редких фотографий из личного архива автора и является важным источником для изучения народной дипломатии. В ней показано, как даже в периоды политической напряжённости народный обмен поддерживал каналы коммуникации и основы сотрудничества. Куликова прослеживает, как с советских времён по сей день Россия и Китай через общественные организации, культурный и образовательный обмен укрепляли взаимопонимание и дружбу между народами[6].

Куликова подчёркивает значение народного сотрудничества в культурной, образовательной и научной областях, рассматривая народную дипломатию не просто как продолжение официальной, а как прочную основу двусторонних отношений. Она анализирует, как после распада СССР народная дипломатия сыграла активную роль в нормализации и углублении российско-китайских отношений. В книге приведены конкретные примеры – молодёжные обмены, культурные фестивали, научные симпозиумы, – подтверждающие её долгосрочную ценность. Этот труд предлагает исследователям оригинальную перспективу: межгосударственные отношения определяются не только

дипломатией правительств, но в ещё большей мере – живым взаимодействием народов. Книга имеет важное справочное значение для понимания народного измерения современных российско-китайских отношений[2].

В целом ключевые работы Куликовой оказали глубокое воздействие на академическое сообщество. Благодаря основательному историческому анализу и реалистичным оценкам они помогают лучше осмыслить сложность и движущие силы двусторонних отношений, служат теоретической и эмпирической опорой для взаимодействия России и Китая и указывают вектор дальнейшего развития.

3. Влияние исследований Галины Вениаминовны Куликовой на Российско-Китайские отношения.

Исследования Куликовой не только обогатили академическое понимание Китая, но и сыграли важную роль в реальном развитии российско-китайских отношений. Через публикации, конференции и работу советником правительства она применяла свои результаты в дипломатической практике. Особенно в период реформирования отношений после холодной войны её работы стали важным ориентиром для российской политики в отношении Китая.

Куликова акцентировала взаимодополняемость двух стран в культурной, экономической и политической сферах и призывала к усилению сотрудничества перед лицом глобализационных вызовов. Под её влиянием российская академическая среда и политические круги постепенно трансформировали восприятие Китая: на смену холодной враждебности пришёл прагматичный настрой на взаимодействие. Это изменение отразилось в более тесном экономическом сотрудничестве и политическом доверии между странами. Куликова не просто лидер российской синологии. Её исследования служат ценной теоретической опорой для российско-китайского культурного обмена и академического взаимодействия[4]. Благодаря глубокому пониманию китайской культуры, истории и политики она открыла новые исследовательские горизонты для российской академической среды, содействуя культурному взаимодоверию и сотрудничеству двух стран.

Научные достижения Куликовой помогли российскому правительству лучше понять Китай и стимулировали обмен между народными и академическими кругами России и Китая. Её вклад в сравнительные исследования двух культур получил высокую оценку с обеих сторон. Под её воздействием взгляды российской академической среды и политиков на Китай изменились: прежняя враждебность уступила место более прагматичному и конструктивному отношению.

4. Заключение.

Галина Вениаминовна Куликова – выдающийся российский синолог, внёсший значительный вклад в российско-китайский культурный обмен. Ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН и первый вице-президент Общества российско-китайской дружбы, она посвятила жизнь народной дипломатии. Её книга «Россия – Китай: народная дипломатия» стала важным исследованием культурного взаимодействия двух народов.

Председатель Си Цзиньпин лично назвал её «старым другом» Китая. Куликова удостоена высоких наград обеих стран: в 2019 году она получила китайский «Орден Дружбы» – став вторым гражданином России после Президента Путина, удостоенным этой награды, – а на родине ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации»[5].

Таким образом, Галина Вениаминовна Куликова – благодаря своим выдающимся научным достижениям, глубокому культурному видению и тонкому пониманию российско-китайских отношений – стала культурным мостом, связывающим Россию и Китай. Её исследования помогли российской академической среде глубже понять Китай, одновременно способствуя более высокой оценке и уважению к российской культуре со стороны Китая. Вклад Куликовой будет продолжать играть важную роль в дальнейшем развитии российско-китайских отношений, закладывая прочный фундамент для долгосрочной дружбы между народами двух стран [3].

Список использованных источников и литературы:

[1] Галина Куликова: «Семидесятилетие российско-китайских дипломатических отношений прошли через всю мою жизнь». Жэньминь жибао (4 июня 2019). Дата обращения: 2 июля 2021.

[2] Галина Куликова. Со школьных до преклонных лет. Вся жизнь связана с Китаем и его народом. Российская газета (30 мая 2019). Дата обращения: 2 июля 2021.

[3] Ван Жуй. Галина Куликова – второй после Путина российский кавалер ордена Дружбы КНР. Известия (19 декабря 2019). Дата обращения: 2 июля 2021.

[4] 许雁.俄罗斯汉学家列·谢·贝列罗莫夫的中国观[J].俄罗斯文艺, 2023, (04):150-158.DOI:10.16238/j.cnki.rla.2023.04.013.

[5] 李佳.当代俄罗斯汉学的基本特征阐释[J].边疆经济与文化, 2024, №247(07):129-135.

[6] 杨丽萍.俄罗斯汉学家诺维科夫的生平及其贡献[J].欧亚人文研究(中俄文), 2022, (04):69-75+89+92.

© Хань Бинцянь, 2026

*А.В. Чернобровкина,
студент 2 курса,*

напр. «Лингвистика»,

У.В. Румянцева,

студент 2 курса,

напр. «Лингвистика»,

Д.А. Сорокова,

студент 2 курса,

напр. «Лингвистика»,

науч. рук.: И.Е. Брыксина,

к.п.н., доц.,

ТГУ им. Г.Р. Державина,

г. Тамбов, Российская Федерация

ГЕНЕРАЦИЯ СЦЕНАРИЕВ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СДЕРЖАННОСТИ И ОТКРЫТОСТИ В CHATGPT ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: данная статья посвящена анализу возможностей использования генеративных нейросетевых моделей (на примере ChatGPT) в качестве вспомогательного инструмента для реализации существующих методов обучения межкультурной коммуникации

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, обучение, методы обучения, ChatGPT, эмоциональная сдержанность, эмоциональная открытость, высококонтекстные и низкоконтекстные культуры, искусственный интеллект в образовании.

Введение и проблема исследования.

Обучение межкультурной коммуникации (МКК) в российской высшей школе традиционно опирается на три группы методов: интерактивные (ролевые игры), аналитические (кейс-стади, дискурс-анализ) и рефлексивные (межкультурный тренинг) [1; 2].

Однако существует острая проблема, которую отмечают многие исследователи. Как указывает И.Е. Брыксина, ключевая проблема современной дидактики МКК – методологический разрыв между декларативным знанием о культурных различиях и процедуральным умением применять это знание в реальном общении [3]. Студент может успешно ответить на экзамене, что в Японии не принято выражать эмоции открыто, а в Италии, напротив, приветствуется экспрессия. Но в смоделированной ролевой игре или реальном диалоге он либо забывает об этом знании, либо гипертрофирует его до карикатуры, либо, что случается чаще всего, интерпретирует чужую сдержанность как равнодушие, а чужую открытость – как агрессию.

Е.М. Филатов объясняет эту проблему тем, что традиционные методы

обучения МКК не обеспечивают контролируемой тренировки культурно-специфических речевых паттернов в безопасной среде с обратной связью [4]. Студент не имеет возможности проиграть одну и ту же ситуацию десятки раз с разными параметрами эмоциональной экспрессии и сразу увидеть, как меняется восприятие его реплик.

А.В. КОРТУНОВА добавляет к этому ещё одну проблему: существующие учебные пособия и кейсы содержат ограниченное количество примеров и сценариев, что не позволяет студенту увидеть вариативность культурных норм внутри одной культуры или градиенты экспрессии между культурами [5]. В учебнике может быть один пример японской вежливости и один пример итальянской эмоциональности, но студент не видит, что между ними существует множество оттенков, и что в реальной жизни японец может быть раздражён, а итальянец – сдержан в зависимости от контекста.

Таким образом, проблема обучения МКК заключается в неспособности традиционных методов в их текущем виде обеспечить три вещи: достаточную тренировочную дозу (множество вариаций одной ситуации), безопасную среду для ошибки (без риска обидеть реального собеседника) и градиентность (видение спектра, а не двух полюсов). Именно здесь возникает потребность во вспомогательном инструменте.

П.В. СЫСОЕВ и Е.М. ФИЛАТОВ предлагают использовать технологии искусственного интеллекта не как замену существующим методам, а как инструмент, позволяющий масштабировать и параметризовать межкультурные сценарии [2]. ChatGPT, в частности, способен генерировать неограниченное количество диалогов с заданными параметрами эмоциональной экспрессии, что делает его идеальным генератором учебного материала для методов кейс-стади, ролевых игр и дискурс-анализа [6]. В данной статье мы рассмотрим, как ChatGPT может быть интегрирован в четыре ключевых метода обучения МКК, и проанализируем, какие дидактические задачи решает генерация контрастных сценариев эмоциональной сдержанности и открытости.

Теоретическая рамка.

Вслед за Э. Холлом, в современной МКК принято различать высококонтекстные культуры (Япония, Китай и др.), где информация передаётся через импликатуры, и низкоконтекстные (США, Израиль и др.), где сообщение эксплицитно [7]. Ключевой параметр – эмоциональная экспрессия. Как показывает А.В. КОРТУНОВА, в российской методике эмоциональная сдержанность часто трактуется студентами как отсутствие эмоции, а не как иной способ её кодирования [5]. Необходимо, чтобы студент распознавал маркеры сдержанности и открытости, интерпретировал их согласно культурной норме и продуцировал адаптированные высказывания. Традиционные методы реализуют эти задачи фрагментарно, ChatGPT может обеспечить системное решение.

Метод кейс-стади и ChatGPT.

Метод кейс-стади ограничен статичностью и единичностью примеров. Как отмечает И.Е. БРЯКСИНА, кейсы в пособиях часто описывают экстремальные ситуации, тогда как нужна тренировка на рутинных диалогах

[3]. ChatGPT усиливает метод за счёт генерации контрастных пар кейсов. Например, для ситуации «начальник критикует подчинённого» можно получить израильский вариант: «Слушай, Даня, это отчёт? Ты серьёзно? Здесь три ошибки! Давай переделывай» – и японский: «Сато-сан, спасибо... (пауза). Возможно, я неправильно понимаю... Не могли бы вы посмотреть? Если я ошибаюсь, извините». Студенты выделяют маркеры, определяют культуру и формулируют советы по адаптации. Как подчёркивает П.В. Сысоев, генерация контрастных пар реализует принцип бинарной оппозиции в обучении [6].

Метод ролевых игр и ChatGPT.

Традиционная ролевая игра требует подготовленных участников и не даёт эталона для сравнения. И.Е. Брыксина указывает, что в группе часто не хватает «носителей» других культур [3]. ChatGPT выступает как собеседник-носитель культуры и генератор сценариев. Методическая последовательность: ChatGPT генерирует образцовый диалог между носителями двух культур, студенты анализируют маркеры; затем ChatGPT генерирует сценарий для пары студентов; после разыгрывания ChatGPT генерирует эталон для сравнения. Е.М. Филатов отмечает, что эталонная генерация снижает тревожность и повышает мотивацию [4].

Метод дискурс-анализа и ChatGPT.

Дискурс-анализ ограничен трудоёмкостью сбора и разметки материалов. А.В. КОРТУНОВА отмечает, что в аутентичных текстах трудно найти «чистые» примеры культурных паттернов [5]. ChatGPT генерирует размеченные диалоги. Например, бразильский вариант опоздания: «Потан! Ну наконец-то! Я думал, ты попал под автобус. Обниму! В следующий раз предупреждай!» – с маркерами открытости. Финский вариант: «Привет... (молчание). Я ждал с трёх. Сейчас 3:20. (пауза). Давай заказывать» – с маркерами сдержанности. Студенты сопоставляют диалоги и обсуждают, почему финн «не рассердился» – это ошибка интерпретации. КОРТУНОВА подчёркивает, что ИИ-диалоги позволяют создать банк размеченных материалов [5].

Межкультурный тренинг и ChatGPT.

Тренинг развивает адаптивность – способность переключать поведение в зависимости от контекста [2]. Традиционные упражнения ограничены двумя полюсами. А.В. КОРТУНОВА отмечает, что основную трудность составляют градиенты между полюсами [5]. ChatGPT генерирует спектр от гипероткрытости до гиперсдержанности. Например, для просьбы о тишине: «Заткнись!» → «Выключи музыку» → «Не могли бы вы потише?» → «Здесь спят дети...» → «(длительная пауза). Извините...». Студенты располагают реплики на шкале и определяют культурную уместность. П.В. Сысоев подчёркивает, что градиентность формирует континуальное восприятие экспрессии [6].

Ограничения и условия эффективности.

ChatGPT имеет ограничения: воспроизводит стереотипы, не отражая внутрикультурной вариативности; не симулирует просодику (паузы, интонацию); выравнен на американскую вежливость [6]. Как отмечает И.Е. Брыксина, необходима методическая компетентность преподавателя – без неё

ChatGPT становится источником стереотипов [3]. Условия эффективности: ChatGPT используется вместе с традиционными методами; генерации проходят экспертизу преподавателя; результаты обсуждаются в группе; акцент на сравнении, а не на запоминании.

Вывод.

ChatGPT не заменяет методы обучения МКК, но усиливает их дидактический потенциал, решая три ключевые проблемы традиционного обучения: недостаток тренировочной дозы (генерация множества вариаций), отсутствие безопасной среды для ошибки (ИИ не обижается) и бинарность восприятия (градиентная генерация). Генерация контрастных пар усиливает метод кейс-стади. Ролевая игра с ИИ-собеседником и эталонная генерация усиливают интерактивные методы. Градиентная генерация усиливает межкультурный тренинг. Однако эффективность зависит от методической компетентности преподавателя. ChatGPT – помощник, а не замена.

Список использованных источников и литературы:

[1] Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: 3-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 297 с.

[2] Сысоев П.В., Филатов Е.М. Технологии искусственного интеллекта в персонализации обучения иностранным языкам // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, №2. – С. 89-104.

[3] Брыксина И.Е. Методологический разрыв в обучении межкультурной коммуникации: причины и пути преодоления // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, №1. – С. 44-56.

[4] Филатов Е.М. Ролевые игры с использованием искусственного интеллекта в обучении межкультурной коммуникации // Иностранные языки в школе. – 2022. – №8. – С. 112-123.

[5] Кортунова А.В. Дискурс-анализ в обучении межкультурной коммуникации: традиционные и цифровые инструменты // Язык и культура. – 2022. – №59. – С. 132-146.

[6] Сысоев П.В. Генеративные нейросети в обучении иностранным языкам: дидактический потенциал и методика использования // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – Т. 27, №1. – С. 56-73.

[7] Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Anchor Press, 2019. – 316 с.

© А.В. Чернобровкина, У.В. Румянцева, Д.А. Сорокова, И.Е. Брыксина, 2026

УДК 4414

С.А. Велич,
студент 2 курса
напр. «Правоведение»,
А.И. Гоман,
студент 2 курса
напр. «Правоведение»,
науч. рук.: **Г.И. Зайчук,**
к.ю.н., доц.,
БрГУ им. А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты уголовной ответственности за экологические преступления в Республике Беларусь. Анализируются система составов преступлений против экологической безопасности, их характер и необходимость обращения к экологическому законодательству. На основе обзоров судебной практики Верховного Суда и научных исследований выявляются актуальные проблемы квалификации, разграничения с административными правонарушениями, определения момента окончания преступлений.

Ключевые слова: экологические преступления, наказание, закон, уголовная ответственность, природные ресурсы.

Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных конституционных прав граждан. В современных условиях антропогенного воздействия на природу особую актуальность приобретает уголовно-правовая охрана окружающей среды от наиболее опасных посягательств. Экологическая преступность представляет реальную угрозу национальной безопасности, поскольку затрагивает жизненно важные сферы существования человека и общества в целом [6]. В Республике Беларусь сформирована разветвленная система правового регулирования ответственности за экологические правонарушения, ядром которой выступает глава 26 Уголовного кодекса (далее – УК) «Преступления против экологической безопасности и природной среды». Однако, как отмечают исследователи, эффективность применения уголовно-правовых норм во многом зависит от их согласованности с экологическим законодательством, а также от единообразия судебной практики [4]. В статье 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №275-3 (далее – УК) к его

определяющим задачам отнесена охрана природной среды и дано легальное определение экологического и природоресурсного преступления. Согласно п. 1 Примечания к гл. 26 разд. 9 УК преступлениями против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности. С такой дефиницией согласится трудно, из-за того, что она противоречит Конституции и другим правовым актам. Согласно природоресурсным нормативным актам, Закону «Об охране окружающей среды» объектами правовой охраны выступают не только природные объекты и комплексы, но и окружающая среда в целом, а также жизнь, здоровье граждан, имущество физических, юридических лиц и имущество, находящееся в собственности государства, а также установленный порядок природопользования [2]. В соответствии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь высшей ценностью и целью общества и государства является человек, его права и свободы и гарантия их реализации.

С учетом изложенного экологическим и природоресурсным преступлением признается противоправное виновное посягающее на экологические права и интересы физических и юридических лиц состояние окружающей природной среды и установленный порядок природопользования деяние (действие либо бездействие), за которое установлена уголовная ответственность. Под экологической безопасностью понимается состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, к преступлениям против экологической безопасности, с учетом приоритетов ценностей, следует причислить общественно опасные деяния, представляющие угрозу для жизни, здоровья граждан, их индивидуальным и коллективным правам и интересам, а также окружающей среде. Преступлениями против природной среды оправданно считать те, которые причиняют либо могут причинить общественно опасный вред отдельным природным ресурсам: землям, недрам, водам, атмосфере, лесам, растительному и животному миру и природным комплексам – в составе заповедников, национальных парков, заказников, памятников природы и в виде зон экологических риска, кризиса, бедствия. Преступления против экологической безопасности от преступлений против природной среды должны отграничиваться предметами причинения вреда. Поэтому к преступлениям против экологической безопасности оправданно отнести деяния, в результате которых существенно нарушается либо уничтожается охраняемый природный объект, что влечет массовое уничтожение лесов, растительного и животного мира, либо причинение вреда или создает угрозу его причинения жизни и здоровью граждан, что влечет объявление определенной местности экологически неблагоприятной территорией [1].

Преступлениями против природной среды следует считать общественно

опасные деяния, нарушающие установленный порядок природопользования, создающие угрозу причинения, либо причиняющие вред отдельным компонентам природных объектов и комплексов, путем их нарушения или уничтожения, которое не вызывает крупномасштабных негативных экологических последствий и не связано с человеческими жертвами. К преступлениям против экологической безопасности относятся деяния, предусмотренные: Статьей 131. Экоцид под которым понимается умышленное массовое уничтожение растительного или животного мира, либо отравление атмосферы или водных ресурсов, либо совершение иных умышленных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Статьей 136. Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, в части нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта путем умышленного причинения обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде. Деяния, указанные в главе 26, относящиеся к экологической безопасности; К лицам, совершившим экологические преступления, могут применяться следующие виды уголовных наказаний (ст. 48 УК): в качестве основных – общественные работы; штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; ограничения по военной службе; арест; ограничение свободы; направление в дисциплинарную воинскую часть; лишение свободы; пожизненное заключение; смертная казнь. В виде дополнительных – лишение воинского или специального звания, конфискация имущества. Общественные работы; штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью могут применяться как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания [7].

По утверждению профессора С.А. Балашенко, общее правило разграничения и применения административной и уголовной ответственности заключается в том, что административная ответственность применяется только за административные правонарушения, предусмотренные особенной частью Кодекса об административных правонарушениях, если они по своему характеру не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности. Как отмечается в юридической литературе: «К признакам административного правонарушения необходимо относить противоправность, общественную вредность, виновность и наказуемость деяния. Содержание указанных признаков практически не отличается от признаков преступления, за исключением, пожалуй, такого признака, как общественная вредность (для преступления – общественная опасность), так как административное правонарушение отличается от преступления в первую очередь характером и размером вреда, который причиняется охраняемым правом общественным отношениям [3].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, система экологических преступлений, закрепленная в главе 26 УК, охватывает наиболее опасные посягательства на окружающую среду и ее компоненты. Криминологические особенности этих деяний требуют

постоянного совершенствования мер противодействия. Во-вторых, бланкетный характер норм об экологических преступлениях обуславливает необходимость точного установления нарушенных требований экологического законодательства. Судебная практика ориентирует на обязательное указание в процессуальных документах конкретных нормативных актов, что способствует обоснованности квалификации. В-третьих, наличие административной преюдиции в ряде составов требует от правоприменителя тщательной проверки фактов предшествующих взысканий и умышленного характера деяния. Ошибки в определении момента окончания преступления, как свидетельствует практика, могут приводить к неверной квалификации [5]. Дальнейшее совершенствование уголовной ответственности за экологические преступления должно идти по пути гармонизации уголовного и экологического законодательства, унификации терминологии и развития поощрительных мер, стимулирующих виновных лиц к добровольному возмещению причиненного природе вреда.

Список использованных источников и литературы:

[1] О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды (по материалам обзоров судебной практики) : обзор судебной практики Верховного Суда Респ. Беларусь // Эталон-online [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=s004c0001>. – Дата доступа: 04.03.2026.

[2] Шаблинская Д.В. Обеспечение экологической безопасности уголовно-правовыми средствами в современных условиях / Д.В. Шаблинская // Наука. Предпринимательство. Инновации : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. форума, 18 апр. 2025 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; под общ. ред. Т.С. Тарановой. – Минск : БГЭУ, 2025. – С. 182-186.

[3] Об изменении постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 27 июня 2024 г., №4 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=S22400004>. – Дата доступа: 04.03.2026.

[4] Ермолинский П.М. Объект преступления при загрязнении окружающей среды по законодательству Республики Беларусь / П.М. Ермолинский // Экологический вестник. – 2014. – №3. – С. 78-82.

[5] Станкевич О.Г. Криминологические особенности экологической преступности / О.Г. Станкевич, И.В. Вегера, Т.И. Ремнева // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2021. – №4. – С. 130-135.

[6] Экопреступление на 76 тысяч: житель Заозерья загрязнил лес и попал под уголовку [Электронный ресурс] // Минская правда. – 16.10.2025. – Режим доступа: <https://mlyn.by/16102025/ekoprestuplenie-na-76-tysyach-zhitel-zaozerya-zagryaznil-les-i-popal-pod-ugolovku/>. – Дата доступа: 04.03.2026.

[7] Зайчук Г.И. Экологическое право : учеб. пособие / Г.И. Зайчук. –

Минск: Амалфея, 2025. – 384 с.

© С.А. Велич, А.И. Гоман, 2026

*Я.С. Кравчук,
К.А. Киевицкая,
студентки 2 курса
напр. «Юридические науки»,
науч. рук.: Г.И. Зайчук,
к.ю.н., доц.,
БрГУ им. А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь*

ПРАВО НЕГАТИВНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: данная статья посвящена анализу права негативного природопользования как самостоятельного института экологического права Республики Беларусь. Рассматривается понятие данного права в доктрине и законодательстве, его соотношение с правом позитивного природопользования, нормативно-правовые основы регулирования вредного воздействия на окружающую среду, механизмы разрешительной системы, экономического стимулирования и юридической ответственности. Особое внимание уделяется принципам платности и возмещения вреда, а также перспективам совершенствования института в рамках проекта Экологического кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: экологическое право Республики Беларусь, право негативного природопользования, вредное воздействие на окружающую среду, возмещение экологического вреда, комплексное природоохранное разрешение, рациональное природопользование.

Право негативного природопользования занимает особое место в системе экологического права Республики Беларусь, выступая одним из ключевых институтов, регулирующих отношения по поводу хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду [1]. В отличие от права позитивного природопользования, направленного на извлечение полезных свойств природных ресурсов для экономических или социальных нужд, негативное природопользование связано с побочными последствиями такой деятельности – выбросами загрязняющих веществ в атмосферу, сбросами сточных вод, размещением отходов, физическим и иным воздействием, приводящим к отрицательным изменениям природной среды. Данное разграничение, впервые предложенное в отечественной доктрине В.П. Балезиным и развитое Г.И. Зайчуком, позволяет более точно структурировать эколого-правовые нормы и избежать коллизий между ресурсным и природоохранным регулированием [5, 6].

Согласно Закону Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (далее – Закон), природопользование определяется как хозяйственная и иная

деятельность, в процессе которой используются природные ресурсы и (или) оказывается воздействие на окружающую среду [1]. При этом вредное воздействие понимается как любое прямое или косвенное влияние, последствия которого приводят к отрицательным изменениям окружающей среды, а вред, причиненный окружающей среде, – как имеющее денежную оценку отрицательное изменение компонентов природной среды, выражающееся в загрязнении, деградации, истощении или уничтожении. Эти определения закладывают основу для правового регулирования именно негативного аспекта природопользования, где акцент смещается с эксплуатации ресурсов на предотвращение и минимизацию ущерба.

В системе экологического права Республики Беларусь право негативного природопользования интегрировано в общую и особенную части отрасли. Общая часть охватывает принципы, механизмы нормирования и контроля, а особенная – конкретные формы воздействия на отдельные компоненты среды (атмосферный воздух, водные объекты, почвы, животный и растительный мир). Конституционной основой служит статья 46 Закона, гарантирующая каждому гражданину право на благоприятную окружающую среду и возмещение причиненного вреда. Принципы охраны окружающей среды, закрепленные в статье 4 Закона, прямо включают предупредительный характер мер, платность специального природопользования, возмещение вреда и применение наилучших доступных технических методов (НДТ), что непосредственно касается негативного воздействия [1].

Одним из центральных механизмов регулирования выступает разрешительная система. Специальное негативное природопользование осуществляется на основании комплексного природоохранного разрешения, которое объединяет требования к выбросам, сбросам, отходам и иным видам воздействия. Выдача такого разрешения предваряется оценкой воздействия на окружающую среду, государственной экологической экспертизой и стратегической экологической оценкой. Без положительного заключения экспертизы реализация проектов, способных причинить вред, запрещена. Это позволяет государству заранее оценивать допустимость негативного воздействия и устанавливать индивидуальные нормативы для каждого субъекта хозяйствования.

Экономические инструменты играют ключевую роль в стимулировании снижения негативного природопользования. Хотя в белорусском законодательстве отсутствует отдельный «платеж за негативное воздействие» в российской форме, принцип «загрязнитель платит» реализуется через платность специального природопользования, а также обязательное возмещение вреда окружающей среде в полном объеме. Размер возмещения определяется по таксам, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь №219 от 11 апреля 2022 г., с учетом массы загрязняющих веществ, площади поврежденных территорий и иных факторов [2]. Возмещение может производиться добровольно или в судебном порядке, а в случае накопленного экологического вреда – через специальные программы ликвидации. Кроме того, предусмотрены меры экономического

стимулирования: налоговые льготы, ускоренная амортизация природоохранного оборудования и экологическое страхование ответственности.

Вопросы ответственности за превышение пределов негативного природопользования занимают значительное место в законодательстве. Гражданско-правовая ответственность наступает в форме полного возмещения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан и окружающей среде независимо от вины в отдельных случаях. Административная ответственность предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях за нарушения нормативов выбросов, сбросов, правил обращения с отходами и т.д., включая приостановление или прекращение деятельности. Уголовная ответственность по статьям 263-284 Уголовного кодекса применяется при причинении существенного вреда или создании угрозы экологической безопасности. Привлечение к ответственности не освобождает от обязанности возместить вред и провести восстановительные мероприятия.

Несмотря на сформированную нормативную базу, институт права негативного природопользования сталкивается с рядом проблем. Во-первых, отсутствие четкого законодательного разграничения позитивного и негативного аспектов в едином акте приводит к коллизиям: одни и те же виды деятельности (например, размещение отходов или использование водных объектов) регулируются одновременно ресурсными кодексами и Законом об охране окружающей среды. Во-вторых, практика показывает недостаточную эффективность контроля за латентным вредом, особенно в промышленности и энергетике. В-третьих, текущий Закон 1992 г., хотя и неоднократно дополнялся, остается рамочным и требует систематизации [1].

Перспективы развития института связаны с проектом Экологического кодекса Республики Беларусь, вынесенным на общественное обсуждение в 2025 г. Кодекс объединяет положения восьми законов и трех указов Президента, включая нормы об обращении с отходами, и вводит новеллы: порядок ликвидации накопленного экологического вреда, механизмы углеродного квотирования и торговли единицами, усиление роли наилучших доступных технологий и цифровизацию учета вредных воздействий [3]. Предполагается, что в новом акте право негативного природопользования получит более четкую структуру, с отдельным разделом о разрешительной деятельности, экономических инструментах и ответственности. Это позволит гармонизировать национальное законодательство с международными обязательствами Республики Беларусь по Парижскому соглашению и конвенциям о трансграничном загрязнении [4].

Таким образом, право негативного природопользования выступает не только инструментом ограничения вредной деятельности, но и механизмом перехода к устойчивому развитию. Его дальнейшее совершенствование в рамках кодификации экологического законодательства позволит эффективнее балансировать экономические интересы общества с конституционным правом на благоприятную окружающую среду, минимизировать риски деградации экосистем и обеспечить экологическую безопасность будущих поколений.

Реализация этих задач требует как законодательных нововведений, так и усиления государственного контроля, общественного участия и международного сотрудничества.

Список использованных источников и литературы:

[1] Закон Республики Беларусь об охране окружающей среды: 26 ноября 1992г. №1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. №294-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

[2] Постановление Совета Министров Республики Беларусь о таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления: 11 апреля 2022 г. №219: в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь: от 20 декабря 2023г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

[3] Проект Экологического кодекса Республики Беларусь (на стадии доработки и общественного обсуждения, 2025 г.).

[4] Постановление Совета Министров Республики Беларусь о Государственной программе «Экология» на 2026–2030 годы: 30 декабря 2025 г. №791 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

[5] Экологическое право: курс лекций / под ред. авторского коллектива БГУ. – Минск: БГУ, 2023.

[6] Экологическое право Республики Беларусь: учебное пособие. – Минск, 2024.

© Я.С. Кравчук, К.А. Киевицкая, Г.И. Зайчук, 2026

*Ю.И. Михайлов,
напр. «Международное право»
доцент кафедры,
Международного юридического института,
г. Москва, Российская Федерация*

ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОВРЕМЕННОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ

Аннотация: цель статьи раскрыть некоторые вопросы, относящиеся к проблемам государственного суверенитета и способности государства своими действиями обеспечивать его защиту в условиях формирования нового мирового порядка.

Ключевые слова: суверенитет, защита, независимость, власть, верховенство.

Быть суверенным субъектом международного права в период формирования нового мирового порядка сложная задача для большинства государств современной мировой системы. В условиях обострившихся международных отношений и многочисленных вооруженных конфликтов особо важное значение приобретает способность государства самостоятельно определять свою внешнюю политику, опираясь на собственную волю заключать международные соглашения, не теряя государственной самостоятельности участвовать в международных организациях, уметь эффективно, используя дипломатические и правовые средства защищать свои национальные интересы. На фоне применения двойных стандартов в международных отношениях, когда отдельные государства, такие как США, страны Евросоюза, они же страны НАТО в нарушение норм международного права диктуют свою волю, предъявляя ультиматумы другим государствам, вводя незаконные санкции и многочисленные ограничения опираясь на право силы роль государственного суверенитета многократно возрастает. Защита независимости и самостоятельности для государства сегодня обходится очень дорого. Ярким примером является попытка конфликтующих сторон США и Ирана в апреле 2026 года разрешить конфликт путем переговоров закончилась нулевым результатом именно благодаря тому, что США привыкли вести переговоры с позиции силы, поэтому представители Ирана заявили, что они приехали в Исламабад договариваться, а не выполнять требования ультиматума США. Такие ситуации с участием США повторяются многократно в международной практике. Здесь важно помнить, что участвуя в международных соглашениях любое государство добровольно принимает на себя обязательства и всегда вправе выйти из них, если это угрожает национальным интересам, решение в силу суверенитета всегда остаётся за государством, но как мы видим, что такая позиция сегодня не нравится

государствам, возомнившим для себя, что они могут диктовать и навязывать свои условия другим государствам, опираясь на право силы. Конечно же такая позиция не имеет ничего общего с понятием суверенного равенства всех государств, закрепленного Уставом ООН [2]. Ярким примером грубых нарушений норм международного права является агрессия США и Израиля против суверенной Исламской Республики Иран, и навязывание Ирану не приемлемых ультимативных условий прекращения военных действий, еще одним примером являются действия США по отношению к Венесуэле в январе 2026 года, когда американцы под предлогом борьбы с наркотрафиком выкрали президента суверенной республики Николаса Мадуро и взяли под контроль добычу природных ресурсов Венесуэлы, также организовали морскую блокаду республике Куба, перекрыв поставки энергоресурсов в Кубу и создали предпосылки для гуманитарной катастрофы населению Кубы [1]. Аналогичную позицию по отношению к России занимают страны НАТО и Евросоюза в конфликте между Украиной и Россией, пытаясь навязать неприемлемые для России условия, которые угрожают суверенитету и национальной безопасности России.

С февраля 2022 года Россия, оказавшись в очень сложной международной ситуации, так как нашей национальной безопасности угрожала реальная военная опасность и Россия, чтобы предотвратить эту угрозу вынуждена была начать проведение специальной военной операции фактически способствующей возвращению себе статуса полного суверенитета и в настоящее время практически реализовала эту задачу и стала "во всех смыслах этого слова суверенной страной". На это указал президент РФ Владимир Путин на расширенной коллегии Минобороны в 2026 году. Россия вернула себе этот статус благодаря единству нашего многонационального народа и в значительной степени героизму наших вооруженных сил.

Наличие суверенитета – является одним из основных признаков, присущих государству, отличающим любую страну от других территориальных образований, но его реализация и защита целиком и полностью зависит от власти государства, предоставленной народом.

Важнейшими принципами государственного суверенитета являются: неотчуждаемость, так как он не может быть отменен и не нуждается в чьем – либо признании, другие государства не должны вмешиваться в его внутренние дела, государство должно обладать способностью обеспечивать и защищать единство и неделимость государственной территории, но к сожалению не все государства сегодня способны противостоять внешней силе, исходящей от государств, возомнивших себя хозяевами в регионе или всей нашей планеты.

Основным содержанием государственного суверенитета должно быть верховенство государственной власти в регулировании всех правовых отношений в обществе на всем пространстве своей территории. На своей территории власть полностью самостоятельна и не зависит от внешних сил. Государственная власть выше любых общественных организаций и может отменять их решения, противоречащие закону. Государство обладает монополией на насилие и принуждение. Никакой другой власти, стоящей над

государственной быть не может. Оказывать влияние на государственную власть может только народ государства, являющийся источником власти посредством выборов, референдумов и петиций. В государстве должна быть единая система власти, в которой четко разграничены полномочия и сферы ответственности отдельных органов власти.

Власть должна быть независима, а это означает, что государство монопольно владеет правом на принятие решений и ни какие сторонние силы извне не могут навязывать ему свою волю. Она должна иметь международное признание всеми в качестве равноправного субъекта и обладать юридической способностью и самостоятельностью в международных делах [2].

Исходя из выше изложенного государственный суверенитет – это верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти в решении внутренних и внешних вопросов. Это важнейшее и основополагающее свойство любого государства.

В условиях формирования нового многополярного мирового порядка рассмотрим государственный суверенитет в следующих различных аспектах, среди которых – технологический, продовольственный и энергетический суверенитет.

Положение для России, сложившееся после начала специальной военной операции в 2022 году оказалось очень непростым и сложным в сфере экономики в связи с введением против нашей страны многочисленных санкций. На сегодняшний день против нашей страны введено более 30 тысяч незаконных санкций. Страны НАТО, Евросоюза и их сателлиты поставили своей главной целью нанести стратегическое поражение России, разорвать экономику нашей страны в клочья, деколонизировать нас, победить на поле боя, в общем реализация этих целей должна была привести к прекращению существования нашей страны как единой и целой. В сложившихся условиях наша страна мобилизовалась и приняла комплекс защитных мер, обеспечивающих защиту нашего государственного суверенитета во всех сферах деятельности. Предпринятые меры показывают, что наша страна самодостаточная: Россия обеспечена всеми необходимыми энергоресурсами, газом и нефтью, важнейшими для экономики нашей страны полезными ископаемыми, это значит, что мы энергетически суверенны, мы полностью обеспечены продовольствием во всех важнейших сферах их производства, зерном, мясом, молоком, маслом, овощами и др., это значит, что мы продовольственно суверенны, наша страна способна самостоятельно разрабатывать, производить и внедрять критически важные технологии, а это значит, что мы технологически суверенны в ключевых сферах. Сегодня в обеспечении безопасности России, охватывая различные сферы от кибербезопасности и обороны до охраны границ и прогнозирования чрезвычайных ситуаций ключевую роль уже играет искусственный интеллект. Его применение будет направлено на повышение эффективности защиты национальных интересов, прогнозирование угроз и автоматизацию процессов. Мы уже сегодня являемся свидетелями, что искусственный интеллект (ИИ) используется для разработки автономных систем вооружения, управления беспилотными летательными

аппаратами, оптимизации логистики и повышения эффективности обучения военнослужащих. ИИ анализирует данные о погоде, сейсмической активности, социальных настроениях и других факторах для прогнозирования природных катастроф, социальных волнений и других чрезвычайных ситуаций, что позволяет автоматически реагировать и минимизировать последствия и в этой области наша страна занимает передовые позиции.

Право устанавливать правила игры на своей национальной территории государство сохраняет даже в условиях современной глобальной экономики, интеграция с другими государствами не отменяет суверенитет, а лишь задает рамки сотрудничества на добровольной основе.

На основе выше изложенного можно сделать вывод, что без суверенитета государство перестает быть государством в юридическом смысле, что приобретает особенное и важное значение в условиях формирования нового мирового порядка где отношения должны строиться на суверенном равенстве и взаимном уважении. В подтверждение этого вывода Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 7 июня 2000 года №10-П прямо указал, что суверенитет является обязательным качественным признаком государства и определяет его конституционно-правовой статус [3]. Чтобы реально суверенитет работал на практике нужны конкретные действия власти во всех сферах её осуществления, принимать законы, защищающие национальные интересы и осуществлять контроль за их исполнением, самостоятельно формировать систему органов власти, не допуская влияния извне, самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику, на равных с другими государствами участвовать в международных отношениях. Иначе говоря суверенитет позволяет стране управлять собой и отстаивать свою позицию не подчиняясь чужой воле.

Список использованных источников и литературы:

[1] Международное право в документах. Инфра М., 1997 г.

[2] Устав Организации Объединенных Наций // Действующее международное право. В 3 т./сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. – Ст.1

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года №10-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»

© Ю.И. Михайлов, 2026

И.В. Пальцева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
В.А. Шатова,
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Аннотация: статья посвящена исследованию ряда вопросов мирового соглашения в отечественном арбитражном процессе. Проанализированы положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о мировом соглашении, раскрыта правовая природа мирового соглашения, сочетающая как договорные основы, так и судебный контроль. Особое внимание уделено судебной практике Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов округов, выявляющей критерии законности, добросовестности и допустимости условий мирового соглашения. Рассматриваются типичные проблемы правоприменения, включая вопросы допустимости цифровой формы документов, когда мировое соглашение представляется в арбитражный суд в виде электронного документа или электронного образа. Приводится статистика заключения мировых соглашений. Уделяется внимание судебной практике заключения мировых соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве). Сформулированы предложения по повышению эффективности и устойчивости мировых соглашений в экономических спорах.

Ключевые слова: мировое соглашение, арбитражный процесс, примирительные процедуры, судебный контроль, диспозитивность, добросовестность, процессуальная экономия.

Мировое соглашение в арбитражном процессе Российской Федерации занимает особое место среди примирительных механизмов, поскольку соединяет частноправовые интересы участников экономического оборота и публично-правовые задачи правосудия. Актуальность исследования этого процессуального института обусловлена тем, что современный арбитражный процесс все в большей степени ориентирован на достижение правовой определенности и экономии процессуальных ресурсов, а также на снижение конфликтности в предпринимательских отношениях. На практике мировое соглашение выступает не только способом прекращения судебного разбирательства, но и инструментом управляемого перераспределения рисков, согласования взаимных уступок в ситуации, когда продолжение спора может

быть экономически невыгодным, репутационно затратным или сопряжено с высокой неопределенностью результата. Дополнительную значимость проблематике придает необходимость соблюдения баланса между диспозитивностью в поведении сторон и обязанностью суда обеспечивать законность и защиту публичных интересов, в том числе в спорах о несостоятельности (банкротстве), а также при наличии признаков злоупотребления процессуальными правами.

Мировое соглашение в арбитражном процессе представляет собой сложный юридический конструкт, в котором материально-правовая природа договоренности сторон сочетается с процессуальной формой и публичным контролем суда.

Как отмечает В. В. Ярков, мировое соглашение представляет собой гражданско-правовой и процессуальный договор, заключаемый сторонами на взаимосогласованных ими условиях и подлежащий обязательному утверждению судом [1]. В основе института лежит идея процессуальной экономии и восстановления деловой коммуникации: спор прекращается не вследствие судебного принуждения, а в результате взаимных уступок, которые стороны формулируют как приемлемую модель распределения рисков. При этом мировое соглашение в арбитражном судопроизводстве принципиально отличается от «обычного» гражданско-правового соглашения о прекращении обязательства тем, что его утверждение порождает процессуальные последствия прекращения производства по делу и создает особый режим исполнимости судебного акта.

Определение об утверждении мирового соглашения является таким же оканчивающим рассмотрение дела по существу судебным актом, как и решение суда, и может быть исполнено принудительно; при неисполнении условий мирового соглашения взыскатель вправе обратиться за присуждением судебной неустойки [2].

Таким образом, правовой институт мирового соглашения неизбежно затрагивает публичный интерес в законности, предсказуемости правосудия, а также в неукоснительном исполнении судебных актов. Именно эта двойственная природа объясняет, почему законодатель одновременно расширяет инструменты примирения (включая переговоры, посредничество, в том числе медиацию, судебное примирение с участием судебного примирителя, развивает цифровой формат судебной документации) и одновременно сохраняет жесткие основания для отказа в утверждении мирового соглашения, ориентированные на проверку его законности.

Нормативный каркас института задается главой Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) о примирительных процедурах и специальными нормами о мировом соглашении: суд обязан содействовать примирению, а стороны вправе урегулировать спор путем мирового соглашения, если это не противоречит закону; ключевое ограничение заключается в том, что арбитражный суд не утверждает мировое соглашение, когда оно противоречит закону либо нарушает права и законные интересы других лиц. Эти два основания сформулированы как исчерпывающие,

но на практике наполняются содержанием через судебное толкование.

Мировое соглашение в силу статьи 140 АПК РФ заключается «в отношении предъявленных в суд исковых требований», при этом допускается включение условий, связанных с заявленными требованиями, даже если они не были предметом разбирательства, а также допускается заключение соглашения по вопросу распределения судебных расходов; такой подход законодателя легализует более широкие, «пакетные», договоренности, но одновременно увеличивает нагрузку на суд при проверке связи условий с предметом спора и рисков нарушения интересов других лиц.

Практика показывает, что главный «центр тяжести» в вопросах мирового соглашения находится не в формальном признании свободы договора, а в границах судебного контроля. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, разъяснения которого по вопросам судебной практики сохраняют свою силу, в Постановлении от 18 июля 2014 г. №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» [3] заложил методологию судебной проверки мирового соглашения: суд не подменяет волю сторон, но обязан установить добровольность, действительность волеизъявления, отсутствие противоречия закону и отсутствие нарушений прав иных лиц, а также разъяснить последствия прекращения производства по делу. Именно эта логика продолжает воспроизводиться судами как «стандарт проверки».

Судебная практика дает весьма конкретные ориентиры того, какие дефекты соглашения суды квалифицируют как несовместимые с законом и процессуальными гарантиями. Показателен подход Верховного Суда Российской Федерации к проверке формы и подлинности волеизъявления в условиях цифровизации процесса.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 13 февраля 2020 года №300-ЭС19-26826 по делу № СИП-809/2018 Верховный Суд Российской Федерации признал недопустимым утверждение мирового соглашения, когда в деле отсутствуют надлежащие подлинные экземпляры мирового соглашения, а в суд фактически поступают копии и факсимильные материалы, которые не позволяют достоверно установить согласованную волю обеих сторон; дополнительно Суд указал на необходимость учитывать разъяснения о представлении электронных документов и электронных образов, а также подчеркнул, что нормы АПК РФ о мировом соглашении не предусматривают утверждение документа, представленного одной стороной в виде копии, при отсутствии четко выраженного волеизъявления другой стороны. В том же деле была акцентирована и процессуальная гарантия прав третьего лица: суд должен убедиться, что третьи лица знают о мировом соглашении и их права его условиями не затрагиваются, иначе проверка «ненарушения их прав и законных интересов» будет заведомо неполной [4].

Не менее значим пласт практики, в котором мировое соглашение оценивается судами как потенциальный инструмент злоупотребления, особенно при корпоративном конфликте или банкротных рисках.

Постановлением от 8 апреля 2024 года по делу № А40-7870/2023 Арбитражный суд Московского округа поддержал позиции судов первой и

апелляционной инстанций, которые высказались против утверждения мирового соглашения по делу о взыскании денежных средств по договору об открытии невозобновляемой кредитной линии, так как действия сторон не были направлены на исполнение денежных обязательств; представленное в суд мировое соглашение было направлено на причинение имущественного вреда истцу и его акционерам; совершение ответчиком нескольких взаимосвязанных сделок по заключению мировых соглашений является крупной сделкой, заключенной в отсутствие доказательств получения согласия общего собрания акционеров ответчика на совершение сделки [5].

Этот пример важен тем, что демонстрирует: формула «свобода договора» в мировом соглашении работает только при соблюдении внешних режимов законности (корпоративного, банкротного, антимонопольного и иных), иначе суд интерпретирует соглашение как юридически дефектное.

В делах о несостоятельности (банкротстве) мировое соглашение приобретает дополнительное измерение: оно затрагивает множественность кредиторов и требует группового согласования, а потому судебная проверка смещается от индивидуальной диспозитивности к критериям справедливости распределения и реалистичности исполнения. Статистические данные показывают, что в 2024 году арбитражными судами рассмотрено 1 823 073 дела, из которых 407 151 – о несостоятельности (банкротстве). Из общего количества дел по 35 353 делам заключено мировое соглашение, в том числе 1 664 дела о несостоятельности (банкротстве) закончились мировым соглашением [6]. Прекращение банкротных дел в связи с утверждением мирового соглашения остается сравнительно редким: из приведенной судебной статистики арбитражных судов за 2024 год видно, что по делам о банкротстве производство прекращалось по этому основанию по 1 664 делам, что составило около 0,4 процента от общего количества дел данной категории. В то же время из всех рассмотренных дел количество прекращенных в связи с заключением мирового соглашения составило около 1,9 процента.

На уровне правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации для мировых соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве) характерны два ключевых вектора: недопустимость ухудшения положения отдельных групп кредиторов вопреки балансу процедуры и требование реалистичности условий, исключающее «бумажные» графики без подтвержденного источника исполнения; именно поэтому в определениях экономической коллегии устойчиво обсуждается необходимость соотнесения условий соглашения с интересами кредиторов и фактическими возможностями должника.

Научная литература, анализирующая мировое соглашение, в последние годы заметно сместилась от описания процедурных шагов к исследованию рисков и качественных критериев: устойчивости соглашения к возможному оспариванию в судебном порядке, согласованности с цифровым документооборотом, роли суда в обеспечении добросовестности, а также к «пограничным» вопросам, когда условия соглашения содержат элементы отступного, новации, уступки требования или корпоративных решений. В этой

связи методологически продуктивно рассматривать мировое соглашение как процессуальный «контейнер», который может включать материально-правовые конструкции, но должен оставаться в границах публичной проверяемости: суду не требуется устанавливать все факты спора заново, однако он обязан проверить ровно столько, сколько необходимо, чтобы исключить очевидную незаконность, нарушение прав третьих лиц и злоупотребление. Такой подход прямо отражается и в судебных формулировках о том, что оценка доказательств производится лишь в мере, необходимой для проверки соответствия соглашения требованиям закона и отсутствия нарушения прав иных лиц.

К числу наиболее типичных проблем правоприменения относятся, во-первых, дефекты формы и подтверждения полномочий, особенно при электронном обмене документами; во-вторых, включение в соглашение условий, которые внешне выглядят как «урегулирование», но по сути маскируют отчуждение активов, перераспределение контроля или искусственное создание (или консервацию) задолженности при аффилированности; в-третьих, банкротные риски, когда условия соглашения фактически перекладывают бремя на несогласных кредиторов или не содержат реалистичного источника исполнения; в-четвертых, недостаточная проработка условия о последствиях и исполнении, что повышает вероятность новых споров уже на стадии принудительного исполнения мирового соглашения или при попытках его оспаривания. Практикоориентированные пути решения здесь лежат в плоскости стандартизации подготовки соглашений: обязательная фиксация информированности о последствиях прекращения производства, документальное подтверждение корпоративных одобрений (когда требуется), прозрачное описание источника исполнения и механизма контроля исполнения, а при наличии третьих лиц – доказуемое уведомление и предоставление возможности заявить возражения. Отдельный современный вектор связан с технологической надежностью: чем больше процесс переходит в цифровую среду, тем более значимы корректная квалифицированная электронная подпись, идентификация подписавшего лица и воспроизводимость доказательственного следа подачи документа, поскольку именно здесь возникают «узкие места», приводящие к отмене судебных актов об утверждении мирового соглашения, как это показал Верховный Суд Российской Федерации в деле №300-ЭС19-26826 [4].

Таким образом, мировое соглашение в арбитражном процессе следует рассматривать как комплексный институт, сочетающий договорную природу урегулирования спора и процессуальную форму судебного контроля, обеспечивающую законность и защиту прав третьих лиц. Его практическая ценность состоит в снижении транзакционных издержек, ускорении достижения правовой определенности и сохранении деловых отношений, однако эффективность этого механизма напрямую зависит от качества юридического конструирования условий и добросовестности участников. Корректное конструирование условий мирового соглашения напрямую влияет на исполнимость достигнутых договоренностей, на снижение вероятности

последующих споров о толковании условий, а также на устойчивость судебного акта об утверждении мирового соглашения при проверке в вышестоящих инстанциях.

Проблематика мировых соглашений в условиях усложнения экономических связей и цифровизации процесса проявляется в росте числа ситуаций, когда соглашение используется как инструмент скрытого перераспределения активов, обхода обязательных процедур одобрения сделок или создания предпочтений отдельным участникам оборота. Это предопределяет усиление роли суда как гаранта публичного интереса, но одновременно требует поддержания баланса, при котором судебная проверка не подменяет волю сторон. Наиболее перспективные пути повышения устойчивости мировых соглашений связаны с формированием единообразных стандартов подготовки: документальным подтверждением полномочий и необходимых одобрений, прозрачным описанием источников исполнения и механизма контроля, корректным учетом интересов третьих лиц, а также технологически надежным электронным документооборотом. В совокупности это позволяет закрепить мировое соглашение как инструмент не только процессуальной экономии, но и повышения качества правосудия, поскольку примирение сторон при соблюдении критериев законности и добросовестности становится способом достижения справедливого и устойчивого результата в сфере предпринимательских споров.

Список использованных источников и литературы:

[1] Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 57.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024) {КонсультантПлюс}

[3] Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 №50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» {КонсультантПлюс}

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.02.2020 №300-ЭС19-26826 по делу № СИП-809/2018 {КонсультантПлюс}

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2024 № Ф05-4759/2024 по делу № А40-7870/2023 {КонсультантПлюс}

[6] Агентство правовой информации <http://апи-пресс.рф> дата обращения 15.03.2026

© И.В. Пальцева, В.А. Шатова, 2026

*В.А. Шатова,
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация*

ПРИВАТИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ГРАЖДАНАМИ И ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты приватизации земельных участков гражданами и юридическими лицами в Российской Федерации. Анализируются нормативные основания перехода земель из государственной и муниципальной собственности в частную, включая соотношение общих положений законодательства о приватизации имущества и специальных норм земельного права. Особое внимание уделяется механизмам приобретения земельных участков без проведения торгов, реализации исключительного права собственника объекта недвижимости на выкуп участка, а также ограничениям оборотоспособности отдельных категорий земель. Исследуются проблемы правоприменительной практики, связанные с кадастровым учетом, определением границ участков, расчетом выкупной стоимости и защитой публичных интересов. Формулируются выводы о необходимости совершенствования административных процедур и обеспечения баланса частных и публичных интересов в сфере земельных отношений.

Ключевые слова: приватизация земельных участков, земельное право, государственная собственность, муниципальная собственность, исключительное право выкупа.

Актуальность исследования приватизации земельных участков гражданами и юридическими лицами в Российской Федерации обусловлена тем, что институт частной собственности на землю находится на стыке конституционных гарантий, публичных интересов и экономических стимулов развития территорий. Земельный участок выступает одновременно недвижимой вещью и ограниченным природным ресурсом, поэтому оборот земли неизбежно сопряжен с особым правовым режимом, административными процедурами и судебными спорами о пределах допустимого отчуждения публичных земель. На практике именно приватизация становится ключевым путем трансформации публичной земельной собственности в частную: через выкуп земельных участков под принадлежащими лицу зданиями и сооружениями, через предоставление участков отдельным категориям граждан на льготных условиях, а также через оформление ранее предоставленных прав и «переход» от аренды к собственности. Существенное значение имеет и то, что современная модель предоставления участков из государственной и

муниципальной собственности строится на детальной регламентации оснований возникновения прав и процедур (в том числе в системе статей главы о предоставлении земельных участков и специальной нормы о выкупе участка под объектом недвижимости).

Цель исследования состоит в комплексном теоретико-правовом осмыслении и прикладном анализе механизмов приватизации земельных участков, доступных гражданам и юридическим лицам, с выявлением условий реализации права на приобретение участка, пределов усмотрения публичного собственника, а также типовых конфликтов правоприменения.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийно-категориального аппарата земельного права применительно к приватизации: в научной литературе термин «приватизация земельных участков» используется неоднозначно, охватывая как процедуры по Закону о приватизации государственного и муниципального имущества, так и земельно-правовые способы предоставления участка в собственность без торгов либо по результатам торгов.

Практическая значимость исследования выражается в возможности использовать выводы для правового сопровождения сделок и административных процедур: подготовки заявлений о предоставлении участка, обоснования наличия исключительного права выкупа, оценки рисков отказа органа власти, а также выработки позиции по спорам о цене выкупа, границах участка, надлежащем виде разрешенного использования и допустимости приватизации при наличии обременений.

Степень разработанности темы характеризуется устойчивым вниманием отечественной доктрины к проблематике собственности на землю и приватизации, однако комплексные исследования, одновременно охватывающие гражданско-правовую «вещную» природу земельного участка, публично-правовой порядок распоряжения землей и судебную практику по исключительному праву выкупа, нередко носят фрагментарный характер и различаются по методологическим основаниям. В научном поле значимый вклад в разработку вопросов земельного права и собственности на землю внесли, в частности, С.А. Боголюбов, Б.В. Ерофеев, О.И. Крассов, В.А. Ершов и другие исследователи, рассматривавшие приватизацию земельных участков в контексте эволюции земельного законодательства, пределов оборотоспособности земли и гарантий прав собственников недвижимости.

Приватизация земельных участков гражданами и юридическими лицами в Российской Федерации представляет собой сложный межотраслевой институт, в котором пересекаются конституционные гарантии частной собственности, публично-правовой режим распоряжения государственными и муниципальными ресурсами, а также гражданско-правовая логика оборота недвижимости. В доктринальном смысле приватизация земли не сводится к одной-единственной процедуре: в узком понимании речь идет об отчуждении публичного имущества в частную собственность по правилам закона о приватизации, тогда как в широком понимании приватизационную природу имеют и земельно-правовые механизмы предоставления участка из публичной

собственности в собственность гражданина или организации на основании Земельного кодекса Российской Федерации, включая случаи продажи без торгов. Нормативная «ось» регулирования формируется Земельным кодексом Российской Федерации (прежде всего правилами о продаже публичных участков на торгах и исключениями из этого принципа), законом о приватизации государственного и муниципального имущества, а также законом о государственной регистрации недвижимости, поскольку именно запись в Едином государственном реестре недвижимости выступает юридически значимым доказательством существования права и завершает приватизационный цикл.

Системообразующей презумпцией является правило о том, что продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, по общему основанию осуществляется на торгах (аукционе), а предоставление без торгов допускается только в случаях, прямо перечисленных в земельном законодательстве. Эта конструкция имеет выраженную антикоррупционную и конкурентную направленность, но одновременно порождает «встроенное» напряжение между публичным интересом в прозрачности распоряжения землей и частным интересом в устойчивости прав на объекты недвижимости и земельные участки под ними. Именно поэтому законодатель закрепил специальные нормы, которые фактически превращает приватизацию земли в инструмент «юридической синхронизации» судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта капитального строительства: собственник здания или сооружения при наличии установленных условий получает исключительное право приобрести участок в собственность или оформить его в аренду, что в практике воспринимается как приоритет права собственника недвижимости над конкурирующим притязанием третьих лиц на тот же участок через торги. Подобные механизмы традиционно исследуются в российской науке земельного права в связи с проблемой соотношения публичной земельной собственности и частных вещных прав; значимый вклад в разработку соответствующих вопросов внесли, в частности, С.А. Боголюбов, О.И. Крассов, Б.В. Ерофеев и другие авторы, формировавшие подходы к пределам оборотоспособности земель и к правовой природе «приватизации» как перехода от публичного режима к частному вещному титулу.

В судебной практике Верховного Суда Российской Федерации подчеркивается, что исключительное право собственника объекта недвижимости на приобретение соответствующего земельного участка носит именно «исключительный» характер и подлежит реальному обеспечению: например, суды признают неправомерным подход, при котором реализация права на выкуп ставится в зависимость от формальных обстоятельств, не связанных с сущностью права, включая споры о степени «сформированности» участка при наличии кадастрового номера и внесенных сведений в реестр. Одновременно Верховный Суд Российской Федерации указывает на материальные пределы этого права: если объект капитального строительства отсутствует, то само по себе намерение оформить участок не позволяет

реализовать исключительное право на его приобретение; таким образом, правопритязание должно опираться на реальный объект недвижимости, а не на планируемое строительство либо на фактическое пользование без соответствующего вещного основания. В более «технических» категориях дел подтверждается допустимость защиты права собственников через требования, направленные на установление параметров участка (в том числе границ) как предпосылки дальнейшего оформления земельных отношений, поскольку без корректного межевания и определения конфигурации участка исключительное право на практике становится трудно реализуемым [1, с. 52].

Приватизация земли юридическими лицами в значительной части случаев связана не с «классической» приватизацией предприятий, а с земельно-правовым оформлением производственных площадок и объектов коммерческой недвижимости. Здесь проявляется ключевой методологический момент: Закон о приватизации государственного и муниципального имущества устанавливает общие рамки приватизационных отношений, однако земельные участки как особый объект регулируются специальными правилами Земельного кодекса, а потому практический выбор правового маршрута (торги либо без торгов, выкуп под объектом недвижимости, перераспределение, предоставление в аренду с последующим выкупом, иные конструкции) должен осуществляться с приоритетным учетом специальных земельных норм. [2, с. 46]. Дополнительный «фильтр» вводится режимом оборотоспособности: земельные участки, изъятые из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а участки, ограниченные в обороте, подчиняются специальным ограничениям и условиям предоставления; эта норма задает жесткую границу приватизации независимо от экономической целесообразности проекта.

Особую группу составляют ограничения, связанные с землями сельскохозяйственного назначения. Хотя в общественном представлении приватизация земли часто воспринимается как «универсальная» возможность, оборот сельскохозяйственных земель законодательно «сдержан» в целях сохранения земельного фонда, предотвращения спекулятивной концентрации и защиты продовольственной безопасности. Федеральный закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения закрепляет специальные правила и ограничения, включая ограничения для иностранных лиц и контролируемых ими структур, что отражает приоритет публичных интересов над свободой приобретения таких участков в собственность. Это означает, что приватизация сельскохозяйственных земель для юридических лиц на практике требует не только соблюдения процедур предоставления, но и проверки субъектного состава и допустимости владения соответствующей категорией земель [3, с. 386].

Статистический контекст показывает, что «земельные отношения» в прикладном измерении часто развиваются по траектории «аренда – инвестиции – оформление собственности», а не через одномоментную покупку. Росреестр сообщал, что по итогам 2024 года было зарегистрировано 636 тысяч договоров аренды земельных участков, а с начала 2025 года – более 309 тысяч договоров аренды, оформленных гражданами. Хотя эти показатели относятся к аренде, а

не напрямую к приватизации, они важны как индикатор масштабов использования публичных участков на договорной основе и как объяснение того, почему на практике столь значимы споры о последующем выкупе: аренда становится массовой «входной» формой, из которой затем вырастает запрос на устойчивый вещный титул, особенно когда на участке расположены объекты капитального строительства либо осуществлены существенные улучшения [4, с. 165].

Практика выявляет устойчивые проблемные в процессе приватизации земельных участков. Во-первых, это проблема формирования участка и установления границ: нередко фактическое землепользование исторически сложилось, но кадастровые сведения неполны, границы пересекаются с соседними участками или с землями общего пользования, а конфигурация не соответствует нормам градостроительного регламента. В таких ситуациях органы публичной власти склонны отказывать в предоставлении участка либо затягивать процедуру, тогда как собственник недвижимости рассматривает это как препятствие реализации исключительного права; судебные позиции высших судов в целом ориентируют на необходимость обеспечивать реализацию права при наличии материальных условий, а не превращать кадастровую «технику» в непреодолимый барьер. Во-вторых, типична проблема множественности собственников помещений в одном здании на неделимом земельном участке: согласование воли, определение долей и выбор правового режима оформления (общая долевая собственность на участок либо иное решение) усложняют приватизацию и повышают транзакционные издержки, что доктрина оценивает как проявление «коллективного действия» в сфере вещных прав. В-третьих, распространены конфликты, связанные с видом разрешенного использования и фактическим использованием участка: публичный собственник нередко обосновывает отказ несоответствием фактического использования установленному режиму, тогда как заявитель указывает на функциональную связь участка с объектом недвижимости и на необходимость оформления прав для нормальной эксплуатации.

В-четвертых, значимым источником споров является цена выкупа и методика ее определения. Даже при наличии права на приобретение участка без торгов стороны вступают в конфликт по поводу размера платежа, особенно в случаях коммерческой недвижимости в крупных городах и при изменении кадастровой стоимости. Поскольку земельное законодательство связывает выкупные платежи с установленными правилами и публичными решениями, практическая задача сводится к обеспечению предсказуемости и проверяемости расчета, а также к снижению «разрыва» между экономикой проекта и юридически заданной моделью оплаты. Наконец, в-пятых, приватизация часто тормозится из-за процедурной фрагментации: заявителю требуется последовательно взаимодействовать с органом, распоряжающимся земельным участком, с кадастровыми инженерами, с органами градостроительства и затем с органом регистрации прав; при этом юридическим «финалом» выступает государственная регистрация права, без которой приватизация не порождает полноценного вещного эффекта [5, с. 120].

Пути решения указанных проблем в научно-прикладном плане целесообразно формулировать как меры, одновременно повышающие юридическую определенность и снижающие конфликтность. Перспективным представляется дальнейшее развитие «предзаявительного» сопровождения приватизации: стандартизированные требования к межеванию и к составу исходных данных до подачи заявления, цифровая проверка пересечений и ограничений по публичным слоям, а также единые административные регламенты, которые минимизируют расхождение практик между муниципалитетами. Существенный эффект способно дать институциональное закрепление приоритета устранения кадастровых ошибок и уточнения границ в случаях, когда существует объект недвижимости и заявитель реализует исключительное право: судебная практика уже демонстрирует, что формальные препятствия не должны разрушать саму идею связи объекта капитального строительства с земельным участком. Для ситуаций множественности собственников помещений рациональным направлением является развитие типовых моделей соглашений о совместном приобретении участка и распределении расходов, а также уточнение механизмов представительства при обращении в уполномоченный орган, чтобы «координационные» барьеры не превращались в фактический запрет на приватизацию. Для земель сельскохозяйственного назначения, напротив, ключевым является соблюдение специальных ограничений и прозрачность контроля субъектного состава приобретателя, поскольку публичные интересы в этой сфере прямо встроены в конструкцию оборота таких земель [6, с. 142].

Таким образом, приватизация земельных участков в Российской Федерации в реальном правоприменении выступает не единичной процедурой, а системой юридических маршрутов, зависящих от категории земель, правового статуса заявителя, наличия объекта недвижимости и режима оборотоспособности участка. Общий принцип торгов обеспечивает публичную прозрачность, а исключения, особенно связанные с выкупом участка под принадлежащим лицу объектом недвижимости, обеспечивают устойчивость имущественных прав и экономическую целесообразность владения недвижимостью. При этом основная зона риска перемещается из «теории права собственности» в сферу кадастровой определенности, административных процедур и согласования интересов нескольких собственников, где качество правового регулирования и единообразие практики определяют, станет ли приватизация инструментом развития территории или источником хронических конфликтов.

Список использованных источников и литературы:

[1] Землякова Г.Л. Реализация собственниками разрушенных зданий (сооружений) права на приобретение земельных участков, на которых они расположены: проблемы правоприменения. Часть 1 / Г.Л. Землякова // Аграрное и земельное право. – 2024. – №8(236). – С. 50-54.

[2] Колиева А.Э. К вопросу регулирования фидуциарных сделок. Аграрное и земельное право. 2014. № 6 (114), С. 46-50.

[3] Киселев В.С. О злоупотреблении исключительным правом выкупа земельного участка собственником объекта недвижимости: теория, проблематика, способы противодействия / В.С. Киселев // Аграрное и земельное право. – 2025. – №2. – С. 385-389.

[4] Королева Д.В., Шестериков Д.С. Правовое регулирование приватизации земельных участков в Российской Федерации / Д.В. Королева, Д.С. Шестериков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №11-2. – С. 164-167.

[5] Малышева А.В., Жочкина И.Н. Особенности возникновения прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, под объектами незавершенного строительства / А.В. Малышева, И.Н. Жочкина // Аграрное и земельное право. – 2024. – №4(232). – С. 119-120.

[6] Менис Е.В. Предоставление земель без проведения торгов / Е.В. Менис // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №2(230). – С. 141-144.

© В.А. Шатова, 2026

*Е.В. Ярмошук,
студент 2 курса
напр. «Юридические науки»,
науч. рук.: Г.И. Зайчук,
к.ю.н., доц.,
БрГУ им. А.С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь*

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: в статье рассматривается роль экологического права в обеспечении устойчивого развития Республики Беларусь. Анализируется значение правовых норм, направленных на охрану окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности и защиту экологических прав граждан. Особое внимание уделяется взаимосвязи экологического законодательства с экономическим развитием государства и необходимости баланса между хозяйственной деятельностью и сохранением природной среды.

Ключевые слова: экологическое право, устойчивое развитие, Республика Беларусь, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, природопользование, экологические права граждан, экологическое законодательство.

Экологическое право играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития Республики Беларусь, поскольку оно устанавливает правовые механизмы охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и защиты экологических прав граждан.

В современных условиях именно правовое регулирование помогает согласовать экономические интересы государства, общества и бизнеса с необходимостью сохранения природной среды для нынешних и будущих поколений.

Устойчивое развитие обычно понимается как такое развитие общества и экономики, при котором удовлетворяются потребности настоящего времени, но не ставится под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Для Беларуси это особенно важно, поскольку страна обладает значительными природными ресурсами, чувствительными экосистемами и высокой зависимостью от качества воды, лесов, земель и атмосферного воздуха [2].

В этой модели экономика не должна развиваться за счет разрушения природы. Напротив, экологическая безопасность становится обязательным условием долгосрочного роста, социальной стабильности и здоровья населения.

Экологическое право Республики Беларусь формирует правовую основу

для устойчивого развития. Оно регулирует отношения в сфере охраны окружающей среды, использования природных ресурсов, экологического контроля, оценки воздействия на окружающую среду и ответственности за экологические правонарушения.

Через нормы экологического законодательства государство закрепляет принципы:

1. приоритета охраны жизни и здоровья человека;
2. рационального природопользования;
3. предотвращения вреда окружающей среде;
4. возмещения экологического ущерба;
5. гласности и участия граждан в решении экологически значимых вопросов.

Эти принципы позволяют не только реагировать на уже причиненный вред, но и предупреждать его заранее.

Основу экологического регулирования в Республике Беларусь составляет Закон «Об охране окружающей среды». Он определяет объекты охраны, общие требования к природопользованию, полномочия государственных органов и обязанности субъектов хозяйствования. Помимо него, важную роль играют нормы, регулирующие использование и охрану земель, вод, лесов, недр, животного и растительного мира, а также правила экологической экспертизы и контроля [1].

Такое комплексное регулирование позволяет рассматривать экологическое право не как узкую отрасль, а как важный инструмент государственной политики. Оно связывает между собой природоресурсное право, административное право, земельное право и нормы о юридической ответственности.

Устойчивое развитие невозможно без экологической безопасности. Для Беларуси это означает необходимость учитывать экологические последствия при строительстве предприятий, развитии транспорта, сельского хозяйства и энергетики. Особое значение имеют технологии, снижающие выбросы, уменьшающие образование отходов и повышающие эффективность использования ресурсов.

Экологическое право в этой сфере выполняет балансирующую функцию. С одной стороны, оно не препятствует развитию промышленности и инфраструктуры. С другой стороны, оно требует соблюдения экологических нормативов, проведения оценки воздействия на окружающую среду и внедрения природоохранных мер [3].

Именно таким образом право помогает избежать ситуации, когда экономический рост приводит к деградации природной среды.

Важным элементом устойчивого развития является участие граждан в охране окружающей среды. Законодательство Беларуси закрепляет право человека на благоприятную окружающую среду и на получение достоверной экологической информации [1]. Это означает, что граждане могут участвовать в обсуждении проектов, способных повлиять на природу, обращаться в государственные органы и требовать защиты нарушенных прав.

Общественный контроль, деятельность экологических организаций и правовая грамотность населения усиливают эффективность экологического права. Когда общество вовлечено в экологические процессы, государству проще реализовывать политику устойчивого развития и предупреждать нарушения.

Несмотря на наличие развитой правовой базы, на практике остаются проблемы. К ним относятся недостаточная экологическая культура, формальный подход к соблюдению требований, сложность оценки реального ущерба окружающей среде и необходимость постоянного совершенствования контроля. Кроме того, устойчивое развитие требует не только законов, но и их последовательного исполнения.

Еще одной задачей является более широкое внедрение экологически ориентированных решений в бизнесе и государственном управлении. Без этого правовые нормы не смогут в полной мере обеспечить переход к модели, где природа рассматривается как ценность, а не только как источник ресурсов.

Экологическое право Республики Беларусь является одним из главных механизмов реализации устойчивого развития. Оно обеспечивает защиту окружающей среды, регулирует природопользование, закрепляет экологические права граждан и формирует ответственность за причинение вреда природе. Чем эффективнее действует экологическое законодательство, тем выше шансы сохранить природный потенциал страны и обеспечить достойные условия жизни для будущих поколений.

Список использованных источников и литературы:

[1] Закон Республики Беларусь об охране окружающей среды: 26 ноября 1992г. №1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. №294-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

[2] Экологическое право: курс лекций / под ред. авторского коллектива БГУ. – Минск: БГУ, 2023.

[3] Экологическое право Республики Беларусь: учебное пособие. – Минск, 2024.

© *Е.В. Ярмошук, Г.И. Зайчук, 2026*

УДК 372.881.161.1

*З.В. Глебова,
к.п.н., преподаватель,
В.В. Попова,
студентка,
УлГПУ им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ НА ОСНОВЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в статье рассматриваются особенности изучения заимствованных слов на основе публицистических текстов на уроках русского языка. В частности, приводится фрагмент урока русского языка для 9-го класса, в котором показано, как можно изучать иноязычную лексику с опорой на тексты средств массовой информации, а именно организация этапа словарно-орфографической работы, исследовательского, творческого этапов.

Ключевые слова: урок русского языка, заимствованные слова, иноязычная лексика, текст, публицистический стиль, язык средств массовой информации.

Несмотря на то что изучение публицистического стиля является обязательной частью школьного образования, актуальные тексты СМИ редко становятся материалом для уроков. Между тем современный медиаязык существенно отличается от классической публицистики. Его ключевая особенность – колоссальное количество иностранных слов и нестандартные приемы их введения в текст. Представляется необходимым включить эти живые процессы в программу изучения русского языка, сделав их предметом пристального внимания [1, с. 110].

Проиллюстрируем вышесказанное фрагментом урока русского языка для 9-го класса «Особенности употребления заимствований в публицистических текстах» [2, с. 47-56].

I. Работа с текстом. Формулирование темы и цели урока.

1. Обратимся к тексту

Анимешники на вечеринке.

В мае впервые за долгое время прошёл аниме-фестиваль, на котором любители японской анимации участвовали в различных творческих конкурсах: косплей (переодевание в костюм любимого героя аниме), караоке и каверс-данс. На этот раз аниме-пати пройдёт в Парке дружбы народов 8 июля. Планируется пикник с конкурсами и сценками. Кто желает, может принять участие в импровизированном косплее.

(Мозаика, №25 (175) 29 июня – 5 июля 2012 г.).

2. Какое впечатление он на вас произвёл? Понравился вам текст? (Предполагаемые ответы учащихся).

3. Как вы думаете, о чём мы будем говорить на занятии? (О публицистическом стиле, о заимствованных словах, о СМИ и др.).

Да, мы сегодня поговорим об особенностях употребления заимствований в публицистических текстах, в текстах СМИ.

4. Каким будет главный вопрос нашего урока? Мы попробуем выработать каждый свою позицию по поводу употребления заимствований в текстах СМИ.

II. Беседа по тексту

– О чём говорится в тексте? (Видимо, о каком-то аниме-фестивале, который должен скоро состояться).

– Всё ли вам понятно? (Не совсем).

– Что затрудняет прочтение и понимание статьи? (Обилие заимствованных слов).

– Вспомните, какие слова называются заимствованными.

III. Словарная работа

– Давайте перечислим встретившиеся в статье непонятные заимствования (и подчеркнём их). (*Анимешники, аниме, косплей, каверс-данс, аниме-пати* и др.).

– Какое слово, как вам кажется, является ключевым в статье? (*Аниме*).

– Как вы думаете: что же такое аниме? (Может быть, что-то, связанное с животными, а может быть, с мультипликацией.) Анимешник? Косплей? Каверс-данс? Пати?

– Как же узнать значение неизвестного заимствования? (Для того чтобы узнать значение неизвестного заимствования, необходимо использовать словари иностранных слов, ресурсы сети Интернет).

– Обратимся сначала к словарям иностранных слов, чтобы проверить ваши толкования заимствований. Зафиксированы ли они в словарях иностранных слов? (Нет.)

– Как думаете: почему? (Словари порой не успевают фиксировать некоторые заимствования, стремительно входящие в последнее время в нашу речь).

– Тогда обратимся к ресурсам сети Интернет, которая, как оказывается, гораздо быстрее реагирует на появление новых слов в нашем языке.

Аниме – особый жанр мультипликационных фильмов, созданный японскими художниками.

Анимешник – человек, интересующийся аниме, занимающийся аниме, подражающий персонажам из аниме.

Косплей – переодевание в костюм любимого героя аниме.

Караоке – развлечение, заключающееся в непрофессиональной пении с использованием устройства, позволяющего петь под заранее записанную музыку (фонограмму); также само устройство.

Кавер-данс – танцевальная постановка.

Пати – сбор компании с целью отдыха, вечеринка, тусовка.

(<http://ru.wikipedia.org/>)

– Каково ваше мнение: нужны нам все эти иностранные слова или без них вполне можно обойтись? (Предполагаемые ответы учащихся: да, необходимы, это примета сегодняшнего времени; нет, не нужны, ведь они рождают много вопросов, значения многих иностранных слов непонятны и др.).

IV. Исследование текста

– Давайте попробуем это сделать – заменить заимствованные слова русскими. Работаем в парах в течение 5 мин.

– Проверим, что у вас получилось (учащиеся читают свои варианты). А вот что получилось у меня.

Любители японских мультфильмов на вечеринке.

В мае впервые за долгое время прошёл фестиваль мультипликационных фильмов, созданных японскими художниками, на котором любители японской мультипликации участвовали в различных творческих конкурсах: переодевании в костюм любимого героя японского мультфильма, в пении под фонограмму и танцевальной постановке. На этот раз вечеринка пройдёт в Парке дружбы народов 8 июля. Планируется весёлая прогулка на природе с конкурсами и сценками. Кто желает, может принять участие в переодевании в костюм любимого героя японского мультфильма без предварительной подготовки.

– Как изменился текст? (Предполагаемые ответы учащихся: он стал яснее и проще; он стал громоздким, в нём появилось много повторов и т.д.)

– Вам нравятся ваши видоизменённые тексты? (Нет). Что же получается: исходный текст вам не понравился, переделанные тексты тоже. В чём же дело? (С уходом заимствованных слов пропадает стиль, эффект рекламы, загадка и интрига). Можно ли вообще обойтись без заимствований, а особенно в текстах СМИ? (Наверное, всё-таки нет).

V. Выявление функций заимствований в текстах СМИ.

– Давайте попробуем предположить, почему автор статьи употребил в ней непонятную заимствованную лексику. (Наверное, для того, чтобы вызвать любопытство у читателей, желание разобраться в непонятной терминологии; а может быть, журналист рассчитывал на то, что использованные им иноязычные слова всем известны и понятны, или на то, что статья адресована лишь узкому

кругу читателей, знающих, о чём / ком идёт речь; журналист использовал заимствованные слова в статье и потому, что сегодня это модно, престижно).

– Действительно, одной из важных функций использования на страницах газет и журналов заимствованной лексики является экспрессивная, или воздействующая, функция. Для достижения высокой эффективности воздействия на читателей журналист должен учитывать их интересы, уровень культуры, знаний, социальный статус и другие качества. Чтобы стать ближе к своему читателю, говорить с ним на одном языке, журналист прибегает к разным «уловкам», в том числе и к использованию заимствованных слов.

VI. Подведение итогов

– Как же мы ответим на главный вопрос урока? (Следует объективно относиться к заимствованиям на страницах периодических изданий. Злоупотреблять ими ни в коем случае нельзя, но иногда без них обойтись невозможно).

Подводя итоги, можно утверждать, что работа с актуальной медиаречью превращает изучение лексики в увлекательное исследование. Публицистические тексты, богатые иностранными словами и игровыми оборотами, помогают учащимся осознать, как живет и меняется русский язык сегодня [3, с. 311]. Такой формат обучения активизирует мыслительную деятельность и прививает вкус к анализу текста. Важно, что это не просто расширяет словарный запас, но и помогает подросткам лучше ориентироваться в современном информационном пространстве, развивая их коммуникативную культуру.

Список использованных источников и литературы:

[1] Глебова З.В., Левушкина О.Н. Приёмы работы с текстами современных СМИ в процессе изучения заимствованной лексики / Межвузовский сборник научных трудов. Том 2. Выпуск 9. Министерство образования и науки Российской Федерации, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2010. С. 110-113.

[2] Глебова З.В. Изучение заимствованных слов в школе с опорой на культурные традиции: практико-ориентированная монография. Ульяновск: УИПКПРО, 2015. 100 с.

[3] Сковородников А.П. Расширение фигуральных возможностей языка современной российской прессы // Русский язык сегодня. Выпуск 2. Активные языковые процессы конца XX века / Под ред. Л.П. Крысина. – М.: Азбуковник. – 2003. – 633 с.

© З.В. Глебова, В.В. Попова, 2026

*С.Н. Ержанова,
магистрант 1 года обучения,
Н.А. Садвакасова,
старший преподаватель,
науч. рук.: А.Р. Рымханова,
доктор философии (PhD), ассоциированный
профессор и заведующий кафедры
специального и инклюзивного образования
НАО «Карагандинский национальный исследовательский
университет имени академика Е.А. Букетова»,
г. Караганда, Казахстан*

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК В ПРИКЛАДНОМ АНАЛИЗЕ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫМ НАВЫКАМ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Аннотация: статья посвящена анализу возможностей применения методов прикладного анализа поведения при формировании социально-бытовых навыков у детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра (далее РАС). Обосновывается значимость развития навыков самообслуживания как важнейшего условия формирования самостоятельности и социальной адаптации ребёнка. Особое внимание уделяется методу поведенческих цепочек, позволяющему эффективно обучать детей выполнению сложных многоэтапных действий. Рассматриваются основные способы построения поведенческих цепочек, а также педагогические условия их использования в коррекционно-развивающей практике. Подчеркивается, что применение данного метода способствует повышению уровня самостоятельности и улучшению качества повседневной жизни детей с РАС.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, социально-бытовые навыки, прикладной анализ поведения, поведенческие цепочки, навыки самообслуживания, дошкольный возраст.

В практике сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС) достаточно часто можно наблюдать ситуацию, при которой основное внимание специалистов и родителей сосредотачивается преимущественно на развитии когнитивной и академической сферы. При этом вопросы формирования базовых навыков самообслуживания нередко оказываются на втором плане. В результате у части дошкольников с аутизмом, даже при относительно сохранном интеллекте, отмечается выраженная несформированность элементарных бытовых умений.

Для выстраивания эффективной коррекционной работы принципиально

важно учитывать специфику самого нарушения. Так, К.С. Лебединская рассматривает аутизм как состояние, характеризующееся своеобразной отгороженностью от внешнего мира, уходом во внутренние переживания, а также искажёнными или парадоксальными реакциями на окружающую действительность [1]. Исторически сам термин «аутизм» был введён Э. Блейлером в 1911 году и первоначально использовался для обозначения особого типа мышления, ориентированного преимущественно на внутренние процессы и слабо связанного с объективной реальностью [2].

В структуре коррекционно-развивающей помощи детям с РАС формирование социально-бытовых навыков занимает одно из центральных мест. Это обусловлено тем, что именно данные навыки лежат в основе становления самостоятельности и определяют уровень адаптации ребёнка в повседневной жизни. Практические наблюдения и данные исследований показывают, что дети, овладевшие навыками самообслуживания и элементарного социального поведения, в дальнейшем демонстрируют более высокий уровень включённости в социальную среду.

Под социально-бытовыми навыками в научной литературе понимается совокупность умений и способов поведения, обеспечивающих организацию собственной деятельности и взаимодействие с окружающими в типичных жизненных ситуациях [3]. Их активное формирование приходится на дошкольный возраст (примерно от 3 до 6–7 лет), который традиционно рассматривается как сенситивный период развития. В это время ведущей деятельностью ребёнка является игра, через которую происходит освоение социальных норм, ролей и правил. Одновременно формируются предпосылки произвольного поведения: ребёнок начинает в большей степени ориентироваться на требования ситуации, а не только на собственные импульсы.

Освоение социально-бытовых навыков начинается в семье и затем продолжается в образовательной среде [4]. Однако у детей с РАС этот процесс протекает значительно сложнее. Трудности связаны с нарушениями социального взаимодействия, сниженной способностью к концентрации внимания, повышенной тревожностью, а также особенностями сенсорной обработки. Всё это требует применения специально организованных, структурированных методов обучения.

Одним из наиболее разработанных и широко применяемых подходов в данном направлении является прикладной анализ поведения (Applied Behavior Analysis, АВА), развитие которого связано с работами О. Айвара Ловааса. В основе подхода лежит анализ взаимосвязи между поведением и его последствиями. Поведение, которое приводит к значимым для ребёнка результатам, имеет тенденцию закрепляться, тогда как не подкрепляемые формы постепенно ослабевают [5].

Как отмечает О. Мелешкевич, в рамках прикладного анализа поведения внимание специалиста направлено прежде всего на наблюдаемые и измеряемые формы поведения. Это принципиально отличает данный подход от направлений, опирающихся на интерпретацию внутренних состояний. В связи с

этим сложные действия – такие как мытьё рук, одевание или выполнение бытовых поручений – рассматриваются не как единое целое, а как последовательность конкретных, чётко описанных шагов [6].

Именно многошаговый характер бытовых навыков во многом объясняет трудности их формирования у детей с РАС. Задачи, требующие выполнения последовательности действий, могут вызывать у ребёнка растерянность, тревогу или отказ от взаимодействия. В этой связи особое значение приобретает метод поведенческих цепочек.

Метод поведенческих цепочек предполагает поэтапное формирование сложного навыка путём его разбиения на отдельные действия, выстроенные в определённой последовательности. Такая структура позволяет сделать процесс обучения более понятным и предсказуемым для ребёнка. При этом каждое действие в цепочке выступает не только как самостоятельный элемент, но и как условие для перехода к следующему шагу.

В прикладном анализе поведения выделяют несколько вариантов формирования поведенческих цепочек, выбор которых определяется особенностями ребёнка и характером навыка.

1. Прямая последовательность (forward chaining).

При данном варианте обучение начинается с первого шага. Ребёнку предлагается освоить начальное действие, при необходимости с использованием подсказок различного уровня. Остальные этапы на первых порах выполняет взрослый. По мере закрепления первого шага к нему добавляется следующий, затем третий и так далее. Таким образом, навык формируется постепенно – от начала к завершению. Данный подход особенно удобен в тех случаях, когда первые действия относительно просты и не вызывают у ребёнка выраженных затруднений.

2. Формирование цепочки целиком (total-task chaining).

В этом случае ребёнок с самого начала включается в выполнение всей последовательности действий. Специалист оказывает помощь на тех этапах, которые пока не сформированы, и постепенно снижает её объём. Такой вариант целесообразен, если у ребёнка уже есть отдельные компоненты навыка и он способен удерживать внимание на протяжении всей деятельности. Дополнительным преимуществом является то, что ребёнок сразу видит результат своих действий, что может усиливать мотивацию.

3. Обратная последовательность (backward chaining).

Данный способ предполагает начало обучения с последнего шага. Взрослый выполняет основную часть действий, а ребёнку предлагается завершить цепочку. После этого он сразу получает подкрепление, что усиливает значимость выполненного действия. Постепенно к последнему шагу добавляются предыдущие, пока ребёнок не освоит всю последовательность [7]. Этот вариант часто оказывается особенно эффективным, поскольку позволяет ребёнку с самого начала переживать ситуацию успеха.

Практика показывает, что результативность применения метода поведенческих цепочек во многом зависит от точности анализа навыка, адекватного выбора стратегии обучения и систематического снижения

подсказок. Не менее важным является учёт индивидуальных особенностей ребёнка и подбор значимых для него подкреплений.

В целом использование метода поведенческих цепочек позволяет не только сформировать конкретные социально-бытовые навыки, но и способствует развитию самостоятельности, снижению уровня тревожности и повышению уверенности ребёнка в собственных возможностях. Это делает данный метод одним из ключевых инструментов в системе помощи детям дошкольного возраста с РАС.

Список использованных источников и литературы:

[1] Лебединская К.С., Никольская О.С. Дефектологические проблемы раннего детского аутизма // Дефектология. 2009. №2. – С. 10-15.

[2] Блейлер Э. Аффективность, внушение, паранойя. М.: ВИНТИ, 2001. – 208 с.

[3] Парк К. Социальное развитие аутиста: глазами родителя // Московский психотерапевтический журнал. 1994. №3. – С. 65-95.

[4] Екжанова Е.А., Стребелева Е.А. Коррекционно-развивающее обучение и воспитание. Программа дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушением интеллекта. М.: Просвещение, 2005. – 272 с.

[5] Веденина М.Ю., Окунева О.Н. Использование поведенческой терапии аутичных детей для формирования навыков бытовой адаптации // Дефектология. 2007. №3.

[6] Эрц Ю., Мелешкевич О. Особые дети. Введение в прикладной анализ поведения (АВА): принципы коррекции проблемного поведения и стратегии обучения детей с расстройствами аутистического спектра и другими особенностями развития. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2015. – 208 с.

[7] Соломей С.О. Зарубежные методы работы поведенческой терапии с аутичными детьми. М.: Атлас, 2004. – 207 с.

© С.Н. Ержанова, А.Р. Рымханова, Н.А. Садвакасова, 2026

*Н.Н. Меркушина,
воспитатель,
С.Н. Веденькина,
учитель - логопед,
Я.Ю. Родина,
музыкальный руководитель
МАДОУ «Детский сад №82 комбинированного вида»,
г. Саранск, Российская Федерация*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ В ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА В ДЕТСКОМ САДУ

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема взаимодействия педагогов дошкольного образовательного учреждения и родителей в процессе формирования патриотических чувств у детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотические чувства, дошкольный возраст, формирование личности.

Воспитание патриотизма у детей является одной из ключевых задач современного образования, особенно в дошкольных учреждениях. Патриотизм формирует у детей чувство гордости за свою страну, уважение к её культуре и традициям. В этом процессе важную роль играют как педагоги, так и родители. Их взаимодействие может значительно повысить эффективность воспитательных мероприятий, направленных на развитие патриотических чувств у детей.

Дошкольное детство – фундамент общего развития ребёнка. Чувство патриотизма начинается с любви к семье, дому, улице, городу – то есть к тому, что составляет «малую Родину» ребёнка. Поэтому успешное патриотическое воспитание возможно только при тесном взаимодействии педагогов детского сада и родителей [4].

Роль семьи в патриотическом воспитании.

Семья – первый и самый важный институт воспитания. В семье ребёнок: получает первые представления о традициях и обычаях своего народа; усваивает семейные ценности и историю рода; видит пример отношения родителей к Родине, её истории и культуре; учится любить близких, что становится основой любви к своей стране [1].

Их активное участие в образовательном процессе помогает укрепить связь между домом и детским садом. Основные аспекты участия родителей включают:

1. Поддержка педагогических инициатив:

– Участие в родительских собраниях и обсуждение вопросов патриотического воспитания.

– Согласование домашних заданий, связанных с патриотической тематикой.

2. Обсуждение тем истории и культуры:

– Чтение книг о выдающихся деятелях страны и обсуждение их вклада в историю.

– Просмотр фильмов о событиях, важных для формирования национальной идентичности.

3. Семейные традиции:

– Введение семейных праздников, связанных с историческими событиями или культурными традициями.

– Создание семейного альбома с фотографиями и рассказами о предках и их достижениях.

4. Создание домашней атмосферы:

– Оформление дома с использованием национальной символики и элементов культуры.

– Участие в обсуждении важности уважения к культурному наследию.

5. Обсуждение актуальных событий:

– Разговоры о современных вызовах и достижениях страны, формирование у детей понимания их значимости.

– Обсуждение вопросов гражданской ответственности и активного участия в жизни общества.

6. Обучение через примеры:

– Личный пример родителей в проявлении патриотизма – участие в выборах, волонтерских акциях, общественных мероприятиях.

– Рассказы о своих собственных переживаниях и опыте, связанном с проявлением любви к родине.

7. Совместное времяпрепровождение:

– Проведение выходных на природе с акцентом на изучение родного края (походы, экскурсии).

– Участие в совместных семейных проектах, направленных на изучение истории семьи и страны.

Роль педагогов детского сада.

Педагоги создают условия для систематического и целенаправленного патриотического воспитания:

– формируют у детей представления о родной стране, её символах, истории, культуре;

– знакомят с традициями и обычаями народов России;

– развивают интерес к родному краю, его природе, достопримечательностям;

– воспитывают уважение к людям разных национальностей;

– организуют деятельность, способствующую формированию патриотических чувств [3].

В детском саду создаются специальные условия: оформляются уголки патриотического воспитания, организуются тематические занятия, праздники, экскурсии [2].

Принципы взаимодействия педагогов и родителей.

Для эффективного патриотического воспитания необходимо придерживаться следующих принципов [5]:

Единство целей и задач. Педагоги и родители должны понимать важность патриотического воспитания и стремиться к общим результатам.

Взаимодействие и взаимопомощь. Открытый диалог, уважение к мнению друг друга, готовность прийти на помощь.

Системность и последовательность. Регулярное взаимодействие, планомерная работа в течение всего учебного года.

Учёт индивидуальных особенностей. Признание уникальности каждой семьи, её традиций и возможностей.

Активность и вовлечённость. Родители не просто информируются, а становятся активными участниками воспитательного процесса.

Формы взаимодействия педагогов и родителей.

Существует множество форм сотрудничества, которые помогают объединить усилия семьи и детского сада в патриотическом воспитании [6]:

Информационно-просветительские:

- родительские собрания на темы патриотического воспитания;
- консультации («Как рассказать ребёнку о Родине», «Семейные традиции как основа патриотизма» и т.д.);
- информационные стенды, папки-передвижки;
- буклеты и памятки;
- тематические стенгазеты и журналы;
- онлайн-ресурсы (группы в мессенджерах, сайты ДОУ).

Практические:

- совместные проекты («Моя семья в истории страны», «Мой город», «Герой моей семьи» и др.) [4];
- создание семейных фотоальбомов («Наши деды – славные Победы», «Герой в моей семье»);
- участие в акциях («Бессмертный полк», «Георгиевская лента»);
- организация выставок («Народные промыслы нашего края», «Военная техника» и т.п.).

Досуговые:

- совместные праздники и развлечения («День народного единства», «День защитника Отечества», «Масленица», «День Победы») [4];
- семейные музыкально-спортивные мероприятия («Папа, мама, я – спортивная семья»);
- фольклорные праздники («Колядки», «Осенины»);
- экскурсии по памятным местам города, в музеи, библиотеки.

Исследовательские:

- маршруты выходного дня («Семейный поход по памятным местам родного города»);
- поисковая деятельность (сбор материалов об истории семьи, города)[3];
- составление генеалогических древ, создание семейных гербов.

Творческие:

- конкурсы рисунков и поделок («Мой любимый город», «Зимняя сказка»);
- театрализованные представления («Богатыри земли русской»);
- музыкальные гостиные («Песни военных лет», «О русских традициях»).

Результаты совместной работы.

При грамотном взаимодействии педагогов и родителей можно достичь следующих результатов [6]:

- у детей формируется любовь к семье, родному городу, стране;
- развивается интерес к истории и культуре России;
- воспитывается уважение к традициям разных народов;
- укрепляется связь поколений через семейные традиции;
- родители становятся более компетентными в вопросах патриотического воспитания;
- повышается активность семей в жизни детского сада.

Взаимосвязь педагогов и родителей – необходимое условие успешного патриотического воспитания дошкольников [5]. Только совместными усилиями можно пробудить в детях любовь к Родине, воспитать уважение к её истории и традициям, сформировать чувство гордости за свою страну.

Сотрудничество семьи и детского сада должно быть основано на доверии, взаимопонимании и общих целях. Разнообразии форм взаимодействия позволяет вовлечь родителей в воспитательный процесс, сделать его интересным и продуктивным для всех участников.

Список использованных источников и литературы:

- [1] Абсалямова А.Г. Концепция регионального содержания дошкольного образования. – Уфа: БГПУ, 2006.
- [2] Анисимова Л.А., Борисова О.Н., Рамзаева Е.Н. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников средствами народной культуры // Грани познания. – 2019. – №4 (63). – С. 4-6.
- [3] Батаговская Н.Н., Беляева Г.В., Малявина Н.Н. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников посредством ознакомления с Родиной // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. трудов XXIV междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 28 октября 2019 г.). – Белгород, 2019. – С. 109-112.
- [4] Беседы с родителями о нравственном воспитании дошкольника: кн. для воспитателя дет. сада. – М.: Просвещение, 1987.
- [5] Бобрикова Е.В., Бочарникова С.Д., Кокуркина Я.С. Патриотическое воспитание дошкольников посредством развивающих игр // Научные исследования и современное образование: сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 02 июля 2018 г.). – Чебоксары, 2018. – С. 47-50.
- [6] Вагина Т.М. Патриотическое воспитание дошкольников через ознакомление с историей и культурой русского народа // Вопросы дошкольной педагогики. – 2018. – №4 (14). – С. 3-10.

© Н.Н. Меркушина, С.Н. Веденькина, Я.Ю. Родина, 2026

*А.Е. Никитина,
магистрант 1 курса
напр. «Научно методическое сопровождение
дошкольного образования»,
науч. рук.: Т.А. Котлякова,
к.п.н., доц.,
УлГПУ им. И.Н. Ульянова,
г.Ульяновск, Российская Федерация*

РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ИНИЦИАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕТСКИХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: данная статья посвящена обоснованию методологических оснований исследования развития самостоятельности и инициативности у детей старшего дошкольного возраста. В работе показано, что традиционные прямые педагогические воздействия недостаточны для формирования данных качеств. Статья адресована магистрантам, педагогам-исследователям и практикам дошкольного образования.

Ключевые слова: старший дошкольный возраст, самостоятельность, инициативность, детские проекты, средовый подход, пространство детской реализации, дошкольная образовательная организация.

В контексте нашего диссертационного исследования на тему «Развитие самостоятельности и инициативности у детей старшего дошкольного возраста в процессе реализации детских проектов» особое значение приобретает выбор методологических оснований, которые позволят наиболее полно раскрыть сущность изучаемых процессов.

Теоретический анализ проблемы показал, что развитие самостоятельности и инициативности не происходит спонтанно: для этого необходимо создавать особое пространство детской реализации. Под этим термином мы понимаем совокупность педагогических условий, механизмов и методических шагов, которые побуждают ребенка к активному действию, проявлению собственной позиции и творческому поиску [2; 5].

В качестве одного из эффективных вариантов построения такого пространства мы рассматриваем организацию детских проектов. Проектная деятельность позволяет ребенку не просто выполнять указания взрослого, а быть субъектом собственной деятельности: самому задумывать идею, искать способы ее реализации, преодолевать трудности и видеть результат [3].

В связи с этим в качестве основного методологического основания нашего исследования выбран средовый подход. Данный подход является одним из ведущих в современной педагогике и психологии. Его суть заключается в том, что развитие личности рассматривается через взаимодействие с

окружающей средой [1; 4].

Применительно к нашему исследованию, средовый подход позволяет сместить акцент с прямого педагогического воздействия на организацию такого образовательного пространства, которое само «провоцирует» ребенка на проявление самостоятельности и инициативы в ходе работы над проектами.

Сущность средового подхода заключается в рассмотрении образовательного пространства дошкольной образовательной организации как комплекса возможностей, условий и средств, которые либо стимулируют, либо тормозят развитие детской инициативности и самостоятельности. В центре внимания находится не прямое воздействие на ребенка, а организация насыщенной, вариативной и проблемной среды, в которой ребенок, реализуя свои проекты, «тренирует» и проявляет указанные качества.

Данный подход опирается на следующие принципы:

– принцип событийности: среда должна быть не статичной, а постоянно меняющейся, наполненной «событиями» (стартами проектов, интересными находками, проблемными ситуациями), которые побуждают ребенка к действию и высказыванию идей;

– принцип диалогичности: взаимодействие в среде строится как диалог ребенка с миром предметов, других детей и взрослого; взрослый не дает готовых ответов, а «провоцирует» среду на вопросы к ребенку (например, через изменение предметно-пространственного окружения);

– принцип вариативности и выбора: среда предоставляет множественные возможности для выбора (чем заняться, какой материал использовать, с кем объединиться для проекта, какое решение проблемы принять), что напрямую развивает самостоятельность;

– принцип субъектной позиции: среда не только влияет на ребенка, но и сама изменяется под влиянием его проектной деятельности; ребенок выступает субъектом, который обустроивает свое «пространство реализации» (выставляет поделки, организует мини-выставку, создает разметку для игры) [6].

В рамках нашего исследования предполагаемые формы взаимодействия с детьми включают:

– создание «обогащенного пространства детской реализации»: «Центров инициатив, где дети могут самостоятельно зарождают и начинать свои проекты;

– технологию «Утренний/Вечерний круг» как элемент средового подхода, где дети вносят предложения по изменению среды или запуску проекта, становясь активными соавторами среды;

– «гибкое планирование»: педагог не навязывает жесткий план проекта, а «достраивает» среду под идеи детей.

Для того чтобы показать, как выбранный методологический подход работает не на словах, а на деле, необходимо рассмотреть его проекцию на структуру нашей диссертационной работы. Средовый подход в данном случае выступает не просто теоретической рамкой, а реальным инструментом организации исследования на каждом его этапе.

1. На теоретическом этапе, средовый подход позволяет нам проанализировать существующие педагогические концепции через призму

понятий «пространство детской реализации», «обогащенная среда», «условия для проявления инициативы».

2. На диагностическом этапе, исходя из средового подхода, мы не можем оценивать самостоятельность ребенка «вообще», в отрыве от среды. Диагностика должна быть построена так, чтобы фиксировать:

- как ребенок взаимодействует с элементами среды;
- насколько среда в ДОО провоцирует или, наоборот, гасит детскую инициативу.

3. На формирующем этапе, средовый подход реализуется напрямую. Мы проектируем и внедряем обогащенное пространство детской реализации через организацию детских проектов. Ключевая задача – не «научить» детей быть самостоятельными (прямое воздействие), а создать такие условия, так изменить среду, чтобы она сама толкала ребенка к проявлению инициативы. Взрослый выступает не транслятором знаний, а архитектором среды и соучастником детских проектов.

4. На контрольном этапе, мы оцениваем не только итоговый уровень самостоятельности у детей, но и то, как изменилось их взаимодействие со средой. Стали ли они активнее в выборе? Начали ли сами инициировать изменения в пространстве группы? Возникла ли у них «субъектная позиция» по отношению к окружающей обстановке? Это и есть главный критерий эффективности с точки зрения средового подхода.

Таким образом, средовый подход пронизывает всю логику нашего исследования – от постановки проблемы до интерпретации результатов. Он позволяет рассматривать развитие самостоятельности и инициативности не как прямую передачу качеств от педагога к ребенку, а как закономерный результат пребывания ребенка в особой, педагогически организованной среде. Организация детских проектов, в свою очередь, выступает в нашем исследовании тем самым механизмом, который делает эту среду динамичной, событийной и действительно «работающей» на развитие детской субъектности.

Список использованных источников и литературы:

[1] Мануйлов Ю.С. Средовый подход в воспитании: монография / Ю.С. Мануйлов. – М.; Н.Новг.: Изд-во Волго-Вятской ак. гос. службы, 2002. – 157 с.

[2] Михайленко Н.Я. Организация сюжетной игры в детском саду: пособие для воспитателя / Н.Я. Михайленко, Н.А. Короткова. – М.: Линка-Пресс, 2009. – 96 с.

[3] Поливанова К.Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя / К.Н. Поливанова. – М.: Просвещение, 2011. – 192 с.

[4] Слободчиков В.И. Психология развития человека / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школьная Пресса, 2000. – 416 с.

[5] Смирнова Е.О. Детская психология: учебник для вузов / Е.О. Смирнова. – СПб.: Питер, 2015. – 304 с.

[6] Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

© А.Е. Никитина, 2026

*В.С. Самойлова,
магистрант 2 курса,
науч. рук.: А.Б. Тугаров,
д.фил.н., проф.,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
Педагогический институт им. В.Г. Белинского,
г. Пенза, Российская Федерация*

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДИКА И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам психосоциальной поддержки детей дошкольного возраста, находящихся в неблагоприятных условиях. В статье предлагается использование метода социального конструирования реальности как инновационного инструмента в практике психосоциальной поддержки детей дошкольного возраста. Метод основан на философии конструктивизма, теории социальной интеракции и идеи социальной природы познания. Основное внимание уделяется созданию позитивной и безопасной социокультурной среды, способствующей укреплению уверенности ребенка, развитию его коммуникативных способностей и осознанию собственного места в сообществе. Подчеркивается важность индивидуального подхода к каждому ребенку, учета его особенностей, потребностей и темперамента. Отмечается ключевая роль педагогов и психологов в создании доверительных условий, снижении тревожности и формировании положительного эмоционального фона у ребенка. Акцентируется значимость сотрудничества родителей и сотрудников детских садов, регулярного обмена информацией о ребенке и совместных мероприятий, направленных на установление прочного контакта между семьей и образовательной организацией.

Ключевые слова: психосоциальная поддержка, дети дошкольного возраста, эмоциональное благополучие, социальное конструирование реальности.

В настоящее время проблема психосоциальной поддержки детей дошкольного возраста, находящихся в сложных социально-бытовых условиях, является актуальной, так как неблагоприятные факторы окружающей социальной среды, включая низкий материальный достаток семьи, наличие внутрисемейного насилия, недостаток родительской заботы и внимания, провоцируют появление широкого спектра негативных эффектов среди детей дошкольного возраста: начиная от эмоциональных расстройств и заканчивая замкнутостью и девиантностью поведения.

Следовательно, современные социальные, прежде всего образовательные, практики требуют разработки инновационных педагогических технологий и подходов, нацеленных на долгосрочную психосоциальную помощь и активное участие самих детей в процессе изменения их жизненной ситуации.

Научные исследования подчеркивают важность комплексной программы действий, направленной на социальную и социокультурную реабилитацию и улучшение состояния психики ребёнка, повышение его эмоционального комфорта и успешной интеграции в сообщество [8, с. 738].

Особый интерес исследователей вызывает необходимость своевременно и качественно оказывать психосоциальную помощь ребёнку. По мнению Л.А. Рыбаковой и Т.Ф. Бабыниной наиболее эффективной является ранняя интервенция, позволяющая предотвратить развитие серьёзных психологических проблем у детей дошкольного возраста из неблагополучных семей. Учёные убеждены, что проактивный подход к организации психосоциальной поддержки таких детей даёт значительно лучшие результаты, чем социально-терапевтическая работа с уже сформировавшимися у ребёнка психологическими нарушениями [9, с. 134].

В свою очередь, В.С. Мухина рассматривает психосоциальную работу с ребёнком дошкольного возраста как сложный многоуровневый процесс, объединяющий меры восстановления психического равновесия, развитие необходимых социальных компетенций и воспитание адаптивных поведенческих моделей [2].

Социально дезадаптированные дети, растущие в семьях с низким социально-экономическим статусом или в условиях семейного насилия, могут проявлять агрессивное поведение, тревожность, депрессию, или, наоборот, у них развивается излишняя пассивность и изоляция от окружающих [4, с. 226; 8, с. 22]. Исследования показывают, что дети, подвергающиеся насилию или живущие в семьях с хроническими социальными проблемами, чаще страдают от нарушений психо-эмоционального характера, таких как посттравматическое стрессовое расстройство, тревожные расстройства и депрессия [3, с. 292].

Традиционно психосоциальная работа с детьми дошкольного возраста, находящимися в семьях со сложными социальными условиями, направлена на устранение негативных факторов. Это включает в себя профессиональное вмешательство воспитателей дошкольных образовательных учреждений и специалистов социальных служб, помощь в обеспечении минимального уровня жизни, а также психотерапевтическую помощь, направленную на снятие стресса.

Традиционные методы, несмотря на их значимость, не всегда обеспечивают долгосрочные результаты. Они ориентированы на краткосрочную стабилизацию ситуации, но не способствуют изменению отношения ребёнка к социальной реальности. Кроме того, традиционные методы часто игнорируют индивидуальные особенности детей дошкольного возраста и их потребности в процессе личностного роста и самовыражения [6, с. 110].

Исторические корни концепции и метода социального конструирования

реальности восходят к ряду философских и социологических традиций.

Одной из них является конструктивизм, который подчеркивает важность социального взаимодействия в формировании знаний и значений. Среди философов и учёных, оказавших влияние на такое понимание социальной действительности, следует выделить таких, как Мартин Хайдеггер, Морис Мерло-Понти, Питер Бергер, Томас Лукман, Эдвард Сепир и Бенжамин Уорф.

Философские размышления М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти посвящены изучению взаимосвязи социального бытия, чувственного опыта и вербального выражения. Оба автора подчеркивали, что восприятие человеком окружающего мира формируется посредством личного опыта и активного взаимодействия с ним.

Например, М. Хайдеггер подробно рассматривал проблему взаимоотношений между существованием и языком, утверждая, что повседневная жизнь индивида протекает бессознательно, вне рефлексии над обыденными действиями. В трактате «Язык» философ утверждал, что речь не является простым отражением мыслей или результатом человеческой деятельности, а сама структура языка соответствует человеку, раскрывая ему суть вещей и явления мира.

М. Мерло-Понти акцентировал внимание на взаимодействие тела и мира, которое проявляется в языке. Языковое выражение воплощает собой не только образы предметов, но и накопленный опыт взаимодействия с этими предметами. Более того, язык выводит наружу скрытые процессы нашего сознания, делая доступным содержание наших мыслей [7, с. 71].

Таким образом, оба философа подчёркивали, что познание человеком окружающего мира обусловлено личным опытом и активным взаимодействием, причём важную роль играет язык, служащий средством отображения и выявления этого опыта.

Гипотеза относительности языка, выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом, лежит в основе их исследовательской деятельности. Она заключается в том, что язык формирует мысли и восприятия индивида, что также связано с социальными конструкциями [5, с. 636]. Анализируя языки североамериканских индейцев, учёные сделали вывод о том, что категории языка существенно влияют на человеческое мышление и, соответственно, формируют картину воспринимаемого мира.

Создатели социально-конструкционистского направления в феноменологии П. Бергер и Т. Лукман в своем труде «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» высказывают идею, согласно которой каждый индивид в ходе постоянного изучения внешнего окружения («действительности») создает собственный образ окружающего мира, выступающий предметом повседневной познавательной активности [1].

В основе их концепции феноменологической социологии знания и концептуальных подходов их последователей находится поиск и обоснование ответа на вопрос: «Как создаётся социальная реальность и как эта реальность изменяет своего создателя – человека?». Для П. Бергера и Т. Лукмана

предметом «социологии знания» является взаимосвязь мышления человека и конкретной социальной среды, в рамках которой оно формируется.

Данная взаимозависимость человеческого сознания и внешней социальной среды порождает и структурирует определённый вариант социальной реальности. Этот процесс социального моделирования, как считают авторы, должен стать ключевым направлением прикладных социальных исследований и последующего анализа полученных данных.

Изучение литературы позволило выявить сущностно-содержательные характеристики метода социального конструирования реальности, такие как: объективизация, инернализация, динамическая природа реальности.

Социальная реальность возникает и существует благодаря согласованным действиям и взаимопониманию членов общества. Каждый человек проходит путь интернализации, включающий интеграцию в общество и освоение принятых социальных норм, стандартов и моделей поведения. Без этого невозможно полноценное существование и эффективное взаимодействие в социальной среде.

Также социальная реальность постоянно меняется и реконструируется в процессе повседневной жизни. Новые знания, технологии и культурные изменения приводят к трансформации социальных практик и научных понятий.

Следовательно, практика применения метода социального конструирования реальности складывается под влиянием философской, социологической традиции, изучающей влияние языка, культуры и социальных обычаев на мировоззрение и восприятие человека. Эта традиция имеет важное теоретико-методологическое значение для осмысления современных семейных проблем и особенностей взаимодействия членов семьи в контексте воспитания детей дошкольного возраста.

Кроме того, исторические обстоятельства и ключевые события в обществе, такие как военные конфликты, политические и экономические кризисы и другие, существенно влияют на формирование социальных конструкций. Эти факторы способны кардинально изменить восприятие индивидом социальной реальности в обществе. Принципиально важно то, что отдельная семья как малая социальная группа в значительной степени развивается и функционирует, проявляя себя через различные социальные конструкции. Данные конструкции определяют личностные роли, социальные ожидания и динамику межличностного взаимодействия внутри семьи.

Применение феноменологического метода социального конструирования реальности в профессиональной работе с семьями с детьми дошкольного возраста, помогает специалистам социальной сферы глубже разобраться в том, как дети воспринимают и осмысливают собственные эмоции и окружающую их социально-психологическую обстановку в семье. Это понимание способно оказать заметное влияние на нравственно-духовное состояние детей дошкольного возраста, их психологическое благополучие и социокультурную адаптацию в период пребывания в дошкольном учреждении образования.

Применение этого метода в практической социальной работе с детьми предполагает создание позитивной и безопасной социокультурной среды,

которая способствует развитию уверенности, коммуникативных навыков и осознанию ребёнком дошкольного возраста своего места в сообществе.

Анализируемый метод социальной практики фокусируется на формировании положительной атмосферы вокруг ребёнка, обеспечивая ему безопасные и комфортные условия. Через специальные упражнения и занятия ребёнок дошкольного возраста учится видеть положительные стороны своей личности. Также важнейшей частью метода социального конструирования реальности является обучение ребёнка дошкольного возраста выполнению основных социальных ролей, помогающих адаптироваться в местном сообществе.

В проведённом исследовании нашло отражение то, что психо-эмоциональное состояние ребёнка дошкольного возраста существенно зависит от состояния взрослого, который находится рядом с ним. Именно родители могут уменьшить или, наоборот, увеличить эмоциональный стресс своих детей.

Таким образом, значительна роль родителей и всех специалистов социальной сферы в обеспечении психологического комфорта в дошкольном учреждении образования. Взрослые должны создавать атмосферу доверия и безопасности, где каждый ребёнок чувствует себя защищённым и любимым. Педагоги и психологи обязаны применять специальные методики, направленные на снижение тревожности и формирование позитивного эмоционального фона у ребёнка.

Важным аспектом является согласованность действий всех участников образовательного процесса. Когда родители и сотрудники дошкольного учреждения образования работают сообща, обмениваются информацией о состоянии и поведении ребёнка, это значительно повышает эффективность воспитательного процесса. Регулярные консультации, совместные мероприятия и открытые занятия помогают установить прочный контакт между семьёй и дошкольным образовательным учреждением.

Особую значимость приобретает индивидуальный подход к каждому ребёнку. Учитывая его особенности, темперамент и потребности, взрослые могут создать оптимальные условия для гармоничного развития его личности. При этом важно помнить, что эмоциональное благополучие ребёнка напрямую влияет на его дошкольное обучение, формирование социальных навыков и общее развитие в целом.

Таким образом, профессиональная забота о психологическом комфорте каждого ребёнка должна стать приоритетной задачей для всех специалистов социальной сферы, работающих с детьми дошкольного возраста.

Список использованных источников и литературы:

[1] Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / пер. с англ. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

[2] Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. / В.С. Мухина – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «Модэк», 1999. – 640 с.

[3] Афонина С.А. Высокая степень тревожности у детей и молодежи /

С.А. Афонина // Молодой учёный. – 2021. – №15. – С. 291-293.

[4] Барышева А.Н. Реабилитация детей в трудной жизненной ситуации / А.Н. Барышева // Народное образование. – 2013. – №3 (1426). – С. 225-229.

[5] Егорычев А.М. Семья как социально-педагогический институт воспитания ребёнка / А.М. Егорычев, А.Г. Ахтян, А.С. Кретинин // ЦИТИСЭ. – 2021. – №4(30). – С. 635-646.

[6] Игнатьева Г.Ю. Вызов повседневности – практика гештальт-терапевта в перспективе поля в ситуации неопределённости / Г.Ю. Игнатьева // Человек в ситуации неопределённости: взгляд с точки зрения теории поля: материалы Международной научно-практической конференции, Казань, 28–29 ноября 2020 года. – Казань: Изд-во Университета управления «ТИСБИ», 2021. – С. 61-72.

[7] Кодермятов Р.Э. К проблеме психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса / Р.Э. Кодермятов, Н.А. Тумакова, А.Э. Сенцов, Е.В. Павловская // Молодой учёный. – 2015. – №11(91). – С. 1738-1740.

[8] Науменко С.А. Комплексное сопровождение детей в трудной жизненной ситуации / С.А. Науменко, Л.А. Даниленко, В.С. Середа // Фокуси. – 2022. – №2. – С. 20-26.

[9] Пестрикова Т.Д. Семья как социальный институт в России: проблемы и особенности функционирования / Т.Д. Пестрикова // Социально-гуманитарный аспект научного знания: современность и перспективы развития: материалы I Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24 ноября 2021 года. – Армавир: «Редакция газеты «Армавирский собеседник», 2021. – С. 161-166.

© В.С. Самойлова, А.Б. Тугаров, 2026

*Е.Д. Сидоренко,
студент 5 курса
напр. «Физическая культура и
безопасность жизнедеятельности»,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»,
г. Хабаровск Российская Федерация*

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОВОДНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПЛАСТИЧНОСТИ ТЕЛА ШКОЛЬНИКА

Аннотация: статья носит аналитический характер и посвящена вопросу развития пластичности тела (гибкости) у детей среднего школьного возраста в рамках проведения уроков физической культуры. Рассматриваются различные методики и подходы, применяемые педагогами для улучшения подвижности суставов и эластичности мышц у школьников. Приводятся мнения ведущих специалистов в области физической подготовки и анализа эффективности различных упражнений, направленных на развитие гибкости. Описаны современные научные исследования, подтверждающие значимость гибкости для общего здоровья организма и успешности освоения физических навыков.

Ключевые слова: пластичность, тело, гибкость, школьный возраст, физическая культура, возрастные особенности.

Физическая культура является неотъемлемой частью образовательного процесса и оказывает значительное влияние на здоровье и физическое развитие ребенка. Одним из ключевых аспектов физического воспитания является развитие гибкости – способности тела свободно двигаться в суставах с максимальной амплитудой движений. Исследования показывают, что недостаточная гибкость увеличивает риск травмирования опорно-двигательного аппарата, снижает эффективность выполнения сложных физических упражнений и негативно влияет на общее самочувствие [2,3,7].

Обучающиеся среднего школьного возраста особенно нуждаются в регулярных занятиях физической культурой, способствующих развитию гибкости, поскольку именно в этот период формируются базовые физические качества, необходимые для дальнейшего роста и укрепления организма. Недостаточное внимание к данному компоненту физической подготовки может привести к проблемам со здоровьем и затруднениям в освоении спортивных дисциплин [1,4].

Для эффективного развития гибкости применяются разнообразные упражнения и методические приемы. Среди наиболее распространенных методов выделяются следующие: стретчинг (растяжка), гимнастика, йога, баллистические упражнения. Рассмотрим более подробно каждый из методов.

Стретчинг направлен на увеличение эластичности мышечных волокон и сухожилий путем медленного растяжения мышц. Упражнения стретчинга

способствуют улучшению кровоснабжения тканей, повышению мобильности суставов и уменьшению риска травматизма [8]. Существуют два основных типа растяжки:

- активная растяжка, выполняемая самостоятельно силами самого ученика;

- пассивная растяжка, осуществляемая с помощью партнера или специального оборудования.

Классические гимнастические элементы включают наклоны вперед, боковые движения туловища, вращения рук и ног. Эти упражнения развивают координацию движений, укрепляют мышцы спины и брюшного пресса, повышают общую физическую подготовку школьника [1].

Практики йоги помогают развивать статичную гибкость, улучшают осанку, стабилизируют психоэмоциональное состояние учащегося [2].

Баллистические тренировки предполагают выполнение быстрых повторяющихся движений, таких как махи руками и ногами, прыжки вверх-вниз. Они стимулируют ускоренное кровообращение, усиливают эластичность связочного аппарата и эффективно развивают динамическую гибкость [2].

Многие специалисты предлагают собственные взгляды на процесс развития гибкости у школьников. Например, автор В.И. Лях выделяет три этапа освоения гибкости: начальное ознакомление, постепенное углубленное изучение и закрепление достигнутых результатов [5,6]. Его концепция включает комплекс специальных занятий, рассчитанных на систематическое повышение уровня гибкости. Другая точка зрения представлена А.С. Исмаиловой, утверждающей важность интеграции упражнений на развитие гибкости в структуру традиционных уроков физической культуры [2]. По мнению автора, занятия, направленные исключительно на развитие силы и выносливости, часто игнорируют аспекты гибкости, что ведет к дисбалансу между физическими качествами обучающихся.

Исследователь В.С. Лобачёв подчеркивает необходимость учета индивидуальных особенностей каждого ученика при разработке программы тренировок [4]. Он предлагает адаптивные схемы занятий, позволяющие учитывать возрастные особенности и уровень начальной подготовки школьников.

Таким образом, развитие гибкости играет важную роль в формировании общей физической подготовленности детей среднего школьного возраста. Регулярные уроки физической культуры, включающие специальные упражнения и техники, позволяют достичь высоких результатов в развитии гибкости. Для достижения максимального эффекта рекомендуется сочетать различные методы и средства, учитывая индивидуальные потребности и возможности каждого ученика.

Проведённый анализ научно-методической литературы по теме исследования позволил нам сделать ряд важных выводов относительно развития гибкости у обучающихся среднего школьного возраста на уроках физической культуры.

Уроки физкультуры играют ключевую роль в обеспечении необходимого

уровня гибкости у школьников среднего возраста. Гибкость служит основой для поддержания правильной осанки, снижения рисков возникновения заболеваний позвоночника и предотвращения спортивных травм.

Средний школьный возраст характеризуется активным ростом костей и значительным изменением пропорций тела. Именно в этот период происходят важные изменения структуры костной ткани и суставно-связочного аппарата, влияющие на способность достигать высокой гибкости. Следовательно, особое внимание должно уделяться дозировке и подбору оптимальных упражнений. Применение индивидуально подобранных комплексов упражнений позволяет обеспечить максимальное развитие гибкости у всех категорий школьников. Такие комплексы должны включать упражнения на растягивание крупных групп мышц, улучшение подвижности суставов и координации движений [1,4].

Регулярный контроль состояния гибкости позволяет своевременно выявлять проблемы и предотвращать негативные последствия низкой гибкости. Тестовые задания, включённые в программу физкультуры, служат важным инструментом диагностики и коррекции недостатков.

В ряде исследований [2,7] отмечается продуктивное влияние положительного настроения учителя и благоприятной атмосферы на успехи школьников в освоении упражнений на гибкость. Эмоциональный климат урока, поощрение самостоятельности и инициативности обучающихся создают предпосылки для устойчивого интереса к занятиям и достижения максимальных результатов.

Компетентность учителя физической культуры выступает ключевым фактором успеха. Грамотно организованные занятия, правильное сочетание теоретической подготовки и практических упражнений обеспечивают эффективную реализацию целей и задач учебной программы.

Список использованных источников и литературы:

[1] Адонин А.А. Методика развития гибкости у школьников 12-13 лет на уроках физической культуры / А.А. Адонин, Д.А. Чернышов // Технологии образования. – 2023. – №2 (20). – С. 77-80.

[2] Исмаилова А.С. Развитие гибкости у детей школьного возраста / А.С. Исмаилова, А.В. Менхин, Л.А. Новикова // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2012. – №. 1. – С. 72-74.

[3] Коршунов А.В. Возрастные особенности отношения школьников к упражнениям для развития гибкости / А.В. Коршунов // Актуальные проблемы физического воспитания и спортивной тренировки. – Гродно, 2019. – С. 78-80.

[4] Лобачёв В.С. Надёжность прогнозирования потенциала развития гибкости / В.С. Лобачёв, В.И. Жаринов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2017. – №4. – С. 67-68.

[5] Лях В.И. Двигательные способности школьников: Основы теории и методики развития физических качеств / В.И. Лях. – М.: Терраспорт, 2020. 192 с.

[6] Лях В.И. Гибкость и методика ее развития / В.И. Лях // Физкультура в школе. – 1999. – №1. – 25 с.

[7] Москаленко Е.А. Общая характеристика гибкости как физического качества и факторы, влияющие на развитие гибкости / Е.А. Москаленко, В.В. Ходыкина // Обучение и воспитание: методика и практика. – 2014. – №. 11. – С. 125-128.

[8] Шарифуллина С.Р. Развитие гибкости у школьников 12-13 лет средствами стретчинга / С.Р. Шарифуллина, Б.Р. Шайдуллин // Глобальный научный потенциал. – №8 (113). – С. 39-41.

© *Е.Д. Сидоренко, 2026*

Т.А. Стребкова,

магистрант,

Казахстанско-Американский Свободный Университет,

г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

РАЗРАБОТКА ESP-КУРСА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИКИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПОТРЕБНОСТЕЙ И КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Аннотация: данная статья посвящена разработке курса английского языка для специальных целей (ESP) для студентов направления «Теплоэнергетика». В работе представлены результаты анализа потребностей обучающихся и корпусного анализа профессиональных текстов. На основе полученных данных разработан учебный курс, ориентированный на формирование профессиональной коммуникативной компетенции и работу с технической документацией.

Ключевые слова: ESP, теплоэнергетика, анализ потребностей, корпусная лингвистика, профессиональная лексика

В условиях глобализации и стремительного развития технологий владение английским языком становится необходимым компонентом профессиональной подготовки специалистов технических направлений. Особую значимость это приобретает для студентов направления «Теплоэнергетика», поскольку их профессиональная деятельность связана с использованием технической документации, научных публикаций и международных стандартов, представленных преимущественно на английском языке. Современные инженеры должны не только понимать специализированные тексты, но и уметь эффективно использовать иностранный язык в профессиональной коммуникации, включая подготовку отчетов, участие в обсуждениях и взаимодействие с зарубежными коллегами.

В то же время анализ образовательной практики показывает, что традиционные курсы иностранного языка не в полной мере учитывают специфику профессиональной подготовки обучающихся. Обучение часто носит общий характер и не ориентировано на реальные коммуникативные задачи будущей профессиональной деятельности, что приводит к недостаточному уровню сформированности профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции [1]. В результате выпускники технических специальностей испытывают трудности при работе с профессиональными источниками и использовании английского языка в профессиональной среде.

В связи с этим возрастает необходимость разработки специализированных курсов английского языка, основанных на принципах English for Specific Purposes (ESP), предполагающих учет профессиональных потребностей обучающихся и использование аутентичных материалов. Особую значимость в данном контексте приобретает применение современных методов

отбора содержания обучения, включая анализ потребностей и корпусный подход, позволяющий выявить наиболее частотные и функционально значимые языковые единицы профессионального дискурса.

В связи с этим особую актуальность приобретает подход English for Specific Purposes (ESP), ориентированный на обучение иностранному языку с учетом профессиональных потребностей обучающихся. В отличие от традиционного обучения, ESP предполагает целенаправленную организацию учебного процесса, в рамках которой содержание, методы и формы обучения определяются спецификой будущей профессиональной деятельности студентов. При этом язык рассматривается не как самоцель, а как инструмент решения профессиональных задач, что принципиально отличает данный подход от обучения английскому языку общего назначения.

Ключевым элементом ESP является анализ потребностей, позволяющий определить цели обучения, уровень владения языком, а также существующие пробелы и предпочтения обучающихся [2]. В современной методике анализ потребностей рассматривается как комплексная процедура, включающая выявление так называемых necessities (профессиональных требований), lacks (недостатков языковой подготовки) и wants (индивидуальных ожиданий обучающихся). Такой подход обеспечивает соответствие учебного содержания реальным коммуникативным задачам и способствует повышению эффективности обучения.

В рамках исследования был проведен анализ потребностей студентов направления «Теплоэнергетика». В исследовании приняли участие обучающиеся, находящиеся на различных этапах обучения, что позволило получить обобщенное представление об уровне их языковой подготовки. Для сбора данных использовались анкетирование и элементы опроса, направленные на выявление уровня владения английским языком, целей обучения и трудностей, возникающих в процессе изучения языка.

Результаты анализа показали, что большинство студентов имеют начальный уровень владения английским языком (A1–A2), что свидетельствует о наличии значительных трудностей в освоении профессионально-ориентированного материала. При этом наблюдается выраженный разрыв между требованиями профессиональной деятельности и фактическим уровнем языковой подготовки обучающихся. Наибольшие затруднения связаны с развитием продуктивных навыков, в частности письменной и устной речи, что ограничивает возможности студентов в использовании английского языка в профессиональной коммуникации.

Анализ целей изучения английского языка показал, что обучающиеся ориентированы преимущественно на практическое применение языка [3]. В качестве приоритетных задач были выделены чтение и понимание профессиональных текстов, написание технических отчетов, а также участие в профессиональном взаимодействии. Это свидетельствует о высокой мотивации студентов к изучению языка как инструмента профессиональной деятельности, однако существующий уровень подготовки не позволяет в полной мере реализовать данные потребности.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости разработки специализированного ESP-курса, ориентированного на преодоление выявленных трудностей и формирование профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции. При этом особое значение приобретает использование современных методов отбора учебного материала, обеспечивающих его соответствие реальному языковому употреблению.

Одним из таких методов является корпусная лингвистика, которая рассматривается как эффективный инструмент анализа языка в его естественном функционировании. В отличие от традиционного подхода, основанного на интуитивном отборе лексики, корпусный подход позволяет опираться на эмпирические данные и выявлять наиболее частотные и функционально значимые языковые единицы, характерные для профессионального дискурса [4]. Это особенно важно в технических специальностях, где точность и повторяемость языковых конструкций играют ключевую роль.

В рамках исследования был сформирован специализированный корпус англоязычных текстов в области теплоэнергетики объемом около 100 000 слов. В состав корпуса вошли научные статьи, технические описания, инструкции и фрагменты учебных материалов, отражающие как академический, так и прикладной профессиональный дискурс. Такой подбор источников обеспечивает репрезентативность корпуса и позволяет учитывать различные типы профессиональной коммуникации.

Использование корпуса позволило провести частотный анализ лексических единиц, выявить типичные словосочетания и определить характерные грамматические структуры, используемые в профессиональных текстах [5]. Полученные данные стали основой для отбора учебного материала и разработки заданий, ориентированных на формирование навыков реального профессионального общения.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают, что разработка ESP-курса должна основываться на комплексном учете профессиональных потребностей обучающихся и анализе аутентичного языкового материала. Интеграция анализа потребностей и корпусных данных позволяет обеспечить научно обоснованный отбор содержания обучения и его соответствие реальным коммуникативным задачам профессиональной деятельности [6].

Предложенный подход способствует не только более эффективному усвоению профессиональной лексики, но и формированию устойчивых навыков использования английского языка в условиях профессионального общения. Особое значение имеет ориентация обучения на типичные языковые модели и коммуникативные ситуации, с которыми сталкиваются будущие специалисты в области теплоэнергетики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов при разработке учебных программ и методических материалов для технических специальностей. Использование корпуса профессиональных текстов и результатов анализа потребностей

позволяет повысить качество языковой подготовки студентов и приблизить процесс обучения к условиям реальной профессиональной деятельности.

Таким образом, реализация данного подхода способствует повышению эффективности ESP-обучения и формированию профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции будущих инженеров.

Список использованных источников и литературы:

[1] Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A Learning-Centered Approach. – Cambridge, 1987. – 183 с.

[2] West R. Needs analysis in language teaching // Language Teaching. – 1994. – №27. – С. 1–19.

[3] Biber D., Conrad S. Corpus-based approaches to academic English. – Cambridge, 2004. – 300 с.

[4] Dudley-Evans T., St John M. Developments in English for Specific Purposes. – Cambridge, 1998. – 301 с.

[5] Basturkmen H. Developing Courses in English for Specific Purposes. – London, 2010. – 192 с.

[6] Mayer R. Multimedia Learning. – Cambridge, 2020. – 336 с.

© Т.А. Стребкова, 2026

УДК 78

Т.А. Шитая,
педагог,
БПОУ ОО ООККИИ,,
Т.В. Тищенкова,
к. иск., проф.,
ФГБОУ ВО ОГИК,
г. Орёл, Российская Федерация

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО
ФОЛЬКЛОРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕДЖА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

Аннотация: статья посвящена рассмотрению вопросов изучения музыкального фольклора в современной учебной практике. В основе исследования – методические особенности освоения песенного фольклора и народной манеры пения в процессе обучения студентов направления «Этнохудожественное творчество» на базе ООККиИ г. Орла.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, народные песни, национальные традиции, этнокультурное образование, обучение народному пению.

Роль национальных музыкальных традиций в формировании мировоззрения подрастающего поколения является ведущей, особенно в современных социокультурных условиях. Вопрос о проблемах современного народно-певческого исполнительства очень актуален в профессиональных кругах. Темы сохранения, изучения, пропаганды и сценической интерпретации музыкального фольклора активно обсуждаются в ходе научно-практических конференций, форумов, проблемных семинаров [7-8, 9-12].

Популярность фольклора в современном мире породила целую индустрию праздников, концертов и спектаклей, в которых нашли применение своему творчеству различные фольклорные и сценические коллективы и исполнители, что актуализирует ряд проблем в том числе, относящихся к профессиональной подготовке кадров в этой области [10, 11].

Обучение народному пению, освоение народных песен, их современное прочтение является актуальным направлением в этнокультурном образовании на любом его уровне, будь то колледж или вуз. Знакомясь с национальными традициями и овладевая произведениями музыкального фольклора, обучающиеся осваивают необходимые профессиональные навыки, расширяют свой кругозор и обогащают культурный уровень. Важно проанализировать и досконально изучить процесс освоения народного пения, чтобы сделать

обучение доступным и добиться высоких результатов. Система профессионального музыкального образования в сфере культуры и искусства в регионе представлена следующими учебными заведениями: Орловский государственный институт культуры (ОГИК), Орловский областной колледж культуры и искусств (ООККиИ) и Орловский музыкальный колледж (ОМК).

Исследование выполнено в опоре на образовательную деятельность по направлению «Этнохудожественное творчество» на базе ООККиИ г. Орла. Обучение по данному творческому направлению основано на использовании ряда обязательных документов федерального и регионального значения, регламентирующих процесс обучения, а также узконаправленных документов методического характера, разработанных в конкретном учреждении. Последние, прежде всего, относятся к преподаванию специальных дисциплин по направлению (специальности).

Анализируя комплекс дисциплин, предусмотренных планом по специальности «Этнохудожественное творчество», можно сделать вывод о том, что выпускники получают разноплановые умения, знания и навыки в таких направлениях, как: режиссерская подготовка, исполнительская подготовка, педагогические основы преподавания творческих дисциплин, учебно-методическое обеспечение учебного процесса, основы управленческой деятельности, которые они должны применять в дальнейшей работе. Однако удельный вес часов, отводимых на непосредственно вокальную подготовку, весьма мал, что, учитывая изначально посредственный уровень базовой музыкальной подготовки студентов, сокращает возможности достижения качественного результата певческой подготовки.

В свете изучения избранной темы исследования, считаем интересным сравнение учебных программ, преподаваемых в учреждениях СПО в орловских колледжах, которые ориентированы на освоение традиционной музыкальной культуры. На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в колледже культуры и искусств в учебном плане 2024/2025 учебного года запланировано меньше часов по программе подготовки специалистов среднего звена включая общеобразовательный цикл, по сравнению с музыкальным колледжем. Доля часов, отведённых на певческие дисциплины (при аналогичном перечне певческих дисциплин в двух учебных заведениях) в колледже культуры и искусств – 726 ч., в музыкальном колледже – 1078, смежных – 1333 и 3770 соответственно. Можно предположить, что такое соотношение непосредственно сказывается на итоговых результатах и уровне подготовки специалистов колледжа культуры и искусств, которые будут менее высокими по сравнению с музыкальным колледжем.

Изучение подобных документов, отражающих региональный опыт преподавания, может быть полезным с точки зрения выбора оптимальных форм и средств обучения народному пению, дающих наилучший результат.

Предметом изучения и освоения становятся разножанровый певческий репертуар, традиционные обряды, фольклорная манера пения, традиционные народные инструменты, хореография и др., т.е. те компоненты, которые составляют традиционную культуру и придают ей неповторимый облик,

узнаваемый и почитаемый не только в России, но и далеко за её пределами.

Народное пение – это широкодоступный вид музыкальной деятельности. При желании каждый человек может найти себе народную песню по своему художественному вкусу и вокальным возможностям. В современном народно-певческом образовании стилизованному и фольклорному исполнительству уделяется значительное внимание. Так, при изучении и освоении техники фольклорного пения специалисты учитывают: естественное звучание голоса, психофизическую свободу исполнения, использование «звукоидеала» локальных стилей и диалектных особенностей, которые тесно связаны с фонацией голоса, использование специфических вокальных приёмов и пр.

Обучение народному пению – это комплексный процесс, который является фундаментом для развития и раскрытия творческого потенциала исполнителя. Только после наработанной интонационной координации, отточенной вокальной техники вырабатывается художественная значимость исполнительского процесса, которая выполняет конкретную художественно-эстетическую, эмоционально-смысловую, семантическую нагрузку, к определенному песенному жанру, стилю, региону.

К настоящему времени исследователями и педагогами накоплен значительный теоретический, методический и практический опыт изучения и освоения фольклорного пения, однако многочисленные конкурсы, фестивали, концертные выступления показывают, что исполнительский уровень певцов часто далек от совершенства и часто неубедителен [6]. Педагогам предстоит ещё основательная работа в этом направлении.

Обзор современных методических разработок по обучению народному пению позволяет выявить успешные примеры практик и подходов, используемых в учебных заведениях культуры и искусств [1-3]. В настоящее время акцент ставится на осознание студентами культурного и исторического контекста исполнения народного пения. Это позволяет не только развивать вокальные навыки, но и формировать глубокое понимание традиций, отраженных в музыке. Программы включают изучение фольклорных произведений с точки зрения их анализа и интерпретации, что значительно углубляет учебный процесс.

Современные методические разработки по обучению народному пению адаптируются к новым вызовам и требованиям времени. Исследования и публикации в области музыкального образования позволяют педагогу не только следить за актуальными мировыми трендами, но и адаптировать их к своим педагогическим практикам.

Обучение народному пению в колледже культуры и искусств требует комплексного методического подхода, учитывающего традиции отечественной педагогики и современную специфику музыкального образования. Особое значение в освоении фольклорных традиций занимает анализ трудов исследователей и преподавателей, которые в своих работах раскрывают методы и приёмы обучения, направленные на формирование навыков народного вокала. Среди наиболее значимых работ, затрагивающих специфику обучения народному пению, выделяются исследования Н.К. Мешко, Л.В. Шаминой,

С.Н. Чабан, С.П. Коноваленко, Л.Н. Сушковой [1-3, 14, 5]. Их труды позволяют проследить эволюцию подходов к преподаванию народного пения, а также выявить наиболее эффективные практико-ориентированные методики. Стратегия и тактика обучения народному пению, по мнению Н.К. Мешко, заключается в воспитании самобытных, высокопрофессиональных, всесторонне образованных певцов и педагогов. Опытные педагоги и певцы посвящают этой благородной цели всю свою жизнь и весь свой творческий потенциал. Погружение в длительный, глубокий и всесторонний процесс творчества и развития личности требует не только способностей, страсти, времени и усилий, но и необходимых условий, способствующих реализации этой цели. Вывод, сделанный Н.К. Мешко, заключается в том, что вокальная «...техника не должна быть самоцелью. Нельзя забывать, что она «служанка...» [2, с. 19]. Важно осознанно подходить к исполнительской деятельности. Народное пение не может рассматриваться исключительно как набор технических приемов. Вокальная техника, прежде всего – средство достижения художественной ценности и безграничной выразительности народной песни.

Одной из часто используемых в практике, является вокальная методика, изложенная в исследовании Л.В. Шаминой «Школа русского народного пения», выпущенном в 1997 году. Автор трактует основные принципы народного пения, соотносит локальность (сохранение аутентичных образцов, диалектных манер русского народного пения) и универсальность (профессиональное искусство, диалектная полимерия). В данной методике основа – универсальное пение. «Вокальная школа народного пения позволяет исполнителю в полной мере раскрыть свои голосовые и слуховые способности в имитации-трактовке фольклорной манеры диалектного пения практически любой области России, а также в пении авторских аранжировок и музыки для народных голосов» [5, с. 14].

Использование апробированных методик обучения народному пению, содержащихся в учебных пособиях, доказывает свою эффективность и способствует не только сохранению культурного наследия, но и его дальнейшему развитию с учетом современных реалий. Это создает новые возможности для студентов, стремящихся к глубинному освоению народного музыкального искусства. Однако, несмотря на обширную изданную литературу, проблема поиска новых методик, способных раскрыть певческий потенциал обучающихся, продолжает оставаться актуальной.

Современные студенты, обучающиеся в колледжах культуры и искусств, нуждаются не только в теоретических знаниях, но и в практических умениях, что требует от преподавателей разработки или изучения подходящих методов и средств обучения. Методические рекомендации, включающие анализ уже существующих учебных материалов, их адаптация и интеграция новых подходов, в значительной степени определяют эффективность обучения.

Итак. Среди множества направлений музыкального образования народное пение занимает особое место, так как оно является основой для формирования не только вокальных и музыкальных навыков, но и культурной идентичности студентов. Через освоение народного пения молодые исполнители получают

возможность углубленного понимания национальной культуры и традиций, что в свою очередь обогащает их как личностей. Эти аспекты становятся особенно актуальными в свете глобализации и унификации культуры, где возникает риск утраты локальных музыкальных традиций и фольклора. Многие народные песни в наши дни утрачены. Но те из них, которые поют до сих пор, сохраняются в творческой деятельности современных студентов, которые в дальнейшем строят на их основе репертуар своих певческих коллективов. Поэтому так важно сегодня не ограничиваться в процессе обучения поверхностным знакомством с национальными традициями, а глубоко и детально вникать в художественную суть произведений народного творчества, постигая их комплексно – аналитически, вокально точно, с сохранением присущей традиционному исполнительству певческой манеры, с её характерными особенностями, импровизационностью, звуковым посылом, специфическими приёмами и т.д.

Сохранность традиционных обрядов, песенного репертуара, характера вокального исполнительства, способствует сохранению этнокультурного наследия в целом, его пониманию и принятию современным обществом.

Список использованных источников и литературы:

[1] Коноваленко, С.П. Методика обучения народному пению: диалектное исполнительство: учебно-методическое пособие / С.П. Коноваленко, Л.Н. Сушкова, С.Н. Чабан. – Орёл: ОГИК, 2016. – 146 с.

[2] Мешко Н.К. Искусство народного пения: практическое руководство и методика обучения искусству народного пения. ч.1 / Н.К. Мешко. – Москва: Луч, 1996. – 42 с.

[3] Мешко, Н.К. Искусство народного пения: практическое руководство и методика обучения искусству народного пения. В 2-х частях.ч.2 / Н.К. Мешко. – Архангельск: Правда Севера, 2007. – 128 с.

[4] Шамина, Л.В. Основы народно-певческой педагогики: Учеб. пособие / Л.В. Шамина – М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2010. – 200 с.

[5] Шамина, Л.В. Школа русского народного пения / Л.В. Шамина. Всероссийское музыкальное общество. – М.: Моск. гос. фольклорный центр «Русская песня», 1997. – 86 с.

[6] Власова С.Ю. Традиционное пение: музыкальная логика и вокальная техника //Вестник Российского фольклорного союза. 2003. №4 – С. 17-23.

[7] Девятов В.С. Сохранение и популяризация русской народной песни в современной России [Текст]// Культура и цивилизация. – Ногинск: Аналитикп РОДИС, 2019. Том 9. №6А. – С. 56-65.

[8] Кабанов А.С. К проблеме сохранения песенной фольклорной традиции в современных условиях // Художественная самодеятельность: Вопросы развития и руководства. Тр. 88 / Отв. ред. И.Б. Закшевер. – М.: НИИК, 1980. – С. 80-106.

[9] Музыкальное наследие народных исполнителей: к проблеме преемственности: IV Всероссийские (с международным участием) научно-творческие «Маничкины чтения» Белгород, (17-18 марта 2011 г.) [Текст]/ отв.

ред. О.Я. Жирова. – Белгород: БГИКИ, 2011. – 374 с.

[10] Тищенко, Т.В. Сохранение и освоение региональных традиций в процессе современного народно-певческого образования / Проблемы этнокультурного развития личности в процессе многоуровневого народно-певческого образования. Мат-лы всероссийской науч.-практ. конф. (г. Орел, 16-17 мая 2019 г.) // Ред. кол.: В.М. Щуров, С.Н. Чабан, Г.В. Якушкина. – Орел: ОГИК, 2019. С. 72-75

[11] Чабан, С.Н. Проблемы исполнительства в народно-песенном жанре (из опыта проведения всероссийского конкурса народной песни "Орел сизокрылый") // Проблемы этнокультурного развития личности в процессе многоуровневого народно-певческого образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2019. – С. 7-13.

[12] Чабан, С.Н. Сохранение, изучение и трансляция фольклорных песенных традиций: практический опыт // Этнокультурное образование: практический опыт и перспективы в профилактике межэтнической напряжённости. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. – Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2021. – С. 68-73.

© Т.А. Шитая, Т.В. Тищенко, 2026

УДК 159.9

*Л.Б. Артюшенко,
студент 1 курса
напр. «Психология»,
науч. рук.: Г.Н. Артемьева,
к.п.н., доц.,
НВГУ,
г. Нижневартовск, Российская Федерация*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТОЙЧИВОСТИ БРАКА

Аннотация: в статье рассматриваются психологические характеристики устойчивости брака и семьи. Описаны брачные стабилизаторы – функциональные и дисфункциональные. Даны характеристики факторов устойчивости брака.

Ключевые слова: устойчивость брака, факторы устойчивости брака, брачные стабилизаторы.

Современная российская семья как социальная общность переживает кризис функционирования. Изучение брака, семьи и семейных отношений, факторов их устойчивости и дестабилизации становятся актуальными задачами для гуманитарных наук.

Благополучие отдельного человека, семьи и общества в целом основывается на семейно-брачных союзах. Согласно А.Г. Харчеву, брак выступает «...исторически изменяющейся социальной формой отношений между мужем и женой, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и усматривает их супружеские и родительские права и обязанности. Брак регламентируется Семейным кодексом как гражданско-правовой договор [2].

В браке центральными являются отношения муж – жена (супружеские). Они служат «ядром» семьи, с них начинается семья. С.И. Голод определяет супружество как «личностное взаимодействие мужа и жены, которое регулируется моральными принципами и внутренними ценностями [3].

Под семьей обычно понимается «союз, во-первых, мужа и жены, затем родителей и детей и, в-третьих, более широко, союз родственников и свойственников» [8].

Брак и семья возникли на разных исторических этапах развития общества, при этом понятие брак, как правило, отождествляется только с супружескими отношениями [5]. Согласно мнению известного ученого-психолога О.А. Карабановой, супружеские отношения первичны по происхождению, они создают основу функционирования и развития семьи [1].

Соотношение понятий устойчивости семьи и устойчивости брака определяется как общее с частным. Устойчивость семьи рассматривается как устойчивость социального института. Устойчивость брака подразумевает его юридическую сохранность и понимание внутреннего единства, выявление стабилизаторов супружеских отношений, способствующих крепости брачных уз. Устойчивость, прочность брака представляет собой меру преобладания факторов, удерживающих супругов в браке, над факторами, разрушающими его [2].

Брачные стабилизаторы подразделяются на функциональные и дисфункциональные. К функциональным (позитивным) относят:

- отношения любви и привязанности;
- уважение друг к другу, ощущение себя супружеской парой («Мы»);
- легкость общения, взаимопонимание и эмпатию в общении;
- привлекательность супруга (физическую, сексуальную, интеллектуальную);
- совпадение ценностных ориентаций партнеров;
- комплементарность потребностей и семейных ролей.

С позиций американской психологии семьи, стабильность брака обеспечивается удовлетворением основных потребностей супругов в браке (У.Ф. Харли, 1992). Выделяется по пять основных потребностей мужчин и женщин, удовлетворение которых обеспечивает стабильность брака, а неудовлетворение приводит к конфликтам и разводу.

Пять основных потребностей мужчины в браке:

- 1) половое удовлетворение;
- 2) спутник по отдыху;
- 3) привлекательная жена;
- 4) ведение домашнего хозяйства;
- 5) восхищение.

Пять основных потребностей женщины в браке:

- 1) нежность;
- 2) возможность поговорить;
- 3) честность и открытость;
- 4) финансовая поддержка;
- 5) посвященность семье [2].

В исследовании российского психолога Е.Ю. Новопашиной показано, что в основе брака находятся общие смыслы и ценности обоих супругов [7]. Женщины, принимавшие участие в анкетировании, определяли мотивами вступления в брак любовь и желание иметь детей. Также респонденты наиболее предпочтительной формой семейного союза называли официальный брак, а к наиболее влияющим на брачное поведение факторам отнесли экономический, трудовой и жилищно-средовой.

Отечественные исследователи Н.Н. Обозов и А.Н. Обозова выделяют следующие группы факторов стабильности семьи:

- 1) внешние – внутренние;
- 2) объективные – субъективные [2].

Внешние объективные факторы связаны со стабильностью социальной системы, в которую интегрирована семья, с общепризнанной ценностью брака, материальными условиями существования семьи, общими делами, хозяйством, общим бюджетом, общими детьми.

К внешним субъективным факторам относят силу социального контроля, эффективность правовых и моральных норм, национальных и культурных традиций, ожиданий значимого окружения.

Внутренние субъективные факторы опосредуются эмоциональными связями, страхом одиночества, стремлением к безопасному сексу. А к внутренним объективным факторам относят супружескую совместимость.

Как указывают социологические исследования, внешние факторы перестают играть решающую роль в современной семье, уступая место таким внутренним факторам, как нежность, возможность поговорить, честность и открытость, финансовая поддержка, посвященность семье [4]. Считается, что семья эффективно функционирует, если успешно решает задачи в каждой из вышеописанных сфер.

Для полноты картины необходимо описать дисфункциональные стабилизаторы брака, которые препятствуют реализации функций семьи. К таковым относят:

- стадию жизненного цикла семьи,
- супружеский стаж,
- сходство ценностей у супругов,
- гендерные различия,
- трудовую занятость,
- наличие в семье детей [4].

Кроме того, исследователи относят к факторам, снижающим устойчивость семьи и приводящим к ее распаду, семейные конфликты, неготовность к восприятию мужа/жены как постоянного собеседника и соучастника, сексуальная неудовлетворенность одного из супругов, материальное неблагополучие [6].

Прикладной аспект данной проблемы будет связан с оказанием психологической помощи супругам, переживающим кризис супружеских отношений, период семейной нестабильности. Решением проблем дисфункциональной семьи является информационно-консультативная и психотерапевтическая поддержка [3].

Брак, семья повышают социальный статус как мужчины, так и женщины. Прочный брак приносит и взрослым, и детям множество выгод. Надежные отношения между членами семьи, родственниками оказывают позитивное влияние на психическое самочувствие и здоровье, поддерживают чувство самооценности, помогают справиться с кризисами, конфликтами и напряжением. Следовательно, практическая психологическая деятельность должна быть нацелена не только на определение дисфункциональных стабилизаторов брака и разработке путей преодоления проблемы дисфункции, но и включать целенаправленный поиск и поддержку социальных ресурсов семьи.

Список использованных источников и литературы:

- [1] Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
- [2] Мартынюк, О.Б. Психология семьи: учебник для вузов / О.Б. Мартынюк. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 380 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/588590> (дата обращения: 26.04.2026).
- [3] Прохорова О.Г. Основы психологии семьи и семейного консультирования: учебник для вузов / О.Г. Прохорова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 234 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/585299> (дата обращения: 21.04.2026).
- [4] Сусллова Т.Ф. Психология семьи с основами семейного консультирования: учебник и практикум для вузов / Т.Ф. Сусллова, И.В. Шаповаленко. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 343 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/560003/p.97> (дата обращения: 30.03.2026).
- [5] Голованова, Е.В. Устойчивость брака в контексте развития научного знания: ранние представления / Е.В. Голованова // Агропродовольственная политика России. – 2017. – №4(64). – С. 91-97.
- [6] Елисеева И.И. Устойчивость семьи / И.И. Елисеева // Женщина в российском обществе. – 2024. – №4. – С. 3-17.
- [7] Новопашина Е.Ю. Семейные ценности как фактор психологической устойчивости брака: гендерный аспект / Е.Ю. Новопашина // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Тула, 25 ноября 2025 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2025. – С. 123-131.
- [8] Сорокин П.А. Кризис современной семьи (социологический очерк // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. 1997. №3. С. 65-79.

© Л.Б. Артюшенко, Г.Н. Артемьева, 2026

*Т.М. Зайко,
к.ю.н., доц.,
Л.А. Иванидзе,
студент 1 курса
напр. «Юриспруденция»,
С.С. Коноплева,
студентка 1 курса
напр. «Юриспруденция»,
Имени П.М. Давыдова, УРГЮУ им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ: ТИПОЛОГИЯ, МЕТОДЫ

Аннотация: данная статья посвящена изучению психологии межличностного конфликта как многогранного феномена, сочетающего в себе различные аспекты, а также углубленному анализу конфликтного потенциала личности человека, влияния типов поведения на развитие конфликта и предотвращение конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: конфликт, поведенческие типы, предупреждение конфликта, регулирование конфликтов, профилактика конфликтов.

Конфликт представляет собой столкновение противоположно направленных целей, интересов и позиций [7]. Вопреки распространенному негативному мнению, конфликт не всегда ведет к разрушению. Это естественная форма взаимодействия, которая при грамотном управлении способна выявить скрытые противоречия и стать точкой отсчета для отношений или организации. В связи с этим особую актуальность приобретает не столько уклонение от конфликтов, сколько их профилактика и предупреждение деструктивных форм развития.

Профилактика конфликта подразумевает комплекс действий, направленных на создание таких условий жизнедеятельности субъектов, которые минимизируют вероятность возникновения столкновений или их перехода в острую, неуправляемую фазу. Это более эффективная стратегия, чем урегулирование уже разгоревшегося противостояния, поскольку позволяет сохранить ресурсы и психологический климат в коллективе или межличностных отношениях.

Успешность предупреждения конфликтов во многом зависит от понимания того, какие типы личностей вовлечены во взаимодействие и какие стратегии поведения они склонны избирать. Знание этих аспектов позволяет прогнозировать развитие напряженной ситуации и вовремя корректировать собственные действия.

Поведение в конфликте не является универсальным; оно продиктовано

устойчивыми чертами характера, так И.Н. Сорокотягин выделяет несколько типичных моделей, учет которых важен для профилактической работы.

Например, демонстративный тип стремится постоянно быть в центре внимания и не упускает возможности доказать свою правоту, часто пренебрегая рациональными доводами в пользу эмоций. Для него спор – это привычная стихия.

Косный (ригидный) тип отличается прямолинейностью и завышенной самооценкой; такие люди с трудом подстраиваются под изменяющиеся обстоятельства и склонны к застреванию на обидах.

Неуправляемый тип импульсивен, агрессивен и непредсказуем, он не учится на прошлых ошибках и легко становится провокатором [4].

Особое внимание следует уделять тем, кто склонен к перфекционизму в ущерб отношениям и предъявляет завышенные требования к себе и окружающим, создавая фон недовольства, а также бесконфликтному типу, который из-за внушаемости и зависимости от мнения большинства может неосознанно способствовать эскалации напряжения из-за неспособности занять четкую позицию [4].

Альтернативный подход к типологии предлагает Н.Н. Обозов, классифицируя людей по направленности их деятельности. «Мыслитель», погруженный в себя и осторожный в контактах, в споре скорее займет позицию: «пусть думает, что он победил». «Собеседник», напротив, ориентирован на коммуникацию и часто жертвует принципами ради сохранения видимости мира, руководствуясь лозунгом «лучше плохой мир, чем хорошая война». «Практик» же нацелен на преобразование действительности и в конфликте склонен к нападению, считая его лучшей защитой [7].

На наш взгляд, следует выделить определенные стратегии поведения в конфликте и способы их урегулирования.

Ключевым инструментом для анализа и предупреждения конфликтных ситуаций является модель К. Томаса и Р. Килманна, которая описывает пять основных стратегий поведения в зависимости от ориентации человека на собственные интересы или на интересы оппонента [6].

Соревнование (конкуренция) – это стратегия подразумевает под собой стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другой стороне. Стиль эффективен в критических ситуациях, когда требуется быстрое и жесткое решение, но его регулярное применение ведет к разрушению отношений и росту ответной агрессии [6].

Приспособление – это стратегия, которую можно рассматривать как противоположность соперничеству, означающая принесение в жертву собственных интересов ради сохранения гармонии. Тактика уместна, когда предмет разногласий малозначим, а отношения являются приоритетом. Однако постоянное приспособление чревато накоплением внутреннего недовольства и формированием дисбаланса в отношениях [6].

Избегание (уклонение) – это стратегия, которая характеризуется отсутствием стремления как к кооперации, так и к достижению собственных целей. Эта стратегия может быть полезна как временная пауза для остывания

эмоций, но как постоянный стиль она ведет к накоплению нерешенных проблем и эскалации скрытого напряжения [6].

Компромисс – это стратегия взаимных уступок, позволяющая быстро найти приемлемое решение. Несмотря на кажущуюся справедливость, компромисс часто оставляет у сторон чувство неполной удовлетворенности, так как никто не получает желаемого в полном объеме [6].

Сотрудничество – это наиболее конструктивный, но и самый сложный стиль, требующий открытого диалога и готовности искать решение, полностью удовлетворяющее интересы обеих сторон. Именно эта стратегия, превращающая

оппонентов в партнеров, является идеалом для профилактики деструктивных конфликтов и укрепления долгосрочных отношений [7].

Методы и организационно-управленческие условия предупреждения конфликтов.

Эффективная профилактика невозможна без создания соответствующих условий, особенно в трудовых коллективах. Ключевую роль здесь играет строгая кадровая политика, включающая подбор и расстановку сотрудников с учетом их психологической совместимости, а также регулярная психодиагностика уровня конфликтности. Высокий авторитет руководителя, основанный на справедливости и компетентности, является мощным стабилизирующим фактором, снижающим желание противоборствовать. Кроме того, существенным условием выступает престиж деятельности и организации, который мотивирует сотрудников дорожить своим местом и регулирует их поведение в рамках корпоративных норм.

Помимо институциональных мер, существуют конкретные социально–психологические методы, применимые для профилактики межличностных конфликтов. К ним относятся:

Метод согласия – это метод, предполагающий вовлечение потенциальных оппонентов в общее дело, что формирует поле общих интересов.

Метод практической эмпатии – это метод, который заключается в развитии способности понимать внутренний мир другого человека, его мотивы и опасения.

Метод сохранения репутации партнера – это метод, исключающий публичное унижение или дискредитацию оппонента.

Метод психологического «поглаживания» – это метод, подразумевающий искреннюю поддержку и признание заслуг, что снимает излишнюю напряженность и предотвращает враждебность.

Таким образом, предупреждение конфликтов – это комплексная деятельность, требующая не только знания типологий и стратегий поведения, но и постоянной работы над созданием благоприятной психологической среды. Наиболее грамотный подход заключается в переводе энергии противоречий в русло сотрудничества и кооперации, что является основой здоровых и продуктивных отношений в любой сфере жизни.

Список использованных источников и литературы:

- [1] О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sisteme-profilaktiki-pravonarusheniy-nesovershennoletnih>
- [2] StudFile. Страница 23 // StudFile.net. – URL: <https://studfile.net/preview/4619015/page:23/>
- [3] StudFile. Страница 25 // StudFile.net. – URL: <https://studfile.net/preview/3799907/page:25/>
- [4] 6 типов конфликтных личностей // RB.RU. – URL: <https://rb.ru/stories/6-tipov-konfliktnyh-lichnostej/>
- [5] Гришина Н.В. Психология конфликта [Электронный ресурс]. – Воронеж:Изд-воВГУ.–URL: https://law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/grishina_psy_conf.pdf
- [6] B17.ru. Статья 803586 // B17.ru. – URL: <https://www.b17.ru/article/803586/>
- [7] Стили и стратегии поведения в конфликтной ситуации // NSportal.ru. – URL:<https://nsportal.ru/detskiy-sad/psihologiya/2025/03/21/stili-i-strategii-povedeniya-v-konfliktnoy-situatsii>
- [8] РБК. Образование. Статья от 22.01.2026 // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/education/22/01/2026/695223ce9a7947e86739720f>

© Т.М. Зайко, Л.А. Иванидзе, С.С. Коноплева, 2026

*И.В. Казакова,
студент 1 курса магистратуры
напр. «Общая психология»,
науч. рук.: О.Б. Симатова,
канд. психол. наук,
ЗабГУ,
г. Чита, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И МОТИВАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу психологических ресурсов (локус контроля, эмпатия, рефлексия) и мотивационных тенденций (достижение успеха, избегание неудачи, социальное одобрение) у студентов вуза с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и их нормотипичных сверстников. Теоретический анализ раскрывает сущность ключевых понятий. Эмпирическое исследование, проведенное на выборке из 50 студентов Забайкальского государственного университета, выявило статистически значимые различия между группами. Для студентов с ОВЗ характерен экстернальный локус контроля, сниженные уровни эмпатии и рефлексивности, высокая мотивация избегания неудачи и социального одобрения. Описана эффективная коррекционно-развивающая программа, направленная на оптимизацию выявленных особенностей. Результаты исследования имеют практическую значимость для психолого-педагогического сопровождения инклюзивного образовательного процесса.

Ключевые слова: студенты, ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), психологические ресурсы, мотивационные тенденции.

Актуальность исследования психологических ресурсов и мотивационных тенденций в контексте инклюзивного высшего образования обусловлена необходимостью создания эффективных условий для успешной адаптации, обучения и личностного развития студентов с ограниченными возможностями здоровья. Психологические ресурсы, понимаемые как интегральная характеристика личности, включающая внутренние потенциалы для преодоления трудностей [5], выступают ключевым фактором социальной интеграции данной категории обучающихся. Мотивационные тенденции, в свою очередь, определяют направленность и устойчивость их учебно-профессиональной деятельности [1]. Несмотря на теоретическую разработанность проблематики, эмпирических исследований, комплексно сравнивающих данные характеристики у студентов с ОВЗ и с условной нормой здоровья, недостаточно. Целью данного исследования явилось изучение особенностей психологических ресурсов (локуса контроля, эмпатии,

рефлексии) и мотивационных тенденций (достижение успеха, избегания неудачи, социального одобрения) у студентов вуза с ОВЗ.

Понятие «психологические (личностные) ресурсы» в научной литературе трактуется многогранно, объединяя свойства, способности и стратегии личности, обеспечивающие совладание со стрессом и достижение благополучия [6]. В рамках исследования были операционализированы три ключевых ресурса. Локус контроля – свойство личности приписывать причины событий внутренним (интернальность) или внешним (экстернальность) факторам [3]. Эмпатия рассматривается как способность к сопереживанию и пониманию эмоциональных состояний других людей [12]. Рефлексия (и рефлексивность) определяется как способность к самоанализу и осмыслению собственной деятельности и внутреннего мира [13].

Мотивационные тенденции понимаются как устойчивые паттерны поведения, детерминированные доминирующими мотивами [8]. В работе исследуются: мотивация достижения успеха, связанная со стремлением к цели и готовностью к риску; мотивация избегания неудачи, отражающая осторожность и боязнь ошибок; мотивация социального одобрения как потребность в положительной оценке со стороны окружающих [9].

Эмпирическое исследование проводилось на базе Забайкальского государственного университета. Выборку составили 50 студентов, SD – 20,1 лет, разделенных на две группы: экспериментальную (ЭГ, n=25, студенты с ОВЗ: нарушения опорно-двигательного аппарата, слуха, зрения, общие заболевания) и контрольную (КГ, n=25, студенты с условной нормой здоровья). Группы были сопоставимы по полу, возрасту и факультетской принадлежности.

Для диагностики использовался комплекс психодиагностических методик: опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина и др.; «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна; опросник «Диагностика рефлексии» А.В. Карпова; методика Т. Элерса для диагностики мотивации достижения успеха и избегания неудач; шкала оценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна.

Для проверки статистической значимости различий между независимыми выборками применялся U-критерий Манна-Уитни. Для оценки динамики изменений в ЭГ после формирующего воздействия использовался парный T-критерий Вилкоксона.

Сравнительный анализ статистически значимые различия между группами по большинству изучаемых параметров (Таб. 1).

Таблица 1 – Статистические различия показателей между студентами с ОВЗ и условной нормой здоровья

Исследуемый показатель	Группа студентов с ОВЗ (ЭГ, n=25)	Группа студентов с условной нормой здоровья (КГ, n=25)	Эмпирическое значение (U)	Уровень значимости
Локус контроля	Экстернальный (100%). Низкие показатели по шкалам субъективного контроля.	Интернальный (76% испытуемых). Выраженная склонность приписывать результаты собственным усилиям.	75	$p \leq 0,01$
Уровень эмпатии	Средний (52%) и низкий (28%). Тенденция к снижению способности к сопереживанию.	Высокий (44%) и средний (36%). Более выраженная способность к пониманию эмоциональных состояний других.	189	$p \leq 0,01$
Уровень рефлексивности	Средний (48%) и низкий (44%) уровни. Умеренно высокий уровень – у 8%.	Средний (48%) и высокий (40%). Более развитая способность к самоанализу	163	$p \leq 0,01$
Мотивация достижения успеха	Высокий (48%) и очень высокий (16%) уровни. Средний – у 36%. Низкий уровень не выявлен.	Умеренно высокий (56%) и средний (32%) уровни. Ярко выраженное стремление к цели	128,5	$p \leq 0,01$
Мотивация избегания неудач	Высокий уровень (68% испытуемых). Средний – у 32%. Низкий уровень не	Низкий (52%) и средний (36%) уровни. Высокий уровень – у 12%.	145	$p \leq 0,01$

	выявлен.			
Мотивация социального одобрения	Высокий уровень (68% испытуемых). Средний – у 32%. Низкий уровень не выявлен.	Низкий уровень (60% испытуемых). Средний – у 32%, высокий – у 8%	301	$p > 0,05$

У всех студентов ЭГ (100%) был выявлен экстремальный локус контроля, в то время как в КГ у 76% доминировала интернальность ($U=75$, $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о склонности студентов с ОВЗ объяснять жизненные события внешними обстоятельствами, что может быть следствием гиперопеки и ограниченного опыта самостоятельного преодоления барьеров. Уроки эмпатии и рефлексивности в ЭГ также были достоверно ниже: преобладали средние и низкие показатели, тогда как в КГ – средние и высокие ($U=189$ и $U=163$ соответственно, $p \leq 0,01$). Данная особенность может быть связана с дефицитом разнообразного социального взаимодействия и ситуаций, требующих самостоятельного анализа [10].

Для студентов ЭГ была характерна более низкая мотивация достижения успеха и более высокая мотивация избегания неудачи по сравнению с КГ ($U=128,5$ и $U=145$, $p \leq 0,01$). Это согласуется с выявленным экстермальным локусом контроля и отражает стратегию осторожности, направленную на минимизацию рисков [2]. Мотивация социального одобрения в ЭГ была выражена сильнее, хотя строгая статистическая значимость не достигнута ($U=301$, $p > 0,05$). Качественный анализ показывает тенденцию к высокой потребности в подтверждении собственной значимости со стороны окружающих, что может компенсировать переживания, связанные с ограничениями здоровья [11].

Таким образом, подтвердилась гипотеза о наличии специфических особенностей психолого-мотивационной сферы у студентов с ОВЗ, характеризующихся внешним локусом контроля, сниженной эмпатией и рефлексивностью, доминированием мотивации избегания неудачи при высокой потребности в социальном одобрении.

На основе полученных результатов была разработана для части ЭГ (7 человек с наиболее низкими показателями) психолого-педагогическая программа «Путь к себе. Ступени понимания», направленная на развитие эмпатии и рефлексии. Программа, построенная на принципах гуманистического и деятельностного подходов [7], включала 10 занятий с использованием методов социально-психологического тренинга. Повторная диагностика после ее реализации показала положительную динамику по целевым параметрам, подтвержденную статистически (Т-критерий Вилкоксона).

Это свидетельствует об эффективности целенаправленного психолого-педагогического воздействия в оптимизации данных личностных ресурсов [4].

Проведенное исследование выявило комплекс особенностей

психологических ресурсов и мотивационных тенденций у студентов вуза с ОВЗ, отличающий их от сверстников с условной нормой здоровья. Обнаруженный профиль (экстернальность, сниженные эмпатия и рефлексия, доминирование мотивации избегания неудачи) отражает как влияние ограничений здоровья, так и специфику предшествующего социального опыта [15]. Выявленные особенности необходимо учитывать при организации инклюзивного образовательного процесса и психологического сопровождения [16]. Разработанная и апробированная коррекционно-развивающая программа доказала свою эффективность и может быть рекомендована для внедрения в практику работы вузовских служб психологической поддержки с целью повышения адаптационного потенциала и успешности студентов с ОВЗ [14].

Список использованных источников и литературы:

- [1] Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
- [2] Кожевникова Е.Ю. Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации. Краснодар, 2006. 21 с.
- [3] Колесов С.Г. Локус контроля над поведением людей // Сибирский педагогический журнал. 2012. №5. С. 198-203.
- [4] Кондратюк Н.Г., Моросанова В.И. Регуляторные ресурсы увлеченности работой и преодоления профессиональных деформаций в контексте проблемы благополучия человека в рабочей среде // Российский психологический журнал. 2022. №1. С. 143-157.
- [5] Куц Е.А., Чеботарев С.С. Личностные ресурсы совладающего поведения людей с ограниченными возможностями // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. №4. С. 274-280.
- [6] Лаврик А.В. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. №30. С. 44–48.
- [7] Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Смысл, 2022. 527 с.
- [8] Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
- [9] Матюхина М. В. Мотивация учения. М.: Педагогика, 1984. 144 с.
- [10] Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. №2. С. 102–109.
- [11] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
- [12] Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.
- [13] Розенфельд А.С., Евсеев А.В. Эмпатия – возможности её развития посредством учебно-тренировочной деятельности // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2023. №1. С. 523–530.
- [14] Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 189 с.
- [15] Симатова О.Б. Особенности локуса контроля студентов с различным порядком рождения в семье // Вестник Забайкальского

государственного университета. 2019. №6. С. 143-145.

[16] Твардовская А.А. Исследование профессиональной мотивации студентов-инвалидов в условиях высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. №11. С. 355-357.

© *И.В. Казакова, 2026*

УДК 316.74

Р.А. Курбанова,
ассистент,
К.Р. Сунгатуллина,
магистрант 1 г.о. напр. «Конфликтология»,
Н.А. Шибанова,
к.филос.н., доцент,
Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация

ЦЕННОСТЬ РОДНОГО ЯЗЫКА: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: данная статья посвящена оценке отношения и практики использования родного языка в межпоколенческой динамике. Проанализированы языковые установки и практики старшего, среднего и младшего поколений на примере исследований калмыцкого, чувашского, марийского, хамниганского и ненецкого языков. Рассмотрены современные инициативы по поддержке родных языков, включая цифровизацию, медиапроекты и семейные клубы. Особое внимание уделено факторам, способствующим межпоколенческому взаимодействию по процессе сохранения и передачи родных языков. В статье показано, как степень сохранности языка связана с уровнем вовлеченности каждого поколения в языковую активность.

Ключевые слова: родной язык, поколенческий аспект, межпоколенческая коммуникация, языковая идентичность, языковые инициативы.

Проблема сохранения и передачи родного языка в условиях глобализации и функционирования русского языка как языка межнационального общения приобретает в современной России особую актуальность. Ключевым параметром, определяющим жизнеспособность языка, выступает поколенческий аспект. Динамика ценностного отношения к родному языку, характер и регулярность его использования разными поколениями, особенности межпоколенческой коммуникации в современных условиях цифровизации создают как риски, так и возможности для поиска новых практик и технологий сохранения родных языков.

Эмпирические исследования, проведенные в различных регионах Российской Федерации, фиксируют устойчивую модель межпоколенческого распределения языковых компетенций и практик. Так, С.В. Кириленко опросив носителей калмыцкого языка (n=108 чел.) удалось зафиксировать ряд поколенческих особенностей в использовании родного языка [1]. Старшее поколение сохраняет активное бытовое использование языка и демонстрирует

высокую степень толерантности к языковым ошибкам младших, поддерживая любые их попытки заговорить по-калмыцки. Представители средней возрастной группы, напротив, демонстрируют нерегулярное использование родного языка, переключаясь на русский язык в большинстве коммуникативных ситуаций. Молодежь характеризует достаточно парадоксальная позиция: при минимальном уровне реального использования калмыцкого языка именно эта возрастная группа оценивает его как престижный и значимый идентификационный маркер. Выявленный разрыв между ценностным отношением и реальной коммуникативной практикой разных поколений составляет суть современного языкового сдвига и требует особого внимания при проектировании и осуществлении языковых инициатив.

Важнейшую роль в передаче и сохранении родных языков старшего поколения, особенно института бабушек, отмечают и другие исследования. Как показывают исследования чувашской и марийской диаспор Московского региона, проведенные М.В. Куцаевой, в условиях миграции и урбанизации основным механизмом передачи этнического языка остается институт бабушки [2]. Роль данного института приобретает особую значимость в контексте так называемой внутренней диаспоры, когда родной язык не поддерживается средой и институтом школы. Именно через общение со старшим поколением ребенок впервые осознает родной язык не как абстрактную ценность, а как живой голос близкого и значимого человека, что формирует базу для последующей этноязыковой идентичности, даже если активное владение языком впоследствии так и не будет достигнуто.

Исследование хамниганского языка, предпринятое В.В. Ивановым и А.А. Сюрюн [3] выявило общую закономерность: языковые практики разных поколений имеют отличительные черты. Старшее поколение хамниган выполняет охранительную функцию родного языка, сохраняя его архаичные черты и особенности. Молодёжь выполняет новаторскую функцию – внося в родной язык заимствования и изменения из русского языка. Очень важно, что молодые люди осознают уникальность родного языка, но зачастую лишь на декларативном уровне. Как полагают исследователи, факт осознания создает потенциал для сохранения родного языка, при обеспечении институциональной и медийной поддержки. Очевидно, что потенциал осознания уникальности и ценности родного языка молодежью все чаще учитывают авторы современных инициатив по сохранению и поддержке родных языков, которым придают все более новаторские формы.

Анализ публикаций о современных языковых проектах позволяет выделить несколько стратегий вовлечения разных поколений в языковую активность. Первая, институциональная стратегия, связана с цифровизацией языков и внедрением родных языков в виртуальное пространство. Как отмечалось на IX форуме «Языковая политика в Российской Федерации» в декабре 2025 года [4], молодежь сегодня обитает в информационном пространстве, и если язык отсутствует в мессенджерах, социальных сетях и интерфейсах цифровых устройств, то у молодых людей исчезает прагматическая мотивация для его изучения. В этой связи значимым событием

становится локализация цифровых сервисов крупных IT-компаний: например, добавление языка манси в Яндекс.Переводчик, создание марийского голосового помощника Айвика – эти шаги адресованы прежде всего молодому и среднему поколению, для которых цифровая среда является естественной средой обитания.

Вторая стратегия, напротив, апеллирует к эмоциональной сфере и творческой самореализации, объединяя поколения вокруг совместного творчества. Здесь ярким примером выступает проект Елены Неркаги из Надыма [5], в рамках которого исполняются кавер-версии современных популярных песен, включая хиты Ольги Бузовой, на ненецком языке. Участие в этом проекте принимают как дети, так и молодежь и пенсионеры, что создает уникальную среду межпоколенческого взаимодействия, где отпадает необходимость в дидактическом давлении. Межпоколенческое взаимодействие активно присутствует при реализации игровых проектов. Так, в Республике Татарстан разработаны различные настольные игры (например, «Путешествия по Республике Татарстан», «Символы Республики Татарстан», карточные наборы «Хэрефлэр дөнъясында», иллюстрированные серии по мотивам мультфильмов «Бала» и др.). Эти комплекты используются в образовательных учреждениях и в домашних условиях, что обеспечивает совместную деятельность и коммуникацию представителей разных поколений, передачу опыта между поколениями. Игровой формат, стимулируя непринуждённое общение и искренний интерес к языку, особенно привлекателен для младшего поколения, для которого игра является ведущей деятельностью. Можно предположить, что перевод подобных практик в цифровой формат обеспечит еще большую их востребованность у цифрового поколения, а, следовательно, обеспечит еще лучшую сохранность ценности родного языка.

Анализ публикаций обнаруживает и серьезный вызов: несмотря на энтузиазм активистов, наличие государственных программ, традиционный механизм межпоколенческой передачи языка «от родителей к детям» продолжает ослабевать. В современных условиях актуальные инициативы по цифровизации и медиатизации родного языка не могут полностью компенсировать дефицит живого бытового общения. Однако цифровая среда позволяет достаточно эффективно воздействовать на языковые установки. Воздействие на родителей из среднего поколения носит особенную актуальность, т.к. согласно исследованиям, родители, с одной стороны, испытывают ностальгию по родному языку, а с другой – не видят прагматической необходимости в его передаче детям.

В целом, ценность родного языка не утрачивается от поколения к поколению. Хотя исследования отмечают снижение активного владения родными языками, одновременно наблюдают рост осознания ценности и уникальности родного языка у младшего поколения. Молодежь, использующая в повседневной речи преимущественно русский язык, тем не менее, демонстрирует высокую лояльность к родному языку и готова поддерживать инициативы по его сохранению, особенно в современных, цифровых форматах. Успешные практики поддержания ценности родного языка, описанные в

настоящей статье (каверы, анимация, цифровые сервисы, игры на родных языках) показывают, что эффективная языковая политика должна учитывать специфику мотивации для каждого поколения. Для старшего поколения востребованы уважение и статус хранителя языка как значимой ценности. Среднее поколение нуждается в прагматических аргументах использования родного языка и снятия чувства вины за «неподобающее» отношение к нему. Молодое поколение – в свободе творчества и признании языка «своим» в цифровой среде. Только синтез обозначенных выше подходов, межпоколенческое сотрудничество и уважение, взаимное обучение способствуют сохранению ценности родного языка не как музейного экспоната, а как живого, изменчивого и любимого средства коммуникации для представителей всех поколений.

Список использованных источников и литературы:

[1] Кириленко С.В. Языковые установки и межпоколенческая динамика кодового смешения в условиях билингвальной среды среди носителей калмыцкого языка // Монголоведение. – 2025. – Т. 17, №4. – С. 822-833.

[2] Куцаева М.В. Хранительница нематериального культурного наследия: о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры (на материале социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона) // Сибирский филологический журнал. – 2024. – №2. – С. 240-253.

[3] Иванов В.В., Сюрюн А.А. Особенности межпоколенческой передачи хамниганского языка в условиях многоязычия // Языки коренных народов России в поликультурном пространстве: Сборник материалов конференции. – Горно-Алтайск: НИИ алтаистики, 2024. – С. 106-117.

[4] Хит Бузовой на ненецком. В Москве обсудили, как сохранить редкие языки // Аргументы и Факты. – 2026. – 12 апреля.

[5] IX форум «Языковая политика в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : [о форуме, 2–4 дек. 2025 г., Москва] // Федеральное агентство по делам национальностей : [официальный сайт]. – Электрон. данные. – URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/ix-forum-«yazykovaya-politika-v-rossijskoj-federaczi»> (дата обращения: 12.04.2026). – Заглавие с экрана.

© Р.А. Курбанова, К.Р. Сунгатуллина, Н.А. Шибанова, 2026

УДК 323.2

И.А. Винокурова,
соискатель
напр. «Политология»,
науч. рук.: **В.В. Скоробогачкий,**
д.ф.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»
Уральский институт управления – филиал,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается цифровизация регионального государственного управления в России как механизм политической модернизации. На основе данных рейтинга цифровой трансформации субъектов РФ за 2025 год и результатов экспертных опросов показано, что цифровые инструменты работают асимметрично: они усиливают обратную связь власти и населения в регионах-лидерах и воспроизводят централизованные сценарии контроля там, где институциональная среда слабее. Анализируются эмпирические корреляции между уровнем цифровизации и эффективностью регионального управления, а также политические риски внедрения цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровизация, региональное управление, политическая модернизация, цифровая зрелость, электронное правительство, GovTech.

К 2026 году цифровая трансформация российских регионов перешла из инженерной стадии в политическую. Масштаб сменился. Вопрос теперь стоит о перестройке управленческих институтов – о том, как субъект РФ собирает информацию о территории и взаимодействует с населением при принятии решений. Политическая модернизация предполагает рост адаптивных возможностей институтов власти, и цифровые инструменты сегодня проверяют эту возможность на прочность. Предметом настоящей статьи становится то, при каких условиях цифровизация регионального управления работает как модернизационный инструмент, а при каких производит обратный эффект.

Политологический разрез цифровизации госуправления строится вокруг того, как новые технологии меняют конфигурацию политических институтов. Г.П. Щедрова фиксирует двойственный эффект: цифровые инструменты расширяют гражданскую вовлечённость, но становятся и средой манипуляции

общественным мнением [21, с. 30]. Логика такого двоения понятна. С.В. Володенков и С.Н. Федорченко вводят в разговор понятие платформенного капитализма: информационные данные превращаются в стратегический ресурс корпораций, а государство отвечает формированием собственных цифровых платформ [5, с. 176]. На терминологическом уровне закрепились обозначения «цифровое государство» и «GovTech», сосуществующие с более ранним понятием «электронное правительство». А.А. Рыжова определяет цифровое государство как «трансформирующуюся модель управления, обеспечиваемую различными цифровыми технологиями и инновационными подходами в решении общественных проблем» [16, с. 82]. Концепция GovTech, введённая Всемирным банком, задала для этой модели международную метрику – GovTech Maturity Index, по которому Россия в 2022 году вошла в первую группу стран с высокоразвитыми цифровыми технологиями [15, с. 80].

Содержательная связь цифровизации с модернизацией фиксируется в двух переменных – прозрачности и подотчётности. И.Ю. Храмова и Ю.А. Гриневич, опираясь на методологию ООН, показывают, что индекс развития электронного правительства (EGDI) комбинирует онлайн-услуги, телекоммуникационную инфраструктуру и человеческий потенциал, и рост этого индекса сопровождается расширением открытости управления [19, с. 133]. Этот рост не нейтрален. Коллективная монография НИУ ВШЭ под редакцией Е.М. Стырина и Н.Е. Дмитриевой добавляет к схеме измерения цифрового доверия граждан: без него технологическая надстройка не конвертируется в модернизационный эффект, а ценности госслужбы смещаются непредсказуемо [6, с. 14]. А.А. Косоруков описывает цифровую трансформацию госуправления как «новый технологический этап, основанный на внедрении информационных технологий, цифровизации и автоматизации, изменяющих процессы формирования решений» [11, с. 180].

В российских регионах эта модель разворачивается в границах нескольких нормативных документов. Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, утверждённая Указом Президента РФ от 09.05.2017 №203 [2], и паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [3] фиксируют целевые показатели цифровой зрелости регионов в пяти отраслевых направлениях, включая государственное управление и городское хозяйство. Параллельно действует Федеральный закон от 31.07.2020 №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», создающий регуляторные «песочницы» для цифровых решений [1]. По итогам 2022 года уровень достижения цифровой зрелости составил 65,8% при плановом значении 56,2%, численность ИТ-специалистов достигла 521,9 тыс. человек [20]. Эти цифры задают федеральный фон, но не снимают региональной разницы.

Рейтинг цифровой трансформации субъектов РФ по итогам 2025 года, подведённый Правительством РФ 13 марта 2026 года по 18 показателям, показывает сконцентрированную картину лидерства. В десятке лидеров оказались регионы с разной ресурсной базой, что фиксирует парадокс: цифровая зрелость не сводится к уровню бюджетной обеспеченности. Первые

позиции представлены в таблице 1.

Таблица 1 – ТОП-5 регионов РФ по рейтингу цифровой трансформации 2025 года

Место	Регион	Основной результат
1	Белгородская область	Второй год лидирует по удовлетворённости электронными услугами; сервис «Джинн» сократил время реакции на обращения с 48 до 24 часов
2	Сахалинская область	Внедрён ИИ в проекте «Безопасный город»: выявлено 77 тыс. угроз, время реагирования на кибератаки сокращено вдвое
3	Челябинская область	Подключение к интернету 65 тыс. жителей малых населённых пунктов; 300 льготных ИТ-ипотек
4	Ханты-Мансийский АО – Югра	Проект «ИТ-стойбище»: 95 площадок обеспечивают коренные народы Арктики телемедициной и госуслугами
5	Республика Татарстан	Развитие региональных цифровых сервисов и инфраструктуры ИИ

Источник: составлено автором по данным [14].

Как видно из таблицы 1, лидерство достигается разными стратегиями. Белгородская область делает ставку на скорость обратной связи. Сахалинская – на безопасность и кибердоступность. Челябинская решает задачу инфраструктурного выравнивания между городами и сёлами, Югра ориентируется на цифровую инклюзию арктических территорий. Содержание «цифровой зрелости» у этих субъектов разное, но итоговый рейтинг один.

Рейтинг лидеров описывает вершину распределения. Ниже неё лежит пласт экспертной оценки, и картина там иная. Исследование С.М. Зубарева и А.В. Иванова, проведённое на выборке государственных служащих, фиксирует структуру экспертного отношения к цифровой трансформации госуправления [8, с. 77]. Данные отображены на рисунке 1.

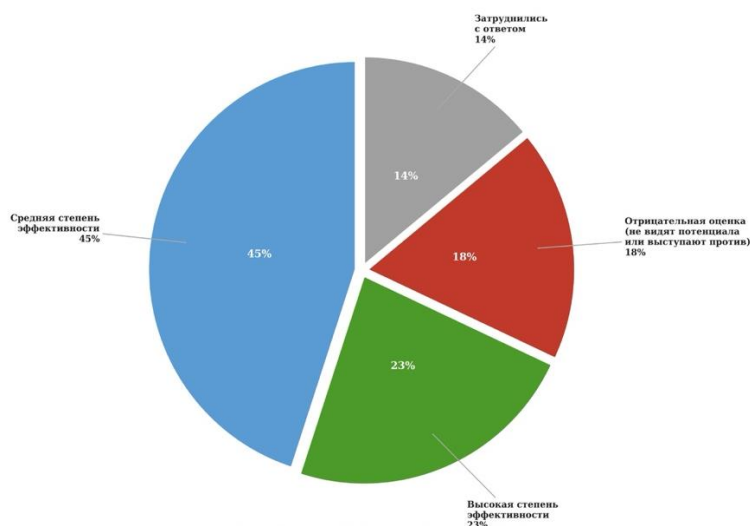

Рисунок 1 – Распределение экспертных оценок эффективности цифровизации госуправления в РФ, %

Как видно из рисунка 1, только 23% экспертов дают цифровизации высокую оценку эффективности, а 18% прямо отрицают её потенциал. Совокупная «центристская» позиция (45% с оценкой «средне» плюс 14% затруднившихся) превышает половину выборки. Госаппарат воспринимает цифровизацию как рабочую технологию, а модернизационный статус она для большинства экспертов пока не получила.

Региональное измерение этого скептицизма неравномерно. В Москве низко оценивают цифровизацию 17,5% экспертов, в Московской области всего 15,5%. В Тамбове показатель достигает 30,8%, в Истре и Дмитрове – по 25%. Разница между московским кластером и провинцией доходит почти до двукратной. Наглядно эти цифры представлены на рисунке 2.

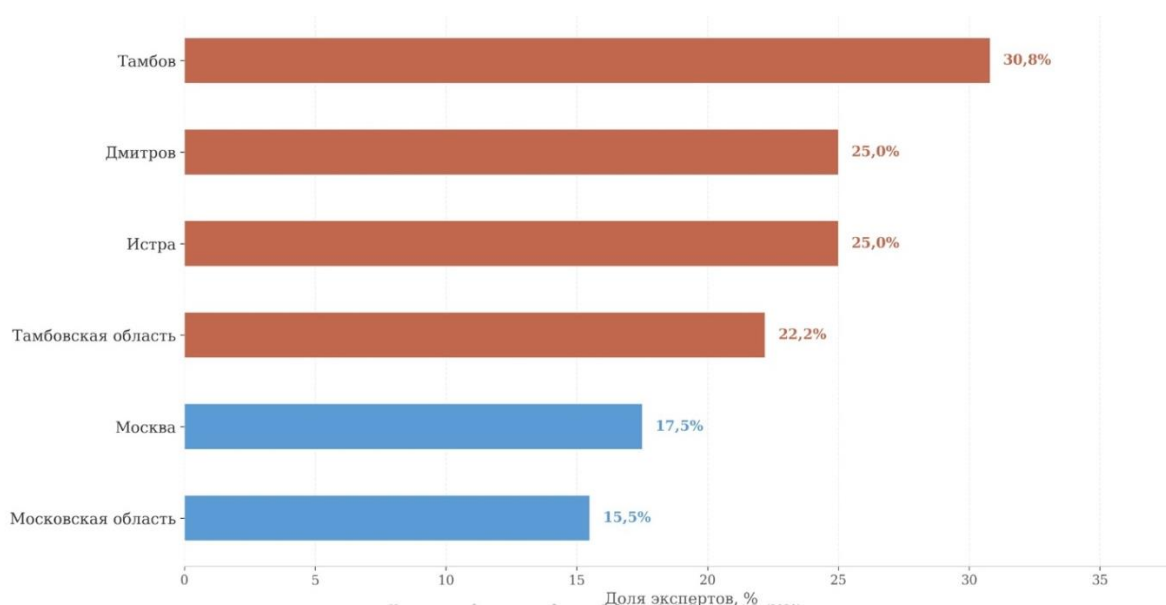

Рисунок 2 – Доля экспертов, низко оценивающих цифровизацию госуправления, по территориям РФ, %

Как видно из рисунка 2, скептицизм нарастает по мере удаления от столичного кластера. В Тамбове каждый третий эксперт считает цифровую трансформацию неэффективной – при такой структуре оценок региональные программы цифровизации работают в условиях институционального недоверия со стороны самих исполнителей.

Причины такой асимметрии находятся в устройстве самих региональных программ. Е.М. Самородова и Е.А. Сотникова, разобрав опыт Орловской области методом SWOT-анализа, фиксируют парадокс. Базовые условия цифровой трансформации в регионе сформированы: действуют стратегические документы с контрольными показателями развития, на их основе выстраивается необходимая инфраструктура. Но в Орловской области отсутствует проработанный механизм интеграции региональных государственных информационных систем в федеральные суперсервисы, наблюдается дефицит кадрового и финансового обеспечения, а цифровая грамотность населения остаётся низкой [17, с. 99]. Общероссийская выборка показывает ту же структуру разрывов между субъектами. Анализ уровня цифровизации всех субъектов РФ на данных Росстата за 2019–2021 годы методом таксономического интегрального показателя выявил выраженную дифференциацию регионов по цифровой зрелости [13, с. 370]. В.В. Строев и С.В. Сидоренко называют основными причинами отставания дефицит финансирования и нехватку квалифицированных кадров. К этому добавляется неразвитая инфраструктура и низкая цифровая грамотность населения [18, с. 8].

Эмпирических доказательств того, что цифровизация работает как управленческий инструмент, больше, чем принято считать. Е.В. Илясова на материале сельского туризма рассчитала корреляцию между уровнем цифровизации региональных органов управления и ростом отраслевой активности: коэффициент $r = 0,72$ при статистической значимости [9, с. 481]. Сроки согласования проектов в текущей институциональной среде достигают 120-135 дней, и автор показывает, что цифровые платформы по международным оценкам сокращают подобные сроки на 50–70%. Управленческий выигрыш не умогримелен. Д.Л. Наполских, Н.И. Ларионова и В.Д. Колчин добавляют к этой картине кластерный ракурс: цифровые коммуникации региональных властей с бизнесом формируют горизонтальные связи и выравнивают доступ малых предприятий к инновационным ресурсам, что корректирует саму модель экономического регулирования на уровне субъекта РФ [12, с. 97].

У цифровизации регионального управления обнаруживается и противоположный эффект, выявленный политологами. А.А. Балаян и Л.В. Томин, анализируя московскую модель «умного города» с системой камер и распознаванием лиц, описывают политические последствия: городская цифровая инфраструктура работает как инструмент сужения протестной активности и позволяет формировать доказательную базу против участников уличных акций. Авторы фиксируют феномен «прозрачности без подотчётности» [4, с. 25]. Московская модель тиражируется в регионах. Кросс-национальное исследование Ю. Кабанова, А. Саниной и Е. Стырина на выборке

171 страны за 2008-2022 годы установило, что эффект электронного правительства на снижение неравенства статистически значим по доходу, но исчезает при контроле институциональных переменных, когда речь идёт о гендерном и групповом неравенстве [10, с. 200]. Цифровизация воспроизводит структуру социальных барьеров, если институциональная среда их удерживает. Автоматического перехода от цифровых инструментов к модернизации политических институтов данные не показывают.

Отдельный вопрос – реакция граждан на перевод услуг в цифровой формат. В.Ю. Егоров, И.Б. Филиппов и А.С. Ахременко по результатам регрессионного анализа установили: главным фактором для каждого типа пользовательской реакции оказывается обязательность использования сервиса [7, с. 230]. Когда гражданин лишён выбора между офлайн- и онлайн-каналом, характер его оценки услуги определяется именно принудительностью перехода. Качество интерфейса здесь вторично. Эффективность сервиса для государства и его приемлемость для гражданина здесь расходятся.

Корреляция 0,72 между уровнем цифровизации регионального управления и ростом его эффективности – эмпирический факт, который переводит спор о цифровой трансформации как политической модернизации из академической плоскости в практическую. В Белгородской области и Югре цифровая зрелость подкреплена измеримым ростом эффективности: время реакции на обращения граждан сокращено вдвое, часть удалённых территорий получила телемедицину и госуслуги через специальные цифровые площадки. Но в московском сценарии «умного города» та же инфраструктура работает в режиме надзорного управления и сужает политическое пространство. Разрыв заметный. Экспертный корпус в провинции в половине случаев не верит в модернизационный потенциал того, что ему поручают внедрять.

Цифровая трансформация усиливает ту институциональную среду, в которой она разворачивается. Там, где региональная власть ориентирована на обратную связь с населением, цифровые инструменты конвертируются в прозрачность и подотчётность. Там, где ориентир иной, связанный с контролем, те же инструменты контроль и усиливают. Вопрос политической модернизации через цифровизацию оказывается вторичным по отношению к вопросу о качестве самих региональных институтов. Именно институциональная рамка определяет, что на данной территории будет цифровизировано: обратная связь гражданина с властью или способность власти наблюдать за гражданином.

Список использованных источников и литературы:

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[2] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[3] Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому

развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. №7 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

[4] Балаян А.А., Томин Л.В. Политические эффекты цифровой трансформации городского управления (на примере г. Москвы) // Управленческое консультирование. – 2021. – №11. – С. 21-33.

[5] Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – №5. – С. 176-194.

[6] Дмитриева Н.Е., Санина А.Г., Стырин Е.М. и др. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллективная монография / под ред. Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 210 с.

[7] Егоров В.Ю., Филиппов И.Б., Ахременко А.С. Цифровизация государственного управления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – №1 (185). – С. 215-241.

[8] Зубарев С.М., Иванов А.В. Социально-политические риски цифровизации и их влияние на государственное управление // Наука. Культура. Общество. – 2021. – №4. – С. 76-91.

[9] Илясова Е.В. Цифровизация как инструмент повышения эффективности государственного регулирования сельского туризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2025. – Т. 12, №4. – С. 477-487.

[10] Кабанов Ю., Санина А., Стырин Е. Цифровая трансформация государства и социально-экономическое неравенство в кросс-национальной перспективе // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22, №2. – С. 195-208.

[11] Косоруков А.А. Цифровая трансформация государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2026. – №114. – С. 174-191.

[12] Наполских Д.Л., Ларионова Н.И., Колчин В.Д. Цифровая трансформация системы государственного управления в контексте задач кластеризации экономики российских регионов // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – №4. – С. 94-101.

[13] Казанбиева А. Х. Оценка уровня цифровизации российских регионов // Инновации и инвестиции. – 2023. – №4. – С. 370-376.

[14] Рейтинги регионов России по развитию информационных технологий [Электронный ресурс] // TAdviser: аналит. портал. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинги_регионов_России_по_развитию_информационных_технологий (дата обращения: 21.04.2026).

[15] Романовская О.В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12, №2. – С. 76-85.

[16] Рыжова А.А. Цифровое государство: понятие и его правовое значение // Наука. Общество. Государство. – 2025. – Т. 13, №4. – С. 80-90.

[17] Самородова Е.М., Сотникова Е.А. Региональные особенности

цифровизации государственного управления: опыт Орловской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2024. – Т. 14, №4. – С. 94-107.

[18] Строев В.В., Сидоренко С.В. Анализ цифровой зрелости регионов Российской Федерации // Вестник университета. – 2024. – №5. – С. 5-14.

[19] Храмова И.Ю., Гриневиц Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: новые возможности для взаимодействия общества и государства // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – №4. – С. 130-140.

[20] Цифровая трансформация в России: итоги 2022 года и планы на 2023 год [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. 30.01.2023. URL: <https://www.garant.ru/article/1605871/> (дата обращения: 21.04.2026).

[21] Щедрова Г.П. Влияние цифровых технологий на политические институты и процессы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2025. – Т. 52. – С. 28-37.

© И.А. Винокурова, 2026

УДК: 636.085

*Э.А. Ширинли,
преподаватель,
Гянджинский государственный
аграрный колледж,
г. Гянджа, Азербайджан*

ВЛИЯНИЕ ПРОБИОТИКОВ И ПРЕБИОТИКОВ НА ПИЩЕВАРИТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЖИВОТНЫХ

Аннотация: в статье рассматривается влияние пробиотиков и пребиотиков на пищеварительную систему сельскохозяйственных животных. Анализируются механизмы действия данных биологически активных добавок, их роль в формировании и поддержании нормальной кишечной микрофлоры, а также влияние на процессы пищеварения и усвоения питательных веществ. Особое внимание уделяется их использованию в животноводстве для повышения продуктивности животных, укрепления иммунитета и снижения заболеваемости желудочно-кишечного тракта. Показано, что применение пробиотиков и пребиотиков способствует улучшению кормовой эффективности и снижению необходимости использования антибиотиков. Сделан вывод о высокой значимости данных добавок в современных технологиях кормления животных.

Ключевые слова: пробиотики, пребиотики, пищеварительная система, микрофлора кишечника, животноводство, кормовые добавки, иммунитет, продуктивность, синбиотики, кормление животных.

Современное животноводство активно развивается в направлении повышения продуктивности и сохранения здоровья животных за счёт биологически безопасных кормовых добавок. Одним из наиболее перспективных направлений является использование пробиотиков и пребиотиков, которые оказывают значительное влияние на функционирование пищеварительной системы животных, улучшая переваривание и усвоение питательных веществ, а также повышая устойчивость организма к заболеваниям. В условиях сокращения применения антибиотиков в кормлении животных данные биологически активные вещества приобретают особую значимость, так как позволяют поддерживать продуктивность без негативного воздействия на экологию и качество продукции.

Пробиотики представляют собой живые микроорганизмы, которые при введении в организм животного в достаточном количестве оказывают положительное влияние на микрофлору кишечника. Наиболее часто используются штаммы молочнокислых бактерий, бифидобактерий и некоторых

видов дрожжей. [6] Они способствуют нормализации микробиологического баланса кишечника, подавляют рост патогенных бактерий и стимулируют развитие полезной микрофлоры. Благодаря этому улучшается процесс пищеварения, повышается усвояемость белков, жиров и углеводов, а также усиливается синтез витаминов группы В и витамина К.

Механизм действия пробиотиков основан на конкуренции с патогенными микроорганизмами за питательные вещества и места прикрепления к слизистой оболочке кишечника. Кроме того, они выделяют органические кислоты и бактериоцины, которые создают неблагоприятную среду для развития вредных микроорганизмов. Это приводит к стабилизации кишечной экосистемы и снижению риска развития дисбактериоза, который часто наблюдается при стрессах, смене рациона или антибактериальной терапии. [1] Пребиотики, в отличие от пробиотиков, не содержат живых микроорганизмов, а представляют собой неперевариваемые компоненты корма, которые служат питательной средой для полезной микрофлоры кишечника. К ним относятся инулин, фруктоолигосахариды, маннанолигосахариды и другие растительные полисахариды. Пребиотики стимулируют рост и активность полезных бактерий, тем самым косвенно улучшая состояние пищеварительной системы и повышая иммунную защиту организма. Они также способствуют увеличению продукции короткоцепочечных жирных кислот (ацетата, пропионата и бутирата), которые играют важную роль в энергетическом обмене клеток кишечника.

Особое значение имеет влияние пребиотиков на морфологию кишечника. Исследования показывают, что их применение способствует увеличению длины ворсинок тонкого кишечника и улучшению структуры слизистой оболочки, что напрямую повышает эффективность всасывания питательных веществ. [3] Таким образом, пребиотики не только регулируют микрофлору, но и улучшают анатомо-физиологическое состояние пищеварительной системы. Совместное применение пробиотиков и пребиотиков, называемое синбиотиками, оказывает синергетический эффект. Оно способствует более эффективному заселению кишечника полезной микрофлорой и её устойчивому функционированию. В результате у животных улучшается аппетит, повышается прирост массы тела, увеличивается молочная и мясная продуктивность, а также снижается частота желудочно-кишечных заболеваний. Кроме того, синбиотики способствуют снижению уровня аммиака и других токсичных веществ в кишечнике, что положительно влияет на общее состояние организма. [2]

Важным аспектом является влияние пробиотиков и пребиотиков на иммунную систему животных. Кишечник рассматривается как один из ключевых иммунных органов, и его микрофлора играет важную роль в формировании иммунного ответа. Пробиотики активируют макрофаги и стимулируют выработку иммуноглобулинов, а пребиотики усиливают этот эффект за счёт поддержки роста полезных бактерий. В результате повышается устойчивость животных к инфекционным и воспалительным заболеваниям. Кроме того, использование пробиотиков и пребиотиков позволяет снизить необходимость применения антибиотиков в животноводстве, что особенно

важно в условиях растущих требований к экологической безопасности и качеству продукции. Это способствует получению более экологически чистых продуктов животного происхождения и снижению риска развития антибиотикорезистентности. В долгосрочной перспективе это направление рассматривается как ключевой элемент устойчивого развития агропромышленного комплекса.

Следует также отметить влияние этих добавок на стрессоустойчивость животных. В условиях промышленного животноводства животные часто подвергаются стрессу из-за плотности содержания, транспортировки и изменения кормовой базы. [4] Пробиотики и пребиотики помогают стабилизировать физиологические процессы, снижая уровень кортизола и улучшая общее адаптационное состояние организма. Практические исследования в различных странах показывают, что включение пробиотиков и пребиотиков в рацион сельскохозяйственных животных способствует увеличению продуктивности на 10–25%, снижению заболеваемости желудочно-кишечными инфекциями до 40% и улучшению конверсии корма. Особенно выраженный эффект наблюдается в птицеводстве и свиноводстве, где скорость роста и эффективность кормления имеют ключевое значение. [5] Таким образом, пробиотики и пребиотики играют важную роль в поддержании здоровья пищеварительной системы животных и повышении эффективности животноводческого производства. Их применение является одним из ключевых направлений современной зоотехнии и биотехнологии кормления. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой новых штаммов микроорганизмов, улучшением форм доставки и изучением долгосрочного влияния синбиотиков на продуктивность и здоровье животных.

Проведённый анализ и обобщение научных данных свидетельствуют о том, что влияние пробиотиков и пребиотиков на пищеварительную систему животных является многогранным и системным процессом. Данные биологически активные добавки не ограничиваются лишь регулированием кишечной микрофлоры, но оказывают существенное воздействие на общий физиологический статус организма, обмен веществ и иммунную систему животных. Их рациональное и сбалансированное применение играет важную роль в повышении эффективности животноводства и более рациональном использовании кормовых ресурсов. Результаты исследований подтверждают, что регулярное использование пробиотиков способствует формированию стабильной микробиоты кишечника, подавлению патогенной микрофлоры и увеличению доли полезных микроорганизмов. Это приводит к оптимизации процессов пищеварения, повышению степени усвоения питательных веществ, таких как белки, жиры и углеводы. Кроме того, усиливается синтез и всасывание витаминов, что положительно отражается на общем состоянии здоровья животных.

Пребиотики, в свою очередь, создают благоприятную среду для развития полезной микрофлоры и усиливают её функциональную активность. Под их воздействием улучшается структура слизистой оболочки кишечника, увеличивается площадь всасывания и активизируются метаболические

процессы. Эти свойства делают пребиотики важным компонентом современных технологий кормления сельскохозяйственных животных. Наиболее выраженный эффект наблюдается при совместном применении пробиотиков и пребиотиков (синбиотиков). Данная комбинация обеспечивает синергетическое действие, повышая адаптационные возможности организма животных. В результате улучшается конверсия корма, увеличиваются прирост живой массы, а также повышается молочная и мясная продуктивность. Одновременно снижается частота желудочно-кишечных заболеваний и необходимость использования антибиотиков.[7] Полученные результаты также показывают, что применение пробиотиков и пребиотиков имеет не только биологическое, но и экономическое значение. Снижение затрат на корма, уменьшение потерь из-за заболеваний и повышение продуктивности животных значительно увеличивают рентабельность животноводческих хозяйств. Кроме того, сокращение использования антибиотиков способствует снижению экологической нагрузки и повышает безопасность животноводческой продукции для человека.

В целом, использование пробиотиков и пребиотиков является одним из ключевых направлений развития современных технологий кормления. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой новых штаммов микроорганизмов, изучением их механизмов действия, а также созданием более эффективных и адаптированных кормовых добавок для различных видов сельскохозяйственных животных. Это будет способствовать устойчивому развитию животноводства и повышению качества продукции.

Список использованных источников и литературы:

- [1] Fuller R. Probiotics in man and animals // Journal of Applied Bacteriology. – 1989. – Vol. 66. – P. 365-378.
- [2] Gibson G. R., Roberfroid M. B. Dietary modulation of the human colonic microbiota: introducing the concept of prebiotics // Journal of Nutrition. – 1995. – Vol. 125(6). – P. 1401-1412.
- [3] Ouwehand A. C., Salminen S. The health effects of probiotics // Annals of Nutrition and Metabolism. – 2004. – Vol. 48. – P. 56-63.
- [4] Schrezenmeir J., de Vrese M. Probiotics, prebiotics, and synbiotics – approaching a definition // American Journal of Clinical Nutrition. – 2001. – Vol. 73. – P. 361-364.
- [5] Воробьев А.А. Пробиотики и здоровье человека и животных. – Москва: Медицина, 2006. – 240 с.
- [6] Киселев А.С. Кормовые добавки в животноводстве. – Москва: КолосС, 2010. – 312 с.
- [7] Лысенко В.П. Микробиология кормов и пробиотические технологии. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. – 198 с.

© Э.А. Ширинли, 2026